

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ИДЕЛЬСОН ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

**ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИРЕКЦИОНАЛЬНОСТИ
ПРИ ДВУЯЗЫЧИИ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент И.С. БОРОЗДИНА

Курск – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДИРЕКЦИОНАЛЬНОСТИ И ДВУЯЗЫЧИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	17
1.1. Категория дирекциональности как составляющая пространственной картины мира в языке.....	17
1.1.1. Взаимосвязь категорий «дирекциональность» и «пространство» на языковом и когнитивном уровнях.....	17
1.1.2. Способы репрезентации дирекциональности в различных языках.....	24
1.1.3. Подходы и методы анализа дирекциональности в лингвистике.....	30
1.2. Двуязычие и особенности речевой деятельности билингвов	42
1.2.1. Билингвизм и его типы.....	42
1.2.2. Факторы, влияющие на овладение вторым языком в условиях естественного двуязычия.....	47
1.2.3. Языковая интерференция при двуязычии и ее виды	51
Выводы по Главе 1.....	59
Глава 2. ЯЗЫКОВАЯ И МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИРЕКЦИОНАЛЬНОСТИ ПРИ ДВУЯЗЫЧИИ	62
2.1. Использование ассоциативных экспериментов и методики субъективных дефиниций в изучении дирекциональности	62
2.2. Исследование особенностей ментальной репрезентации дирекциональности при билингвизме.....	69
2.2.1. Содержание концепта, актуализируемого лексемой <i>space</i> в сознании билингвов.....	74

2.2.2. Содержание концепта, актуализируемого лексемой <i>movement</i> в сознании билингвов.....	98
2.2.3. Содержание концепта, актуализируемого лексемой <i>direction</i> в сознании билингвов.....	117
2.3. Специфика языковой репрезентации дирекциональности билингвами.....	135
Выводы по Главе 2.....	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	185
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	188
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	190
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	192
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	194
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	196

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено теоретико-экспериментальному анализу языковых и когнитивных единиц и структур, вовлеченных в процесс порождения дирекциональных высказываний билингвами. При этом исследуются обусловленные двуязычием особенности содержания и структуры концептов, входящих в категорию дирекциональности, а также причины специфики оформления дирекциональных высказываний носителями двух языков.

Традиционно под дирекциональностью понимается направленное перемещение субъекта/объекта в пространстве [Андреев 2002, 2003]. В ряде отечественных работ в качестве термина, синонимичного дирекциональности, используется термин «направительность». Так, Е.Е. Алтухова отмечает: «... категория направительности (в англоязычной литературе – directionality) – лингво-когнитивная категория, соответствующая обыденному понятию направления» [Алтухова 2006: 3]. Как следствие, под дирекциональным высказыванием мы понимаем единицы языка (отдельные лексемы или словосочетания), способные передавать информацию о направленном перемещении объектов в пространстве. В данной работе анализу подвергаются лексемы, репрезентирующие базовые концепты категории «дирекциональность», а также случаи языковой интерференции при вербализации дирекциональности на втором языке.

Исходя из определения, центральным в содержании дирекциональности является представление о направлении, имеющем непосредственную связь с такими категориями и понятиями, как пространство, время, движение/перемещение, начальная и конечная точки движения, траектория перемещения, способ перемещения. В наиболее общем виде модель дирекционального высказывания можно определить как «объект X движется от

точки А по траектории В к точке С», где А является начальной точкой движения, В представляет собой путь, который выполняется объектом Х, а С – это конечная точка пути [Talmy 2000].

Дирекциональность относится к числу наиболее значимых пространственных концептов, вовлеченных в процесс познания человеком окружающей реальности и получивших языковую репрезентацию, которая, как отмечает Л. Талми, варьируется в зависимости от типа языка [Talmy 1983, 2000].

Ряд языковых и когнитивных аспектов дирекциональности неоднократно становился объектом лингвистических исследований (см., например: [Алтухова 2006, Андреев 2002, 2003, Верютин 2001, Газизова 1999, Голубкова 2002, 2003, Елтанская 2007, 2013, Конобеева 2006, Круговец 2007, Майсак 2005, Никитина, Моисеева 2008, Потылицина 2012, Садовникова 2007, Холина 2013, Bennet 1975, Bohnemeyer 2003, 2010, Bohnemeyer, Enfield, Essegbey, Kita 2007, Gehrke 2006, 2008, Lakusta, Landau 2005, 2012, Landau, Jackendoff 1993, Langacker 1986, 1989, 1999, Morita 2011, Slobin 1994, 2004, Talmy 1983, 2000] и др.). Однако следует подчеркнуть, что в большинстве трудов средства и способы репрезентации дирекциональности изучались либо в рамках одного языка, либо в плане языкового сопоставления, но без привлечения психолингвистических экспериментальных методик, которые давали бы доступ к сознанию индивида-билингва.

Таким образом, **актуальность данного исследования** заключается в недостаточной изученности особенностей языковой и ментальной репрезентации дирекциональности в условиях билингвизма. В частности, существует потребность в экспериментальном изучении содержания базовых концептов дирекциональности в сознании двуязычных индивидов, а также в анализе способов и средств вербализации дирекциональности, которые могут

быть обусловлены взаимодействием родного (Я1) и иностранного/второго (Я2) языков.

Исходя из того факта, что в качестве общего второго языка для исследуемых групп билингвов (вьетнамо-англоговорящих и русско-англоговорящих) является английский язык, мы исследуем базовые концепты дирекциональности SPACE, MOVEMENT и DIRECTION через английские лексемы, их репрезентирующие, в частности, *space* (*пространство*), *movement* (*движение*) и *direction* (*направление*).

Выделяя указанные концепты в качестве базовых, мы опираемся, с одной стороны, на ряд существующих в современной лингвистике определений. Так, базовые концепты вслед за Дж. Лакоффом [Lakoff 1987: 36] рассматриваются как концепты такого уровня, на котором члены родовой категории имеют одинаково воспринимаемую общую форму (*overall shape*), отдельный ментальный образ (*mental image*) и могут представлять целую категорию концептов. В подобного рода концептах находится наиболее ценная информация и знания, приобретенные человеком. В.Н. Телия, например, считает, что базовый концепт «отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия 1996: 96–97]. В этом смысле такие концепты категории дирекциональности, как SPACE, MOVEMENT и DIRECTION, вполне соответствуют предложенным определениям.

С другой стороны, основанием для выделения анализируемых концептов в качестве базовых может послужить таксономический принцип организации категорий в целом [Падучева 2009: 361–375], в соответствии с которым концепты распределяются по трем уровням – суперординатному, базовому и субординатному. На суперординатном уровне в данном случае располагается концепт, вербализуемый лексемой «дирекциональность». На базовом уровне находятся, исходя из определения дирекциональности как направленного

движения объекта в пространстве, такие концепты, как SPACE, MOVEMENT, DIRECTION и OBJECT. Субординатный уровень формируется концептами, конкретизирующими каждый из базовых концептов, например, для концепта SPACE это будет конкретная среда или место перемещения объекта (прилететь из *космоса*, парить в *воздухе*, уплыть по *воде*, идти через *поле* и т.п.). Для концепта MOVEMENT уточняющими будут концепты, хранящие информацию о конкретном типе движения, например, *бежать*, *лететь*, *плыть*, *идти* и т.д. Что касается базового концепта DIRECTION, то на субординатном по отношению к нему уровне будут находиться концепты, конкретизирующие направление перемещения, как, например, *вверх*, *вниз*, *влево*, *вправо*, *прямо*, *по кругу* и т.д. Однако важно заметить, что последний из базовых концептов дирекциональности, обозначающий собственно движущийся объект, в данной работе не анализируется, ввиду его крайней вариативности для каждого отдельного случая.

Теоретической базой проводимого исследования стали труды отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики и психолингвистики (Е.Е. Алтуховой, Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, И.С. Бороздиной, В.Б. Гольдберг, В.З. Демьянкова, Е.А. Елтанской, А.А. Залевской, А.А. Зализняк, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, С.В. Лебедевой, И.Л. Медведевой, З.Д. Поповой, В.А.Плунгяна, Т.Ю. Сазоновой, И.А. Стернина, С.Г. Татевосова, А.Л. Шарандина, Л.В. Щербы, J. Bohmeyer, P. Cifuentes-Ferez, D. Gentner, R. Jackendoff, G. Lakoff, L. Lakusta, B. Landau, R. Langacker, J. O'Keefe, A. Parafragou, H.R. Schmidtke, J. Slack, D.I. Slobin, L. Talmy, J. Zwarts и др.), посвященные изучению вопросов билингвизма, анализу репрезентации пространственной картины мира в языке, а также вопросам организации и проведения психолингвистических экспериментов.

Основной теорией для нас послужила психолингвистическая теория слова, разработанная А.А. Залевской [Залевская 2007], в соответствии с которой

слово рассматривается как средство доступа к единому информационному тезаурусу индивида, сформированному на основе его перцептивно-когнитивно-аффективного опыта (см. подробнее § 2.1).

По мнению А.А. Залевской, «...за словом у индивида лежит широчайшая сеть разнородных многократно пересекающихся связей, устанавливаемых по множеству оснований разных модальностей и уровней обобщённости», а внутренний лексикон человека представляет собой функциональную динамическую (самоорганизующуюся) систему, «в которой имеет место органическое взаимодействие языковых и энциклопедических знаний индивида, а также социально принятых и личностно переживаемых смыслов, норм и оценок» [Залевская 2014а: 2]. Значение слова при этом представляется «в виде многообразных продуктов переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, так или иначе связанного и со словом, и с обозначаемым им объектом (действием и т.д.), и с текущей ситуацией, в которую включен называемый объект, и с эмоционально-оценочным переживанием всего вышеназванного активным и пристрастным субъектом» [Залевская 1999: 131].

Опираясь на данную теорию, мы предполагаем, что изучение языковых средств репрезентации дирекциональности, в частности, лексем, вербализующих ее базовые концепты, через использование психолингвистических экспериментальных методик с участием билингов позволит нам установить содержание данных концептов и выделить те его элементы, которые обусловлены опытом владения двумя языками. Указанный путь исследования можно представить следующим образом: от языковой единицы через ассоциативные связи и субъективные дефиниции к содержанию соответствующего концепта и разностороннему опыту, обеспечившему данное содержание, и далее к межъязыковому/межкультурному сопоставлению.

Особое внимание при этом мы уделяем достижениям, полученным отечественными психолингвистами в области изучения различных видов

билингвизма [Залевская 2008, 2009, Залевская, Медведева 2002]. Как отмечает А.А. Залевская, «...ни одна из частных проблем двуязычия не может глубоко исследоваться без учета современных подходов к теории овладения вторым языком, к трактовке нейрологической базы и механизмов взаимодействия двух и более языков в индивидуальном сознании, речевых ошибок, формирующегося у индивида «промежуточного» языка, используемых им стратегиях и опорах, роли осознаваемости в процессах овладения и пользования вторым языком и т.д.» [Залевская 2008: 128].

Учитывая тот факт, что в современной психолингвистике существует целый ряд подходов к изучению билингвизма, среди которых в зарубежной лингвистике, как пишет А.А. Залевская [Залевская 2008], преобладают генеративистский, когнитивный и коннекционистский, а в отечественной когнитивный и деятельностный подходы, в своем исследовании мы предпринимаем попытку изучения лингво-когнитивных аспектов дирекциональности при билингвизме в рамках деятельностного подхода, акцентируя внимание на механизмах и процессах функционирования языковых единиц и структур, обозначающих направленное перемещение объекта в пространстве, в сознании билингва.

Определяя основные направления своего исследования, отметим, что ряд ученых, занимающихся изучением проблем двуязычия, задается вопросом о том, имеется ли в сознании индивида единая концептуальная система, которая увязана с двумя отдельными языковыми (под)системами [Paradis 2007]. Так, по мнению некоторых исследователей, концептуальная база билингва шире, чем концептуальная база носителя одного языка, но при этом то, как концептуальное содержание развивается, репрезентируется и перерабатывается одинаково и у билингвов, и у монолингвов [Paradis 2007]. В связи с этим мы хотели бы установить, оказывает ли влияние владение двумя языками на содержание базовых концептов дирекциональности.

Важным вопросом для нас также является зависимость использования дирекциональных конструкций на втором языке от степени их осознаваемости билингом. Такие метаязыковые проблемы, как обусловленность функционирования второго языка степенью осознаваемости изучаемых явлений второго языка неоднократно становились объектом психолингвистических исследований [Rosa, Leow 2004], однако не были направлены на изучение языковой и ментальной репрезентации дирекциональности.

Еще одной проблемой, находящейся в фокусе нашего внимания, является изучение вопроса о переключении кодов /code-switching (см., например: [Austin, Blume, Sánchez 2015, Cantone 2007]) при двуязычии и его влиянии на функционирование дирекциональных языковых конструкций. Немаловажное значение для нас имеет и изучение взаимного влияния двух языков, в частности, явления языковой интерференции и ее отражения на формах вербализации дирекциональных конструкций на Я1 и Я2.

Учитывая все вышесказанное, в качестве основной **гипотезы** данного исследования мы выдвигаем следующее предположение: языковая и ментальная репрезентация дирекциональности при двуязычии характеризуется рядом особенностей в сравнении с соответствующими явлениями при моноязычии: на уровне ментальной репрезентации отличия заключаются в объеме содержания базовых концептов и качестве хранимой в них информации о среде перемещения и ее характеристиках, направлении и траектории движения, параметрах и чертах движущегося объекта, средствах и способах передвижения, типе направленного движения (реальном/нереальном); в случае вербализации дирекциональности билингвами отличия затрагивают количество используемых лексем и их способность раскрывать лингвокультурную принадлежность индивида, возможность использования билингвами дирекциональной лексики из Я2 в речи на Я1.

Объектом исследования являются языковые единицы, репрезентирующие базовые концепты дирекциональности на Я2 (в данном случае – английском языке).

Предмет исследования – специфика языковой репрезентации и содержания базовых концептов дирекциональности в условиях естественного двуязычия.

Целью исследования является выявление лингво-когнитивных особенностей репрезентации дирекциональности в речевой деятельности билингвов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1) изучить существующие толкования понятия «дирекциональность», проанализировать его связь с категорией «пространство», рассмотреть используемые в лингвистике подходы и методы анализа дирекциональности, а также способы репрезентации дирекциональности в языковой картине мира;

2) проанализировать существующие в лингвистике подходы к толкованию двуязычия и к его классификации, рассмотреть факторы, влияющие на овладение вторым языком в условиях естественного двуязычия, а также причины, типы и способы языковой интерференции при двуязычии;

3) с помощью ряда экспериментальных методик изучить содержание базовых концептов дирекциональности: SPACE, MOVEMENT, DIRECTION в сознании двух различных групп билингвов, для которых общим Я2 является английский язык;

4) на основе статистического анализа и сопоставления полученных от билингвов экспериментальных данных с соответствующими данными, имеющимися в ассоциативных и толковых словарях, установить различия в содержании базовых концептов дирекциональности у разноязычных групп билингвов, с одной стороны, и билингвов и монолингвов, с другой стороны;

5) выявить особенности вербализации дирекциональности при билингвизме, обусловленные взаимодействием Я1 и Я2 и соответствующих культур.

Научная новизна работы заключается в получении новых знаний относительно языковой и ментальной репрезентации дирекциональности при естественном двуязычии. В частности, получены новые данные относительно содержания концептов SPACE, MOVEMENT, DIRECTION в сознании билингвов; выявлены отличия в содержании данных концептов у билингвов и монолингвов, а также у двух разных групп билингвов; установлены причины указанных отличий и роль перцептивно-когнитивно-аффективного опыта индивида-билингва в их формировании. Для получения указанной информации в работе используются статистические методы анализа, которые еще не нашли широкого применения в лингвистических трудах, но зарекомендовали себя как достаточно эффективные. Новыми являются также данные относительно случаев интерференции Я2 при вербализации дирекциональности на Я1 и ее причин.

Теоретическая ценность исследования состоит в расширении имеющихся знаний в области изучения явления билингвизма, в частности, естественного двуязычия, в углублении представлений о взаимодействии когнитивных и языковых структур при вербализации процесса направленного перемещения билингвами, в выявлении специфики взаимодействия Я1 и Я2 при порождении дирекциональных высказываний индивидами, владеющими двумя языками. Исследование вносит вклад в теорию речевой деятельности и концептуальную теорию, благодаря полученным дополнительным данным о существовании единой концептуальной базы в сознании билингвов и тесном взаимодействии двух языковых систем в их речи.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть включены в преподавание ряда лингвистических и смежных

дисциплин в ВУЗах (психолингвистики, когнитивной лингвистики, теории языка, лингвокультурологии, методики преподавания иностранных языков и культур, теории перевода и т.д.), в практике преподавания английского языка как второго (иностранного), в дальнейших научных изысканиях в области билингвизма и изучения категории дирекциональности в различных языках.

Материалом исследования послужили 1269 ассоциативных реакций и субъективных дефиниций, представленных информантами-билингвами в ходе проведения экспериментального исследования, а также дирекциональные высказывания на Я1 или Я2, содержащие отклонения от языковой нормы и полученные в ходе наблюдения за речью естественных билингвов в США.

Участники эксперимента: 144 двуязычных информанта, постоянно проживающих в США и являющихся естественными билингвами, из них 72 испытуемых, владеющих русским и английским языками, и 72 носителя вьетнамского и английского языков.

Основными **методами** исследования стали общенаучный гипотетико-дедуктивный метод, когнитивное моделирование, концептуальный анализ, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, методы анализа и синтеза, ряд психолингвистических методик (свободный ассоциативный эксперимент и методика субъективных дефиниций), метод наблюдения, постэкспериментальная беседа и анкетирование, а также методы статистического анализа (t-статистика Стьюдента и аналитические методы инферентной статистики Р. Нуньеса).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Языковая репрезентация базовых концептов дирекциональности и их содержание при билингвизме в значительной степени обусловлены взаимодействием двух языков и соответствующих лингвокультур, а также перцептивно-когнитивно-аффективным опытом индивида, связанным с овладением и использованием Я1 и Я2.

2. В билингвальном сознании базовые концепты дирекциональности тесно взаимосвязаны и находятся в состоянии взаимовлияния, когда специфика одного концепта дирекциональности, обусловленная лингвокультурой первого языка, влияет и на другие взаимодействующие с ним концепты.

3. Формы и способы вербализации дирекциональных концептов билингвами находятся под влиянием языковой интерференции, при которой языковые и когнитивные дирекциональные структуры Я1 влияют на речевую деятельность билингва на Я2 и наоборот. Случаи интерференции с вовлечением дирекциональных высказываний обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

4. Содержание базовых концептов дирекциональности у билингов несколько шире, чем у монолингов, так как к представлениям, связанным с направленным перемещением объектов в пространстве, сформированным в процессе овладения первым языком и культурой, добавляются те, которые характерны для второй лингвокультуры. Вместе с тем при вербализации базовых концептов дирекциональности билингвы, в отличие от монолингов, оперируют меньшим количеством лексических средств, которые бы ярко демонстрировали лингвокультурную принадлежность индивида.

5. Представления билингов и монолингов о базовых концептах дирекциональности варьируются по следующим параметрам: среда перемещения и ее качественные характеристики, направление и траектория движения, характеристики движущегося объекта, средства и способы передвижения, движение в материальном или духовном мире.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертации были представлены автором на следующих конференциях: Всероссийская научная конференция «Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы», посвященная 10-летию Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (Тамбов, 11–12 апреля 2013 г.), VII международная научно-практическая

конференция «Профессиональное лингвообразование» (Нижний Новгород, июль 2013 г.), VII Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 21–22 мая 2014 г.), Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Челябинск, 22–24 мая 2014 г.), VIII (XII) Всероссийская научная конференция «Культура как текст» (Москва – Смоленск, 30–31 мая 2014 г.), 9-th Slavic Linguistics Society Annual Meeting (Seattle, WA, USA, 19–21 September 2014), конференция «Жизнь языка в культуре и социуме-5», посвященная 80-летию д.ф.н., проф. Е.Ф. Тарасова (Москва, 29–30 мая 2015 г.), VIII Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.). Кроме того, основные результаты исследования были представлены в виде докладов на заседаниях кафедры теории языка Курского государственного университета.

По теме диссертации опубликовано 11 научных статей общим объемом 4,8 п.л., в том числе 5 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей и пяти приложений.

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования, ее актуальность, теоретическая и практическая значимость, новизна, формулируются цели и задачи диссертации, выдвигается рабочая гипотеза, определяются материал, теоретическая база и методы исследования, указывается структура работы и положения, выносимые на защиту, сообщается об апробации работы и публикации основных результатов диссертации.

Первая глава «Представления о дирекциональности и двуязычии в современной лингвистике» посвящена, в первую очередь, изучению различных

точек зрения отечественных и зарубежных исследователей на трактовку понятий «пространство» и «дирекциональность», форм их взаимодействия, анализу способов репрезентации дирекциональности в различных языках, рассмотрению научных методов анализа и подходов к изучению дирекциональности. Кроме того, в первой главе представлен анализ общетеоретических проблем билингвизма: подходов к его толкованию и классификации, факторов, влияющих на овладение вторым языком в условиях естественного двуязычия, взаимного влияния Я1 и Я2 и его причин.

Во **второй главе** «Языковая и ментальная репрезентация дирекциональности при двуязычии» описываются этапы организации и проведения экспериментов, направленных на изучение специфики содержания базовых концептов дирекциональности – SPACE, MOVEMENT, DIRECTION – в сознании двух разноязычных групп билингвов, и выявляются те характеристики исследуемых концептов, которые обусловлены перцептивно-когнитивно-аффективным опытом билингва, связанным с овладением вторым языком и соответствующей культурой. В главе также приведен анализ случаев интерференции при вербализации дирекциональности, полученных в ходе наблюдения за речью русско-английских билингвов в США.

В **Заключении** излагаются основные выводы по итогам проделанной теоретической и практической работы и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

В **Приложениях** представлены данные, полученные в ходе проведения экспериментов, и информация из англоязычных, вьетнамоязычных и русскоязычных словарей.

ГЛАВА 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДИРЕКЦИОНАЛЬНОСТИ И ДВУАЗЫЧИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Категория дирекциональности как составляющая пространственной картины мира в языке

1.1.1. Взаимосвязь категорий «дирекциональность» и «пространство» на языковом и когнитивном уровнях

Приступая к изучению лингво-когнитивных аспектов дирекциональности, мы, прежде всего, хотели бы остановиться на рассмотрении подходов к толкованию данного понятия в лингвистике и смежных науках. Кроме того, учитывая тот факт, что дирекциональность имеет непосредственное отношение к категории «пространство», мы проанализируем взаимосвязь этих двух понятий.

Как уже отмечалось во введении, дирекциональность в наиболее общем виде можно охарактеризовать как направленное перемещение субъекта/объекта в пространстве. Е.Е. Алтухова отмечает, что направленное движение – это «лингво-когнитивная категория, соответствующая обыденному понятию направления», которая может быть представлена в сознании и в языке, или «отношение движения к определенному ориентиру» [Алтухова 2006: 5].

По мнению О.А. Андреева, дирекциональность является когнитивным конструктом, структура которого состоит из следующих элементов: объект/субъект – направленное движение – дирекционал (начальный – промежуточный – конечный), каждый из которых характеризуется особенностями формального выражения. Субъект дирекциональности представляет собой лицо или предмет, который может осуществлять направленное движение. Объектом дирекциональности является лицо или

предмет, которые в результате воздействия на него субъекта находятся в состоянии движения. Движение – это процесс перемещения, имеющий определенные специфические характеристики. Дирекционал – это пространственная цель, относительно которой осуществляется направленное движение и тремя составляющими которой являются начальный, промежуточный и конечный этапы [Андреев 2002, 2003: 125].

В зарубежной лингвистике для выражения трех указанных составляющих дирекционала используются такие термины, как "source" (источник), "path"/"trajectory" (путь/траектория), "goal" (цель) [Slack, van der Zee 2003, Slobin 1996, 1997, 2000, 2003, Talmy 1983, 2000]. Так, Д. Слобин неоднократно писал о том, что, рассматривая дирекциональность как часть пространственных отношений, «лингвистический анализ типично имеет дело с понятиями *путь* или *траектория*, лежащими между начальной точкой и целью (объектом, релятумом)» [Slobin 1996: 202].

Дирекциональность играет важнейшую роль в пространственных взаимоотношениях, так как «локально-дирекциональная составляющая – это неотъемлемая характеристика пространства, обозначающая направление движения, ориентированного действия или положения предмета, иначе говоря, обозначающая ориентир, к которому направляется (или направился) объект локализации без указания финиша движения» [Садовникова 2007: 8].

В своих многочисленных трудах, рассматривая категории «пространство» и «движение», Е.С. Кубрякова также обращает внимание на их взаимосвязь и отмечает, что пространство представляет собой «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей..., которое наблюдаемо, видимо и осязаемо..., частью которого ощущает себя сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчиненные ему объекты» [Кубрякова 1997: 26].

Анализируя пространственные характеристики дирекциональности, А.А. Зализняк отмечает, что «в центре нашего внимания находится употребление, характеризуемое следующими признаками: имеется в виду перемещение субъекта из одной точки физического пространства в другую, целью которого является нахождение в некоторой точке пространства или контакт с находящимся там физическим объектом» [Зализняк 1997: 30]. Э.М. Рянская уточняет, что дирекциональность является некоторым действием, а «способы действия, наряду с другими языковыми категориями, связаны с идеей членения и осмысления средствами языка пространственно-временных представлений» [Рянская 2002: 13]. В то же время, по мнению Н.С. Потылицыной, к дирекциональности следует относиться как к «неотъемлемой части пространственно-временного восприятия и осмысления действительности» [Потылицына 2012: 3]. При этом О.А. Андреев рассматривает направленное движение как один из важнейших факторов концептуализации сложных и абстрактных процессов.

Из приведенных выше определений и основных характеристик дирекциональности становится очевидным, что такие понятия, как «дирекциональность» и «пространство», находятся в тесной взаимосвязи, т.к. второе является местом реализации первого. Более того, в существующих определениях и повседневном восприятии пространства отмечается его характеристика, как места, в котором происходит когнитивное или физическое движение, изменение формы, структуры, расположения или размещения различных субъектов и объектов, определяется направление их движения и место происходящих спонтанно или запланировано событий и действий субъекта и объекта.

О тесной связи категорий «пространство» и «дирекциональность» говорится не только в лингвистических трудах, но и в ряде других гуманитарных направлений научного знания. Так, в философии

дирекциональность как составляющая категории пространства рассматривается не как объективная реальность, а как субъективное представление, существующее только в сознании индивида. В рамках своей концепции, изложенной в трактате «Критика чистого разума», немецкий философ И. Кант оспаривал существование объективных форм концептов времени и пространства, называя их главными, интуитивными, присущими человеку от рождения, формами чувственности и, обосновывая неразрывную связь пространства с концептом дирекциональности, утверждал, что «движение объекта в пространстве не принадлежит к чистой науке, следовательно, не к геометрии, потому что о том, что вещь подвижна, не может быть известно априори, но только из опыта, а само движение, как акт субъекта, ... рассматриваемое как описание пространства, является простым актом последовательного синтеза многообразного во внешней интуиции с помощью продуктивного воображения» [Kant 1999: 258].

По мнению французского философа М. Мерло-Понти, восприятие и познание пространства человеком основано на движении: познание окружающего мира с помощью психики и тактильных прикосновений трактуется им как «восприятие в движении» [Merleau-Ponty 2002: 117–121].

Особый тип связи пространства и движения предлагает в своих трудах антрополог А. Аппадурай. Рассматривая процессы глобализации, которые затрагивают все сферы человеческого бытия в современном мире, и продолжая развивать «теорию наций» Б. Андерсона (см. [Anderson 1983]), А. Аппадурай доказывает свою концепцию «воображаемых пространств», которые представляют собой пять огромных тесно взаимосвязанных частей глобального пространства и включают в себя когнитивные и физические передвижения из одного пространства в другие («этнопространство», «медиапространство», «технопространство», «финансовое пространство», «пространство идей») [Appadurai 1990: 1–24].

Важно подчеркнуть, что представления о пространстве и направленном движении могут варьироваться от одной лингвокультуры к другой. Так, по мнению ряда исследователей, «осмысление пространства и перемещение в этом пространстве происходило в каждой культуре по-разному, будучи обусловлено определенной иерархией ценностей, прежде всего, национально-культурной спецификой» [Елтанская 2007: 137], отсюда, очевидно, и различия в языковой и ментальной репрезентации дирекциональности у представителей разных лингвокультурных сообществ. Древние инки, например, рассматривали пространство и время как единый концепт – "Quechua racha", взаимосвязанный с дирекциональностью: постоянно движущееся по кругу время делилось на настоящее и прошлое-будущее – совмещенную концепцию прошлого и будущего и проецировалось на географическое пространство [Steele, Allen 2004: 23–24, 86].

В свою очередь, согласно древней индуистской космологии, вселенная является высшим, сложным, бесконечным в пространстве и времени постоянно движущимся существом, которое подвергается циклам создания, разрушения и воссоздания, продолжительность каждого из которых составляет 4320000 лет. Многие индийские философы считали, что три взаимосвязанных концепта (посредник движения – "dharma", пространство – "akasa" и время – "kala") являются составными элементами не имеющих форму субстанций [Teresi 2002: 226]. Так же как в ведической математике, в джайнизме перечисление больших чисел было тесно связано с философией времени и пространства и дирекциональностью; примером может служить слово "rajju", которое означало расстояние, пройденное богом за полгода его путешествий [Joseph 2011: 349–350].

Еще одним примером специфики восприятия пространства и дирекциональности в различных лингвокультурах является то, как представители некоторых племен австралийских аборигенов воспринимали

расстояние, которое для них зависело от количества времени, необходимого для того, чтобы достигнуть определенного места, и того, что произошло во время пути [Selin 2000: 19].

Как будет показано ниже (Глава 2), определенной спецификой характеризуется восприятие пространства и направленного перемещения, распространенное среди жителей России и Вьетнама, чьи языки (русский и вьетнамский) являются Я1 для двух исследуемых групп билингвов.

Учитывая тесную взаимосвязь между категориями пространства и дирекциональности, а также то, что представления о пространстве и направленном движении имеют некоторые отличия у представителей разных лингвокультурных сообществ, будет интересно проследить, как такое положение отражается в сознании билингвов.

Еще один существенный лингво-когнитивный аспект дирекциональности связан с зависимостью характера движения/перемещения объекта от свойств пространства. Исходя из того, что пространство неоднородно по своему составу и характеризуется наличием различных типов, можно предположить, что и процесс направленного движения в разных типах пространства будет происходить по-разному. Анализируя типы пространства и их свойства, И.С. Бороздина пишет о том, что физическое и ментальное пространства можно различить по типу свойств. К первой категории принадлежат пространства множеств и классов, состоящие из многочисленных элементов, свойства которых совпадают, и множества, в которые входит определенное число «индивидуализированно ограниченных элементов». Пространства, которые относятся ко второй категории, можно распределить на две группы. Первая группа представляет собой пространства, содержащие в своей структуре множества, но в то же время не являющиеся множествами. Ко второй группе относятся пространства, не включающие в свою структуру множества (т.е. пространства с неопределенными отношениями и пространства отношений).

Оба типа пространства включают в себя различное перемещение объектов относительно друг друга [Бороздина 2009: 16–17]. По нашему мнению, тот или иной тип пространства оказывает влияние на характер совершаемого в нем движения, что, несомненно, находит отражение в языке. Например, к числу дирекциональных относятся такие глаголы, как *бежать*, *лететь*, *плыть*, но, всем известно, что каждый тип перемещения, описываемый одним из этих глаголов, возможен только в определенном типе или сегменте пространства: *плыть* – в воде, *лететь* – в воздухе, а *бежать* – по твердой поверхности.

Следующим важным для нас вопросом является вопрос о языковых средствах репрезентации дирекциональности. В ряде лингвистических трудов отмечается, что «пространство рассматривается как основная форма существования материи» [Кубрякова 2000: 84], которая имеет первостепенное значение для процесса познания человеком окружающего мира. Для выражения своего восприятия и понимания объективной действительности, постоянно происходящей в пространстве, одной из важнейших составных частей которого является дирекциональность – когнитивное и физическое направленное перемещение субъектов и объектов в пространстве, человеку необходимы различные ментальные и языковые средства. Так, для выражения дирекциональности в различных языках существуют различные лексические, морфологические и грамматические средства.

В типологически различных языках средства выражения дирекциональности (приставки, предлоги, глаголы, словосочетания) часто не совпадают, что выявляется при сопоставительном анализе. Языковые различия в репрезентации дирекциональности отражают и различия в репрезентации пространственных перемещений на когнитивном уровне. В условиях двуязычия когнитивные конструкторы перемещения и их языковые корреляты могут взаимодействовать или даже вступать в конфликт, вызывая тем самым языковые и речевые ошибки и отклонения. Изучение случаев отклонения от

языковой нормы при выражении дирекциональности билингвами, а также анализ содержания базовых концептов данной категории (таких, как SPACE, MOVEMENT и DIRECTION) позволят установить и особенности репрезентации дирекциональности при билингвизме на когнитивном уровне.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что дирекциональность представляет собой неотъемлемую часть пространства как на уровне объективной реальности, так и на уровне человеческого познания, что, в свою очередь, находит отражение в языке. Исходя из определений дирекциональности, можно заключить, что базовыми для данной категории являются концепты SPACE, MOVEMENT и DIRECTION. Практически в каждом языке имеются средства выражения направленного перемещения субъекта/объекта в пространстве, однако в разных языках они могут существенно отличаться, а такое положение дел, в свою очередь, может оказать влияние на вербализацию дирекциональных концептов билингвами. Кроме того, характер направленного перемещения зависит от типа и свойств пространства, что накладывает ограничения на выбор того или иного языкового средства для описания движения. Представления людей о дирекциональности, как и в случае с пространством, могут варьироваться от объективных до субъективных. Важно также подчеркнуть, что восприятие пространства и дирекциональности носителями различных культур может заметно отличаться, что имеет особое значение для исследования дирекциональности в условиях билингвизма.

1.1.2. Способы репрезентации дирекциональности в различных языках

Как уже отмечалось, лингвокультурные отличия в восприятии дирекциональности и пространства, а также различия в типологии языков находят отклик в том, что способы репрезентации дирекциональности могут значительно варьироваться от языка к языку. В связи с этим полагаем, что

изучение лингво-когнитивных аспектов дирекциональности невозможно без рассмотрения вариантов ее языковой репрезентации, которые могут взаимодействовать в сознании билингва.

Среди средств языка, способных передавать информацию о направленном перемещении субъекта/объекта в пространстве, выделяются не только полнозначные единицы, как, например, глаголы, но и служебные слова, такие как предлоги и послелогов, а также ряд морфологических средств. Все эти средства могут находиться в тесном контакте при вербализации дирекциональности. Так, Е.С. Кубрякова отмечала, что в большинстве европейских языков префиксы имеют соотносительные им свободные единицы в виде постпозитивных частиц и предлогов и, несмотря на функциональные различия этих единиц, была высказана идея их коррелятивности [Кубрякова 1986, 1998]. Справедливость данного утверждения подтверждается и на уровне языковой репрезентации дирекциональности. Например, в таких языках, как русский, глагольная приставка и следующий за глаголом предлог дублируют информацию о направлении движения: *выйти из дома, войти в дом, взобраться на гору, спуститься с горы* и т.д.

Л. Талми была предложена концепция совместного рассмотрения постпозитивных частиц и префиксов, которые, по его мнению, выполняют тождественные функции по отношению к глаголу. Описывая способы представления движения и главные семантические модели, существующие в языках, он вводит термин «сателлиты» (*satellites*) для обозначения префиксов и постпозитивных частиц, указывающих на направление или локализацию в дирекциональности и сопровождающих именные и глагольные слова в предложении. Одновременно автор высказывает идею о том, что дирекциональность представляет собой результат объединения четырех внутренних составляющих пространственных отношений: фигуры (объекта), движения, фона и пути, указывающих на направление или место, в котором

расположен объект [Talmy 1978: 627–649]. Позже он представит любое физическое или когнитивное движение как событие, состоящее «из одного объекта (фигуры), которое движется или расположено по отношению к другому объекту (референту или фону)» [Talmy 2000: 25].

Как отмечает Д. Слобин, Л. Талми рассматривает глаголы движения с точки зрения «аспекта концептуальных областей, изменения состояния, корреляции действий и реализации событий» [Slobin 1996: 196]. Проанализировав грамматическую категорию префиксов и постпозитивных частиц, Л. Талми делит языки на две основные группы: глагольно-ориентированные (*verb-framed*) и сателлитно-ориентированные (*satellite-framed or manner languages*) [Talmy 1991: 486].

К первой группе языков, дирекциональность в которых передается с помощью основного глагола, принадлежат такие языки, как испанский, турецкий, японский, иврит, корейский, итальянский, ладино, португальский, французский и др. По выражению Я. Кана, в японском и корейском языках есть постпозитивные частицы («пространственные маркеры»), которые вместе с пространственными глаголами «объединяют отношения способа передвижения объекта, дирекциональности или пути передвижения» [Kang 2012: 2].

Ко второй группе сателлитно-ориентированных языков можно отнести английский, немецкий, русский, китайский, шведский и датский, направление и способ движения в которых обозначается благодаря наличию сателлита – частицы или предлога [Talmy 1991: 486].

В дальнейшем, развив концепцию Л. Талми и проанализировав варианты передачи перемещения и локализации объектов в пространстве в ряде языков, Д. Слобин сделал вывод о том, что языки можно также разделить на *path-type*, *manner-type*, *figure-type*. К первому типу (*path-type languages*) можно отнести языки, в которых в корне глагола наличествует информация о пути перемещения объекта, а способ перемещения и направление представлены в

предлогах и послелогах (сателлитах). В языках, принадлежащих ко второму типу (*manner-type languages*), способ передвижения выражается в корне глагола, а путь – в сателлитах. Согласно Д. Слобину, к третьему типу (*figure-type languages*) принадлежат языки, в которых сателлиты традиционно указывают на путь, причину движения и фон, а информация об объекте и направлении комбинируется в глагольном корне [Slobin, Hoiting 1994: 487–505]. Сопоставляя испанский и английский языки, ученые пишут о том, что «английские глаголы изображают способ движения (*Manner of Motion*), в то время как испанские глаголы отображают траекторию движения (*Path of Motion*)» (см.: [Beavers 2006: 19, Cifuentes-Ferez, Gentner 2006: 444, Pace 2009: 52]).

Это означает, как пишет Б.Б. Базарова, что если в корне глагола отображается способ передвижения объекта, то сателлит указывает на фон, причину движения и путь. Однако если в данном языке дирекциональный глагол указывает только на путь движения, то остальные компоненты всех пространственных отношений: объект, фон и способ движения – выражаются в сателлитах [Базарова 1997: 37].

Как отмечает Б. Герке, «сателлиито-ориентированные языки, такие как английский, характеризуются как имеющие большое количество глаголов движения, которые дополнительно передают способ передвижения объекта или другие значения события, но которые не кодируют путь. В то же время, эти языки имеют большое число сателлитов. С другой стороны, глагольно-ориентированные языки, такие как испанский, как правило, выражают путь (но не способ передвижения объекта) глаголом и имеют значительный набор глаголов, свойственных движению, таких как *entrar* ‘enter’ (*входить*) или *salir* ‘exit’ (*выходить*)» [Gehrke 2008: 194–195].

Способы репрезентации дирекциональности в том или ином языке могут претерпевать значительные изменения в ходе его исторического развития, а также в результате языковых контактов. Обычно в языках, в которых

используются падежи (среди которых есть и такие, которые способны выражать направление и перемещение), существуют и дирекциональные предлоги, хотя в значительно меньшем количестве, чем в языках, не имеющих падежей. Анализируя славянские языки, мы можем отметить, что в них имеется меньшее количество дирекциональных предлогов, чем в германских или романских. В основе романских языков, которые входят в итальянскую ветвь индоевропейских языков, лежит латынь, что и обусловило их своеобразие. Так, например, в итальянском и португальском отсутствуют падежи, однако в них есть сложные и простые предлоги, которые используются в дирекциональных высказываниях. Исторически в глагольно-ориентированных языках часть дирекциональных предлогов в некоторой степени заменила дательный и винительный падежи латинского языка [Hewson, Bubenik 2006: 3–27]. В то же время в немецком языке наряду с употреблением падежей используется большое количество простых и сложных предлогов. В других языках, как например, в венгерском, эстонском и финском, падежи, включая директив, выражаются при помощи послелогов, следующих за существительными.

В этом отношении особенно интересен английский язык, в котором еще в древнеанглийский период начался процесс утраты падежных окончаний, в результате чего английский из синтетического языка стал превращаться в аналитический [Иванова 1999], что, в свою очередь, не могло не повлиять на способы и средства репрезентации дирекциональности. Кроме того, долгий и тесный контакт английского языка с различными диалектами французского после норманнского завоевания привел к тому, что в современном английском языке, наряду с традиционными глаголами движения, характерными для сателлитно-ориентированных языков (например, *to come*), встречаются и глаголы, типичные для глагольно-ориентированных языков, каким и является французский. Например, в современном английском языке часто используется глагол *to enter*, который был заимствован из французского и в значении

которого передается информация о направлении перемещения. Именно поэтому фраза *войти в комнату* переводится на английский язык либо с использованием глагола *to come* с предлогом (*to come into the room*), либо при помощи глагола *to enter* без предлога (*to enter the room*). Как показывают наши наблюдения, описанный случай часто является причиной ошибок, которые допускают в своей речи русско-английские билингвы: следуя устоявшейся как в русском, так и в английском языках традиции выражения дирекциональности (глагол + предлог), они добавляют предлог и во фразах с глаголом *to enter* (**to enter into the room*).

Кроме того, ввиду наличия в английском, как в сателлитно-ориентированном языке, большого количества предлогов и послелогов, указывающих на направление движения и при присоединении к глаголу меняющих смысл всего высказывания, наблюдаются определенные трудности при усвоении и употреблении русско-английскими билингвами подобных дирекциональных высказываний. Например, глагол *to move* в сочетании с различными послелогом имеет совершенно разные значения: *move out* – *съезжать*; *move from...to* – *перейти из одного места в другое*; *move off* – *отъезжать*; *move away* – *уезжать*; *move in* – *въезжать* и т.д., что совершенно нетипично для русского языка.

Необходимо отметить, что даже между языками, принадлежащими к одному типу с точки зрения выражения дирекциональности, могут быть различия в оформлении дирекциональных высказываний, вызванные несовпадениями в концептуализации и категоризации пространственных отношений. Так, И.С. Бороздина, изучая специфику реляционных речевых актов в английском и русском языках, указывает на то, что «в сознании носителей английского и русского языков одни и те же пространственные отношения подвергаются различным способам концептуализации и вербализации, вследствие чего наблюдается отсутствие параллелизма между

соответствующими предложениями двух языков» [Бороздина 2011: 31]. Сопоставляя категорию движения в русском и английском языках, А. Чернышев пишет, что «в русской языковой картине мира движение воспринимается как результат, как цель, то есть в связи с топологическими особенностями конечного пункта. В английской же языковой картине мира существенным оказывается сам характер движения, условия взаимодействия X-а и Y-а в процессе движения, независимо от того, является ли конечный пункт пределом, ориентиром или целью перемещения» [Чернышев 2010: 560]. На указанное явление, по нашему мнению, следует обращать особое внимание при изучении специфики вербализации дирекциональности билингвами.

Таким образом, проведенный анализ показал, что тот или иной способ языковой репрезентации дирекциональности может зависеть от ряда факторов: от традиционных представлений о пространстве и перемещении, принятых в том или ином лингвокультурном сообществе и обусловленных историческим развитием сообщества, от типа языка (сателлито-ориентированный или глагольно-ориентированный язык), от исторических изменений в языке и межъязыковых контактов, от способа концептуализации и категоризации определенных пространственных отношений и объектов и т.д. Несовпадение способов репрезентации на языковом и когнитивном уровнях в Я1 и Я2 часто приводит к ошибкам в речи билингвов.

1.1.3. Подходы и методы анализа дирекциональности в лингвистике

Изучение репрезентации пространственной картины мира в языке и дирекциональности как одного из неотъемлемых аспектов пространства имеет богатую историю и сложившиеся традиции. При этом на всем протяжении существования лингвистики как науки наблюдались изменения основных подходов к исследованию дирекциональности. Особенно ярко эти изменения

проявились с распространением антропоцентрического подхода, когда произошел поворот от изучения дирекциональности в системе языка к ее рассмотрению в непосредственной связи с человеком, его познавательными способностями и опытом.

Так, в представленном ниже определении пространства, где присутствует и компонент направленного движения, человек занимает главенствующую позицию: «Понятие же пространства, чего-то расстилающегося перед *человеком* во все стороны, среды, в которой *человек* может свободно *перемещаться* сам и свободно *перемещать* доступные ему объекты, промежутка между объектами, протяженности и т.д. – все эти черты бытия лишь постепенно включались в структуру понятия, обозначенного словом «пространство», которое тем самым становилось многозначным и развивало новые и новые значения» [Кубрякова 2000: 90] (выделено нами. – *Е.И.*).

Интересно определение дирекциональности, в котором «движение трактуется как функционально-семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории движения» [Круговец 2007: 17], и где четко прослеживается связь между языком и сознанием.

Важно подчеркнуть, что наиболее значимые достижения в области исследования дирекциональности за последние десятилетия были получены в рамках когнитивнолингвистического направления. Как считает А.М. Плотникова, «появление когнитивной семантики позволило переосмыслить ряд традиционных проблем и поставить перед наукой задачи освоения новых лингвистических объектов» [Плотникова 2012: 3].

В рамках когнитивного подхода различные аспекты пространственных отношений и дирекциональности представлены, например, в исследованиях Е.Е. Алтуховой, О.А. Андреева, Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, И.С. Бороздиной, А.А. Зализняк, В.В. Корневой, Е.С. Кубряковой, Т.Н. Маляр, Э.М. Рянской, О.Н. Селиверстовой, Т.Ю. Сазоновой, Д.А. Холиной и целого

ряда западных исследователей: R. Jackendoff, R.W. Langacker, G. Lakoff, B. Landau, D.I. Slobin, L. Talmy и др. М.М. Булынина, рассматривая семантику дирекциональных глаголов, пишет о том, что актуальность ее исследования «определяется новым когнитивно-лингвистическим подходом к исследованию взаимодействия и связей мыслительных и языковых реалий в статическом и динамическом аспектах» [Булынина 2004].

С нашей точки зрения, приступая к изучению лингво-когнитивных аспектов дирекциональности при билингвизме, необходимо обратить свое внимание на уже имеющиеся достижения в данной области. Как отмечает Н.Н. Болдырев, в настоящее время, останавливая свой выбор на определенном научном подходе или методе анализа, исследователь опирается на «знание исходных теоретических установок, принятых в рамках данного подхода, и решение стоящих перед ним проблем применительно к материалу исследования» [Болдырев 2000: 16].

Современные исследования языка уже невозможно представить без тесной взаимосвязи с когнитивной наукой, основной целью которой является изучение когнитивных способностей человека как системы, благодаря которой происходит получение и усвоение информации в результате мыслительного процесса. По словам Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянкова, «все эти когнитивные способности и оказались в поле зрения представителей новой когнитивной парадигмы знания» [Кубрякова, Демьянков 2007: 12].

Принято считать, что одним из первых в 1785 году немецкий исследователь И.Х. Аделунг в своем трактате «О немецком стиле» обратил внимание на существование тесной взаимосвязи между интеллектом и языком, указывая на важность корреляции между познавательной способностью человека и языком для лингвистических исследований [Adelung 1974: 274].

Согласно Н.Н. Болдыреву, «когнитивный подход к изучению языковых явлений базируется на представлении о том, что в основе языка как знаковой

системы и как деятельности лежит система знаний о мире, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной деятельности – концептуальная картина мира» [Болдырев 2000: 16].

Кроме того, не только данные о когнитивных процессах и механизмах позволяют глубже понять факты языка, но и лингвистическая информация является ключом «к пониманию мыслительных категорий и категорий нашего опыта» [Кубрякова 2000: 84].

Давая характеристику аспектам когнитивного направления в лингвистике, А.А. Залевская отмечает, что его основными чертами являются несогласие с концепцией Н. Холмского о главенствующей роли грамматики и принятие за основу теории о «взаимосвязи грамматики с семантикой, а языка – с другими когнитивными и поведенческими системами, вовлеченными в процессы усвоения и использования языка» [Залевская 1999: 10] (выделено нами. – Е.И.).

На наш взгляд, данная точка зрения особенно важна для проводимого нами исследования, т.к. полноценное изучение дирекциональности при билингвизме невозможно без рассмотрения ее языковых проявлений вместе с целым комплексом смежных феноменов, находящихся в состоянии взаимного влияния, как, например, перцептивно-когнитивно-аффективный опыт билингва, коллективный опыт двуязычного сообщества, проявления культуры и традиций, социальных аспектов и т.д. В этой связи можно также привести мнение М. Томаселло о том, что язык представляет собой «сложную мозаику когнитивной и социально-коммуникативной деятельности, которая тесно связана с психологией человека» [Tomasello 1998: 8].

Говоря о важности учета перцептивно-когнитивно-аффективного опыта индивида при изучении языковых явлений, мы опираемся на идею А.А. Залевской о том, что «язык выступает в качестве одного из психических процессов и функционирует во взаимодействии с памятью, мышлением, вниманием, воображением, эмоциями и т.д., ибо только слаженный ансамбль

механизмов психической деятельности человека способен обеспечить адаптацию индивида к окружающей его среде» [Залевская 2014: 2].

Так, в процессе познания окружающего мира и, в частности, перемещения объектов в пространстве, человек полагается как на информацию, поступающую от своих органов чувств (перцепцию), так и прибегает к использованию целого ряда когнитивных процедур (логического анализа, индукции, дедукции, систематизации, генерализации, дифференциации и т.д.), которые находятся в непосредственной связи с чувственно-эмоциональной сферой. В то же время индивид выражает приобретенные и пережитые знания, ощущения, чувства и эмоции при помощи языка, овладеть и пользоваться которым невозможно без перцепции, когниции и чувственно-эмоциональной сферы. Таким образом, в формировании представлений о дирекциональности участвует перцептивно-когнитивно-аффективный опыт, полученный индивидом от взаимодействия с окружающим миром, языком и социумом. При этом нам важно проследить, обладают ли какими-либо особенностями представления о дирекциональности, обусловленные перцептивно-когнитивно-аффективным опытом, сформированным в условиях двуязычия, а также установить, какие вербальные формы они могут принимать.

Следующим аспектом, на который мы хотели бы обратить внимание, является то, что в рамках когнитивной лингвистики достаточно широкое распространение получил функциональный подход, который, как будет показано ниже, затрагивает и некоторые вопросы дирекциональности. Так, анализируя происходящие изменения в современной когнитивной лингвистике, В.З. Демьянков обращает внимание на процесс сближения функционального анализа «с классическим когнитивным направлением» [Демьянков 2000: 27]. Данная точка зрения согласуется с концепцией А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна о том, что в настоящее время когнитивная лингвистика является ветвью лингвистического функционализма [Кибрик, Плунгян 1997: 277]. В дальнейшем

А.А. Кибрик, определяя специфику использования функционального подхода в когнитивно-лингвистических исследованиях, заостряет внимание на том, что «когнитивное направление функционализма особо выделяет роль когнитивных функций и предполагает, что остальные функции выводимы из них или сводимы к ним» [Кибрик 2003: 24].

Следствием этого становится тот факт, что во многих исследованиях происходит замена термина «функциональный подход» на «когнитивно-функциональный» и доказывается необходимость употребления когнитивно-функционального подхода в качестве методологии исследования для рассмотрения различных когнитивных процессов и функциональных ограничений в языке [Васильева 2005: 83–85].

Анализируя природу функционального подхода к изучению языка (подробнее о становлении функционального подхода см.: [Норман 2008, Chovanec 2010, Luelsdorff 1994] и др.), Т.А. Майсак акцентирует внимание на том, что его главный принцип «заключается в том, что структура языка обуславливается функциями, которые он выполняет, целями и условиями его использования» [Майсак 2005: 16]. Иными словами, по утверждению М.Ю. Олешкова, «задача функционализма состоит в объяснении языковой формы через ее функцию» [Олешков 2006: 4] или, как считает С.А. Томпсон, «основная цель функционального подхода состоит в выяснении динамичных отношений между формой и функцией» [Thompson 2003: 53]. В данном случае речь идет, прежде всего, о главной функции языка – коммуникативной. Как подчеркивает лингвист Дж. Николс, «коммуникативная ситуация мотивирует, сдерживает, объясняет или иным образом определяет грамматическую структуру» [Nichols 1984: 97]. Подобную идею выдвигает К. Аллан, который пишет, что «лингвистические структуры могут быть только поняты и объяснены со ссылкой на семантические и коммуникативные функции языка» [Allan 2007: 263]. Следовательно, мы можем предположить, что формы и

средства, используемые билингвами для вербализации дирекциональности, будут также в некоторой степени определяться функциональными характеристиками коммуникативной ситуации.

Функциональный подход неоднократно применялся в когнитивных исследованиях, связанных с изучением ментальной и языковой репрезентации пространственных отношений [Бороздина 2009, 2011, Маляр, Селиверстова 1998, Big, Tai, Thomson 1996, Hörberg 2006, Kang 2012]. Т. Хорберг полагает, что с позиции функционального подхода мы можем различить передвижения объектов в пространстве по характеру действий, совершаемым им, направлению, цели перемещения и изменению положения объекта. Исследователь обращает внимание на тот факт, что на использование многих дирекциональных предлогов могут влиять различные функциональные факторы, включая форму и функции пространственных объектов [Hörberg 2006: 3–6]. Как отмечает И.С. Бороздина, употребление пространственных предлогов в некоторых ситуациях не зависит от геометрических параметров отображаемой пространственной сцены или топологических характеристик объектов, которые вступают в отношения, а в большей степени обусловлено теми функциями, которые объекты выполняют по отношению друг к другу [Бороздина 2009, 2012].

Функциональный подход неоднократно использовался исследователями при изучении дирекциональности, так как «рассмотрение категории движения в русле функционального направления позволило по-новому представить структуру данной категории, принципы ее организации, положение среди категорий бытия» [Круговец 2007: 3]. По мнению ряда лингвистов, «функциональный подход описывает коммуникативную функцию отображаемого движения, используя словесные обозначения, при этом происходит классификация движения» [Samadani, Burton, Gorbet, Kulic 2013].

Одними из главных лексических средств репрезентации дирекциональности являются глаголы движения, а модель дирекционального высказывания можно определить как «объект X движется от точки А по траектории В к точке С», где А является начальной точкой движения, В представляет собой путь, который выполняется объектом X, а С – это конечная точка пути [Talmy 2000]. В этой связи функциональный подход также дает возможность ответить на вопрос о том, имеются ли ограничения на употребление той или иной лексической единицы для обозначения указанных выше компонентов дирекционального высказывания – X, А, В и С.

Важно также подчеркнуть, что в современных лингвистических исследованиях применяется широкий спектр подходов и методов анализа явлений, связанных с категорией дирекциональности. В настоящее время исследователи не ограничиваются только традиционными лингвистическими методами, но и широко используют экспериментальные и естественно-научные методы анализа, которые позволяют повысить валидность получаемых результатов. Идея о том, что «методика математических и естественно-научных дисциплин является целесообразным объектом языкознания» [Graefen 1997: 39], становится все более популярной.

Среди математических методов анализа особое место занимают те, которые основаны на статистической обработке данных. Ряд ученых полагает, что происходящие «колебания» в языке обуславливают его дальнейшее изменение и развитие, однако не могут быть регулярными и поэтому их можно отобразить математически и статистически [Норман 2008; Chovanec 2010; Томп 1995]. Как будет показано ниже (Глава 2), статистические методы анализа, в частности t-статистика Стьюдента и аналитические методы инферентной статистики Р. Нуньеса [Nuñez 2007], могут быть весьма продуктивными в изучении лингво-когнитивных аспектов дирекциональности при билингвизме.

Кроме того, в современной лингвистике в связи с изучением пространственной картины мира в языке используются и некоторые подходы, разработанные в геометрии. Как пишет И.С. Бороздина, способ концептуализации и вербализации пространственных отношений может быть обусловлен выбором системы координат, относительно которой происходит восприятие пространственной сцены [Бороздина 2011].

Такая точка зрения согласуется с современной концепцией рассмотрения пространства и времени как сложной конфигурации векторных пространств. Данная концепция является попыткой интерпретировать исторически сложившиеся в языке представления о пространственных отношениях и дирекциональности современным математическим языком. Так, Н.Н. Болдырев указывает на то, что «ориентация относительно деятеля или наблюдателя ... может быть представлена как вектор высказывания, который носит либо преимущественно денокативный, либо преимущественно интенциональный характер. В первом случае вектор высказывания совпадает с онтологическим вектором события, который направлен от активного источника события к его объекту» [Болдырев 2000: 213].

Термин «вектор» часто используется исследователями и в отношении изучения дирекциональности в языке. Лингвист Д.А. Холина пишет, что одним из главных компонентов универсального прототипа ситуации является «направление, слагающееся из векторов, определяющих траекторию» [Холина 2013: 7].

Понятие вектора присутствует и в выдвинутом Ю. Бонмайером принципе кодирования событий движения при помощи «ограничения уникальным вектором» (UVC – "unique vector constraint"). Согласно его теории, данное ограничение присутствует в большинстве современных языков, которые могут кодировать перемещение объекта [Bohnenmeyer 2003]. Ю. Бонмайер утверждает, что предложенный им способ ограничения кодирования дирекциональности,

который заключается в использовании геометрических характеристик векторов в качестве формальных спецификаций, позволяет выразить репрезентацию пространственных отношений в лингвистике с точки зрения математического подхода, поскольку в предложении наблюдается соответствие между векторным представлением событий движения и языковой спецификацией структуры предложения.

Среди концепций, направленных на анализ репрезентации дирекциональности с позиций математического подхода к языку, можно назвать пространственно-векторную модель Д. Цварта, содержанием которой являются векторы и единая семантическая основа для четырех пространственных областей, включая размер, форму, ориентацию и пространственные части [Zwarts 2003: 39–41].

В свою очередь Дж. О'Киф предлагает две концепции в отношении математических способов описания дирекциональности, в частности, дирекциональных предлогов – теорию когнитивных карт и теорию векторной грамматики [O'Keefe 2003]. Дж. О'Киф исходит из установки когнитивной науки о том, что вся информация о репрезентации пространства кодируется пространственными клетками ("place cells") в нейронных структурах головного мозга – гиппокампе, и полагает, что пространственные отношения, которые кодируются векторными представлениями, т.е. «когнитивной картой», представляют собой абсолютную и объективную (т.е. аллоцентричную) пространственную репрезентацию окружающего мира [O'Keefe 2003: 70–72]. В теории векторной грамматики исследователь предлагает использовать для определения местонахождения объекта вектор, включающий в себя направление и дистанцию от места нахождения объекта [O'Keefe 2003].

В рамках математического подхода к изучению пространственных отношений наиболее последовательно идея геометрического подхода к изучению дирекциональности представлена в разработанной П. Гэмбаротто и

Ф. Мюллером модели анализа, которая базируется на представлении о пространственных регионах ("domains") как примитивах для геометрического обозначения дирекциональности [Gambarotto, Muller 2003].

Лингвист К. Ковентри, анализируя и подразделяя пространственные предлоги в английском языке на три категории (топологические, проективные и дирекциональные), также утверждает, что для понимания употребления пространственных предлогов в языке необходимо использовать геометрические измерения, а репрезентация пространственных отношений и дирекциональности включает в себя семантический и прагматический компоненты [Coventry 2004].

Рассматривая математические подходы и методы, которые изначально появились в точных науках, совершенно не связанных с языкознанием, но широко применяются в современной лингвистике для анализа понятий пространства, времени и дирекциональности, мы не можем не обратиться к топологическому подходу [Thiering 2009]. Как отмечала Е.С. Кубрякова, «нам кажется более убедительной такая трактовка пространства, которой придерживается сегодня большинство когнитологов: современный человек не может отвлечься ни от чувственных элементов его восприятия, но – одновременно – и от геометрической концептуализации пространства» [Кубрякова 2000: 90]. Мы также можем согласиться с выводом И.М. Кобозевой о том, что «в принципе, возможно описать любой фрагмент пространства с позиций научного его понимания, включая сюда все тонкости зависимости пространства от материальных процессов..., если при этом со знанием дела использовать средства специальных языков науки (геометрии, топологии, алгебры, теоретической физики и т.п.)» [Кобозева 1997: 154].

Топология является одним из разделов математики, в котором изучаются такие характеристики, как явление непрерывности, свойства пространства, ориентируемость и связность, которые считаются неизменными величинами,

несмотря на происходящие в пространстве непрерывные преобразования. Однако, в отличие от геометрии, в этом разделе не анализируются метрические свойства объектов [Seifert, Threlfall 1934, Breitenberger 1999].

В современной лингвистике, как полагает И.С. Бороздина, понятие топологии имеет несколько иной смысл, нежели в математике [Бороздина 2009]. Так, например, К. Левин, используя в своих исследованиях топологию и векторный анализ, отмечал, что «лингвистическая топология считается наиболее общей наукой о пространственных отношениях, которая может базироваться на взаимосвязи между «частью» и «целым», ... и различия в размерах не учитываются в топологии», как и метрические свойства объектов [Lewin 1936: 87–88].

Наиболее интересным, на наш взгляд, является исследование пространственных отношений и дирекциональности, проведенное С. Уэллетом и Д. Девисом с использованием топологического подхода. Лингвисты подразделяют по геометрическим параметрам описываемой сцены содержание всех существующих пространственных отношений на три категории: дирекциональные, дистанционные и топологические. Доказывая свою теорию, они утверждают, что если дистанционные отношения зависят от расстояния между двумя объектами и размера описываемой сцены, то для топологических отношений результат лингвистической репрезентации зависит от деталей геометрической формы [Ouellet, Davies 2013: 210].

Таким образом, развитие антропоцентрического подхода в лингвистике открыло новые возможности в изучении дирекциональности. Наиболее ценные данные о лингво-когнитивных аспектах дирекциональности при двуязычии, на наш взгляд, можно получить при проведении исследования в рамках когнитивного направления и с учетом ряда сопутствующих процессов и явлений, вовлеченных в использование первого и второго языков, включая функциональные характеристики коммуникативной ситуации.

В современных исследованиях дирекциональности успешно применяются математические методы анализа: статистические, геометрические и топологические. Статистические методы анализа получили достаточно широкое распространение при исследовании различных аспектов дирекциональности и позволяют существенно повысить валидность получаемых результатов за счет снижения уровня субъективизма в оценке исследуемого явления. В рамках геометрических методов анализа при изучении ситуаций, описывающих направленное движение, внимание исследователей акцентируется на метрических параметрах всех участников процесса перемещения, а также на влиянии геометрических параметров на выбор языковых средств при оформлении дирекционального высказывания. Топологические методы анализа позволяют более подробно рассмотреть свойства участвующих в перемещении пространственных объектов, которые остаются неизменными и не соотносимы с геометрическими измерениями этих объектов. В данном случае лингвистов интересуют те ограничения, которые накладываются на способ языкового описания дирекциональности, исходя из топологических свойств объектов. В практической части данного исследования предполагается использование комплекса математических методов изучения дирекциональности, основанных на представленном анализе.

1.2. Двуязычие и особенности речевой деятельности билингвов

1.2.1. Билингвизм и его типы

Поскольку тема нашего исследования предполагает анализ языковых и когнитивных аспектов дирекциональности при двуязычии, мы считаем необходимым рассмотреть основные подходы к пониманию двуязычия и его типов, сложившиеся в современной лингвистике.

В современном языкознании используются два синонимичных термина – «двуязычие» и «билингвизм», которые трактуются как владение двумя языками или литературным языком и диалектом в результате естественного или искусственного освоения этих языков [ПСЛТ 2010: 45]. Понятие билингвизма приложимо как к отдельному человеку, так и к сообществу людей, хотя в последнем случае часто используется и термин «диглоссия».

По данным «Лингвистического энциклопедического словаря» под редакцией В.Н. Ярцевой [1990] явление билингвизма входит в понятие мультилингвизма или полилингвизма, которое определяется как «употребление нескольких языков в пределах определённой социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией», при этом «многоязычие реализуется чаще всего в форме двуязычия (билингвизма)» [ЛЭС 1990].

В лингвистической литературе определение билингвизма варьируется от так называемого «узкого», когда билингвом можно назвать только человека, владеющего двумя языками на уровне, практически соответствующем уровню владения родным языком ("native-like") [Bloomfield 1961], до «широкого» понимания, при котором основным требованием для билингва является способность осуществлять коммуникацию на двух языках или, как пишут Дж. Остин, М. Блум и Л. Санчес, ссылаясь на мнение Э. Хаугена, билингв – это тот, «кто может производить имеющие смысл предложения на неродном языке» [Austin, Blume, Sánchez 2015: 42].

Кроме того, термин «билингвизм» употребляется в отношении различных сложных процессов овладения вторым языком и взаимодействия лингвистических систем родного и иностранного языков в условиях межкультурного общения, под которым, как считает Е.Ф. Тарасов, понимается

«общение носителей разных культур (и обычно разных языков)» [Тарасов 2004: 39].

В связи с большим разнообразием в проявлении билингвизма существует ряд классификаций двуязычия и его типов. Так, по мнению М. Робертса, понятие двуязычия подразумевает присутствие психологического и социокультурного аспектов. На социокультурном уровне М. Робертс предлагает разделить двуязычие на два типа: «координационное» и «подчинительное». Координационное двуязычие существует в двуязычном обществе, в котором происходит непрерывное и свободное общение на обоих языках. Подчинительное двуязычие присутствует там, где один из языков играет основную или доминирующую роль, а второй является специфичным или подчиненным. М. Робертс считал, что при первом типе билингвизма возможно вхождение слова из одного языка в лексическую систему другого с сохранением своего значения, а при втором типе в процессе обмена происходит изменение смысла приобретенного слова [Roberts 1939: 35]. Например, как мы смогли заметить за время проживания в англоязычном обществе, слово "occipant" для англоязычных жителей США означает *«человек, занимающий какую-либо должность, водитель на трассе, арендатор, временный владелец жилья, жилец, обитатель»*. В то же время среди русско-английских билингвов это слово чаще всего интерпретируется как *«человек, который захватил чужую территорию в ходе военных действий»*.

Различные аспекты билингвизма широко изучаются в рамках психолингвистики, где также выделяются разные его типы. Так, А.А. Залевская указывает на три группы критериев для разграничения нескольких типов двуязычия: «по характеру условий овладения языком; ... по характеру превалирующих процессов, стратегий и опор, используемых ... при овладении и пользовании вторым языком; ... по характеру продуктов, получаемых в

результате таких процессов в тех или иных случаях овладения вторым языком» [Залевская 2009: 11].

Учитывая характер условий овладения Я2, ученые различают два типа двуязычия: естественное и искусственное (учебное) двуязычие. Первое из них формируется благодаря влиянию языковой среды, наличию естественных ситуаций и неограниченной практики общения, а также веской мотивации, поскольку двуязычие представляет собой необходимое средство адаптации человека к окружающему миру. При этом, овладевая вторым языком, индивид не подвержен воздействию таких факторов, как использование преподавателем специально разработанной системы и методики обучения. Именно эти факторы способствуют появлению искусственного двуязычия, которое возникает при изучении человеком второго языка в отрыве от реальной среды и характеризуется ограниченной языковой практикой [Залевская 2009: 11–12].

А.А. Залевская отмечает [Залевская 2009: 12], что доминирующие процессы, стратегии и опоры развития естественного и искусственного двуязычия могут быть противопоставлены по следующим аспектам (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ параметров естественного и искусственного двуязычия

Естественное двуязычие	Искусственное двуязычие
1. Формирование двуязычия благодаря неограниченной практике общения.	1. Заучивание и использование иностранных слов на уроке.
2. Жизненная необходимость адаптации к другой лингвистической культуре.	2. Отсутствие мотивации при использовании второго языка.
3. Наличие неосознаваемых процессов анализа, синтеза, сравнения,	3. Преимущественно сознательно осуществляемые процессы анализа,

классификации.	синтеза, сравнения, классификации.
4. Превалирование автоматизированного выбора выражений и образцов речи.	4. Доминирование неавтоматизированного предпочтения слов и стандартов речи.
5. Возможность лингвистического «перехода» с одного языка на другой.	5. Перевод выражений с одного на другой язык.
6. Приобретение в детстве благодаря наличию естественных ситуаций.	6. Приобретение в более осознанном возрасте в учебной ситуации.
7. Параллельное видение мира и обеих лингвистических систем в одинаковой плоскости.	7. Развитие лингвистической системы иностранного языка при наличии уже сформировавшегося видения мира благодаря родному языку.
8. Концентрация внимания на смысле постигаемого, произносимого, услышанного.	8. Перенос внимания на лингвистические средства.

Принято считать, что существуют различия между естественным и искусственным билингвизмом на уровне характера результата овладения двух языков, т.е. продукта двуязычия [Залевская 2009: 12] (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Отличия между продуктом естественного и искусственного двуязычия

Естественное двуязычие	Искусственное двуязычие
1. Двуязычие координативного или смешанного типа.	1. Двуязычие субординативного типа.
2. Коммуникативная компетенция.	2. Условно-коммуникативная компетенция.

3. Преобладание знаний процедурного типа.	3. Преобладание знаний декларативного типа.
4. Владение языком как средством познания и общения («живым» знанием).	4. Пользование языком в пределах, ограниченных программой и количеством занятий в классе и лаборатории.

Таким образом, проанализировав подходы к определению билингвизма и варианты его толкования в лингвистике, в данной работе мы будем придерживаться «широкого» понимания билингвизма. Мы согласны с О.С. Ахмановой, которая считает, что «...билингвизмом можно считать владение двумя языками (в относительно равной степени) и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию, даже при минимальном знании языка» [Ахманова 1969: 67]. Во избежание повторов в диссертации используются оба термина-синонима – «билингвизм» и «двуязычие».

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что наше исследование направлено на изучение лингво-когнитивных аспектов дирекциональности в условиях такого типа двуязычия, как естественное двуязычие, при котором наблюдается более глубокое осознание билингвом не только единиц и структур второго языка, но и культуры сообщества, говорящего на Я2, что, как представляется, находит свое проявление при вербализации дирекциональных концептов.

1.2.2. Факторы, влияющие на овладение вторым языком в условиях естественного двуязычия

Выдвигая в качестве гипотезы положение о том, что языковая и ментальная репрезентация базовых концептов дирекциональности при

двухязычии может иметь специфические черты, которые обусловлены перцептивно-когнитивно-аффективным опытом индивида, владеющего двумя языками, мы считаем, что и собственно процесс овладения и пользования вторым языком представляет собой часть этого опыта. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть те факторы, которые традиционно влияют на овладение вторым языком, так как существует вероятность того, что они могут влиять и на лингво-когнитивные аспекты дирекциональности при естественном билингвизме.

Результаты целого ряда лингвистических трудов свидетельствуют о том, что языковые структуры родного/первого языка могут оказывать существенное влияние на овладение вторым языком, поскольку во многих случаях он может доминировать над иностранной речью. Причины доминирования могут быть обусловлены такими факторами, как возраст и последовательность овладения языками, частота и актуальность использования одного из них. Например, считается, что чем позже индивид начинает овладевать вторым языком, тем сильнее проявляется влияние Я1 на Я2 [Austin, Blume, Sánchez 2015]. В то же время существуют данные, которые свидетельствуют о том, что и родная речь может находиться под влиянием Я2 в результате постоянного общения говорящего на нем [Залевская 2009, Swan 1997, Talmy 1991].

Как пишет К. Аллан, на овладение Я2 могут оказывать влияние социокультурные факторы [Allan 2007: 263]. Возможность усвоения второго языка на уровне родного может зависеть от возраста изучающего второй язык. Дети приобретают его быстрее и легче, чем взрослые, как считает Г. Рикхайт [Rickheit 2007: 142]. Также на обучение второму языку влияют личностно-психологические характеристики говорящего: его индивидуальные лингвистические навыки и мыслительные способности, позволяющие быстро или медленно усваивать материал и применять его на практике. При наличии у индивида хорошо развитых когнитивных способностей процесс усвоения

второго языка происходит успешнее и в течение более короткого периода времени [Allan 2007: 263].

Кроме того, принято считать, что билингвы быстрее усваивают второй язык в условиях естественного двуязычия, когда присутствует сильная мотивация к овладению Я2 [Rickheit 2007: 143]. Так, например, в условиях естественного билингвизма, когда индивид оказывается в новом обществе, где единственной возможностью общаться с окружающими является иностранный язык, скорейшее овладение им становится насущным вопросом [Залевская 2009: 12].

На овладение и пользование Я2 влияет также такой фактор, как превалирование или бóльшая престижность одного из двух языков, которые используются в данном лингвокультурном сообществе. В странах Латинской Америки, где на большинстве территорий сосуществуют языки индейских племен и испанский язык, последний считается более престижным и превалирует в ряде сфер общения (образование, наука, политика и т.д.). Изучая явление билингвизма в испаноговорящих странах, Дж. Остин, М. Блум и Л. Санчес отметили, что «...во многих случаях вместо использования первого языка выходцы из малочисленных этнических групп и эмигранты предпочитают общаться между собой и со своими детьми на втором языке, который является доминирующим в данном обществе» [Austin, Blume, Sanchez 2015: 10]. Такое положение дел, несомненно, способствует более успешному овладению Я2 и влияет на используемые индивидом языковые и когнитивные конструкции, связанные с Я2.

Не только социокультурные факторы способны влиять на речевую деятельность билингва. Существенное влияние на Я2 могут оказать и характеристики фонологической, лексической, морфологической и синтаксической систем Я1. М. Сван, опираясь на мнение Ш. Блум-Кулки и Э.А. Ливинстона, отмечает, что отличия фонологических систем двух языков

существенно влияют на изучение новых слов. Так, легче всего усваиваются те иностранные слова, которые более или менее соответствуют фонетическим и орфографическим нормам родной речи. Более того, в родном языке могут отсутствовать не только фонологические аналоги из второго языка, но и целые группы морфем или средства выражения некоторых грамматических категорий. В таких случаях под влиянием структур родного языка они могут быть даже пропущены билингвом, когда он говорит на Я2 [Swan 1997].

Наш личный опыт работы в средней школе и колледже г. Сиэтла (США) подтверждает данное утверждение, т.к. неоднократно приходилось наблюдать, что студенты-сомалийцы, владеющие английским как Я2, часто пропускают артикли и предлоги, так как в их родном языке высказывания строятся иным образом [Andrzejewski 1960, Appleyar 1990, 1992 и др.].

Существует лингвистический фактор, влияющий на освоение и пользование Я2, который имеет непосредственное отношение к изучаемой нами категории дирекциональности. Так, Л. Талми в своих трудах указывает на разделение языков на глагольно-ориентированные или сателлитно-ориентированные в зависимости от того, какие языковые структуры используются для обозначения направленного перемещения, особенно в отношении способа вербализации траектории движения ("path") и способа перемещения ("manner") [Talmy 1991: 486]. Опираясь на опыт работы с иностранными студентами в США, мы можем подтвердить следующую закономерность: если оба языка (родной и изучаемый) относятся к одной и той же языковой группе согласно классификации Л. Талми, то вероятность овладения вторым языком на уровне родного существенно возрастает. Это можно отметить на примере немецкоговорящих студентов колледжа, которые испытывают намного меньше затруднений при изучении английского языка, чем студенты, приехавшие из Японии или Кореи, поскольку оба языка,

английский и немецкий, принадлежат к группе сателлито-ориентированных, а японский и корейский языки относятся к группе глагольно-ориентированных.

Итак, проведенный анализ показал, что среди факторов, оказывающих влияние на овладение и пользование билингвом вторым языком, существуют, как социально-культурные и личностные, так и лингво-когнитивные. Особую важность для данного исследования приобретают собственно языковые факторы, зависящие от типа языка по классификации Л. Талми и способа передачи дирекциональности в Я1 и Я2. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что некоторые из указанных факторов при билингвизме могут распространять свое влияние не только на второй язык, но и на родной.

1.2.3. Языковая интерференция при двуязычии и ее виды

Еще одним важным для нас является вопрос о взаимодействии и взаимном влиянии двух языковых систем, находящихся в пользовании билингва, особенно в связи с тем, как факты языковой интерференции влияют на языковую и ментальную репрезентацию дирекциональности в речи билингва.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что владение двумя языками и процесс их использования неизбежно ведут к языковой интерференции, которая проявляется на всех лингвистических уровнях: семантическом, лексическом, синтаксическом, фонетическом и морфологическом «в результате взаимодействия языковых систем» [Залевская 2008, 2009, Залевская, Медведева 2002, Оршанская 2008: 120].

В целом, ученые-лингвисты достаточно единодушны в определении интерференции. В.А. Виноградов пишет, что «интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка», и это явление проявляется в несоблюдении правил и отклонении от систем второго языка под

влиянием родной речи [Виноградов 1990: 197]. А.В. Павлова предлагает определение интерференции, близкое к приведенному. Она указывает, что «интерференция как процесс и результат процесса представляет собой нарушение носителем двуязычия и многоязычия правил соотнесения контактирующих языков, проявляющееся в его речи в отклонении от нормы» [Павлова 2009]. Подобное утверждение мы можем найти и у Т.С. Федоровой, для которой «интерференция в ее лингвистическом понимании – это случаи отклонения от языковой нормы, проявляющиеся в речи билингва вследствие языкового контакта и связанные в первую очередь с различиями в системах контактных языков» [Федорова 2005: 5]. В отношении анализируемого явления У. Вайнрайх использовал такую формулировку, как «аспект культурной диффузии и аккультурация» [Weinreich 1974: 5].

По мнению ряда исследователей, интерференция может носить положительный или отрицательный характер. В.В. Алимов, например, считает интерференцию «вмешательством элементов одной языковой системы в другую при языковом контакте, а результат этого вмешательства может быть отрицательным и выражаться в отклонении от норм данного языка и положительным, способствующим адекватному переводу и приобретению навыков в одном языке под влиянием другого» [Алимов 1998]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н.А. Любимова, которая пишет о том, что интерференция представляет собой «психофизиологический механизм взаимодействия в сознании индивида двух, а иногда и более языковых систем, действие которого проявляется в индивидуальной речевой практике в условиях становления двуязычия и может давать как отрицательный, так и положительный результат при овладении вторичной языковой системой» [Любимова 2006: 11].

Можно привести многочисленные примеры проявления лингвистической интерференции, которая происходит при включении говорящим различных

элементов одного языка в другой. Согласно теории Н.А. Кузнецовой, «механизм интерференции – это механизм смешения, ненамеренного – ошибочного, и намеренного – стилистического» [Кузнецова 1989: 3]. По мнению У. Вайнрайха, она укрепляется в языке, проявляясь в речи билингва как результат его личных знаний другого языка [Weinreich 1974: 11]. При этом автор считал, что «влияние феномена интерференции на нормы языка может быть сильнее, если контакт происходит благодаря группам билингвов» [Weinreich 1974: 3].

Интерференцию традиционно рассматривают на нескольких языковых уровнях, однако число уровней может варьироваться: на 3-х уровнях – фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом, на 4-х – фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексико-семантическом, и на 5-ти уровнях – фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом и семантическом [Алимов 1998].

Фонетическая интерференция может передаваться в акценте благодаря влиянию друг на друга фонетических систем родного и второго языка. С нашей точки зрения, фонетическая интерференция, в отличие от других ее видов, не имеет столь большого значения в случае с исследуемыми нами дирекциональными конструкциями. Несомненно, отклонения от фонетической нормы могут проявляться в речи билингвов и при произнесении дирекциональных высказываний, однако они, как правило, не влияют на смысл высказывания и не затрагивают его структуру.

Как считает Н.А. Колядина, «под грамматической межъязыковой интерференцией следует понимать полную или частичную замену признаков грамматических явлений одного изучаемого языка признаками другого под влиянием родного или изучаемого языка» [Колядина 2011: 49]. Грамматическая интерференция проявляется как отсутствие согласования слов в числе, роде или падеже или нарушение порядка слов в предложении, а также как изменение функций предлогов или спутанность при употреблении в речи падежных

значений под воздействием грамматической структуры родной речи на второй язык. Поскольку одним из лексических средств выражения дирекциональности во многих языках, включая русский и английский, является предлог, можно предположить, что данный тип интерференции будет иметь более существенное проявление при вербализации дирекциональности билингвами.

На морфологическом уровне интерференция у билингва выражается в ошибочном использовании грамматических форм во втором языке вследствие различий с грамматикой родной речи. А. Скала считает, что морфологическую интерференцию мы можем разделить «на морфологические заимствования и морфологические кальки. Морфологическое заимствование может быть лучше всего определено как морфема-индукция, то есть процесс, при котором единичная морфема, как правило, словообразовательная, распространяется в родные слова [Scala 2011: 146]. Как будет показано ниже, такой вид интерференции нередко встречается и при формировании дирекциональных конструкций русско-английскими билингвами.

Синтаксическая интерференция проявляется у билингва в искажении норм синтаксиса второго языка вследствие применения синтаксических правил, принятых в родной речи говорящего. Т.С. Федорова отмечает, что основной причиной синтаксической интерференции являются структурные расхождения между синтаксическими системами языков, такие как «различие в типах подчинительных связей и в грамматических средствах выражения синтаксических отношений» [Федорова 2005: 7]. Учитывая определение синтаксической интерференции, мы можем с большой степенью вероятности предположить, что она также имеет место в случае с использованием дирекциональных высказываний билингвами.

Помимо проявлений на одном из языковых уровней, интерференция может иметь и более значительные проявления. Например, при усвоении второго языка может иметь место так называемый лингвистический сдвиг,

когда происходит вытеснение родной речи вторым языком. Кроме того, возможно переключение с одного языка на другой ("code-switching"), т.е. использование единиц одного языка в процессе коммуникации на другом или попеременное пользование индивидом обоими языками.

В отличие от У. Вайнрайха, который объединяет заимствования и переключение кодов в одно целое, заимствованные или перенесенные единицы [Weinreich 1974], Ш. Поплак считает, что «переключение кодов является чередованием двух языков в рамках одного дискурса или предложения» [Poplack 1980: 583]. Ученый отмечает, что наличие лингвистических факторов обуславливает разделение на три типа кодового переключения: экстра-сентенциальный ("extra-sentential") или переключение-вставка ("tag-switching"), интра-сентенциальный ("intra-sentential") и интер-сентенциальный ("inter-sentential"). К первому относится переключение, при котором происходит включение отдельного слова из одного языка в дискурс на другом языке. Интра-сентенциальное переключение означает перекодировку слова в рамках одного предложения. Интер-сентенциальное переключение происходит в тех случаях, когда одно из сложносочиненных предложений полностью произносится на одном языке, а другое предложение полностью проговаривается на втором языке [Poplack 1980: 599–603].

Кроме того, по мнению ряда лингвистов, при двуязычии возможно слияние обоих языков в единую лингвистическую систему на семантическом, морфологическом, лексическом, фонетическом и синтаксическом языковых уровнях и их составных частей. Так, например, У. Вайнрайх утверждает, что в результате лингвистического контакта у «билингва две фонемные или семантические системы... сливаются в единую систему» [Weinreich 1974: 8]. Кроме того, соглашаясь с выводом М. Робертса о том, что имеет место лексическое «перемешивание» двух языков, т.е. обратное заимствование, исследователь пишет, что при использовании индивидом лексики обоих языков

у него формируется единая, объединенная лексическая подсистема [Weinreich 1974: 35]. В таком случае можно говорить о формировании так называемого промежуточного языка.

Традиционно интерференция рассматривалась как влияние первого/родного языка на второй язык. Однако в последнее время появляется все больше исследований, которые свидетельствуют и об «обратнонаправленной» интерференции, когда структуры второго языка влияют на речевую деятельность билингва на родном языке [Austin, Blume, Sanchez 2015]. Придерживаясь утверждения, что «интерференция подразумевает однонаправленный эффект Я1 в Я2», Дж. Э. Флидж, например, склоняется к версии, что во многих случаях это явление может иметь двустороннюю направленность [Flege 1987: 62].

Как считает М. Сван, многие из тех, кто постоянно разговаривает на иностранных языках, могут подтвердить, что явление интерференции широко распространено даже среди людей, которые регулярно пользуются своим родным языком. По мнению ученого, ни возраст, ни укоренившиеся привычки, ни трудности восприятия слов второго языка не могут полностью объяснить причину интерференции и нужно более детальное понимание того, что происходит в мозгу при двуязычной памяти и обработке информации [Swan 1997].

Двунаправленное влияние Я1 и Я2, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в сознании билингва две языковые системы как бы сплетаются, знание второго языка не только модифицирует уже имеющуюся языковую систему, но и имеет свои проявления на когнитивном уровне. В такой ситуации нельзя не предположить, что и в сфере вербализации дирекциональных концептов будет наблюдаться не только влияние Я1 на Я2, но и наоборот.

Так, приступая к исследованию лингво-когнитивных аспектов дирекциональности, мы провели предварительный опрос среди

русскоговорящих монолингвов (25 студентов разных факультетов КГУ) и русско-английских билингвов (20 студентов факультета иностранных языков КГУ) на предмет того, известен ли им термин «дирекциональность». Оказалось, что практически все носители русского языка не были знакомы со значением предложенного слова, и, отвечая на вопрос о том, что оно могло бы означать, делали предположения, исходя из его звуковой и графической формы (например, *директор*, *директива* и т.д.). В то же время, респонденты, владевшие русским и английским языками, зная, что в английском языке слово «direction» означает «направление», высказывали предположение о том, что термин «дирекциональность» связан с некоторым представлением о направлении. В данном случае мы видим, что знания о семантике слов, полученные индивидом в ходе овладения вторым языком, оказывают влияние и на семантический потенциал слов родного языка.

Важно подчеркнуть, что влияние второго языка на первый можно проследить на тех же уровнях, что и при интерференции Я1 в Я2: фонетическом, грамматическом, лексическом, семантическом, синтаксическом. Дж. Э. Флидж приводит доводы в пользу того, что слияние фонетических свойств фонем, которые похожи в первом и во втором языках, оказывает влияние на оба языка. Так, например, англоговорящий, профессионально овладевший французским языком, произносит французские слова с английской интонацией и в то же время английские слова он проговаривает с менее выраженным английским акцентом, чем одноязычный носитель английского языка [Flege 1987: 62]. К этому мнению присоединяется Г. Лорд, который также считает, что в результате интерференции происходит изменение фонем родной речи, но объясняет это фонетическое слияние различными затруднениями у говорящих при произнесении звуков второго языка [Lord 2008: 186].

Рассматривая влияние второго языка на родной, Г. Лорд пишет, что «первый язык, кажется, страдает от модификации под влиянием второго» [Lord

2008: 186], т.е. второй язык «вмешивается» в использование родной речи (см., например: [James 1983, Sharwood Smith 1983, Swan 1987 и др.]). Так, М. Шервуд Смит приводит пример того, как датчанин после разговора на английском языке может употреблять датское приветствие согласно правилам английского языка, которые не соответствуют датским. М. Сван иллюстрирует эту мысль примерами из собственной практики во Франции, рассказывая о случаях смешивания двух языков – англичане вводили в родную речь французские слова, употребляя их в соответствии с общепринятыми грамматическими правилами английского языка, например, присоединяя английские аффиксы к корням французских глаголов [Swan 1997].

Подобный эффект взаимовлияния двух языков – испанского и языков малых этнических групп Латинской Америки – отмечают в своей работе Дж. Остин, М. Блум и Л. Санчес. Авторы пишут о том, что происходит интенсивное изменение синтаксиса и грамматики заимствованных испанских слов при их употреблении в первом языке [Austin, Blume, Sanchez 2015: 160–168].

Таким образом, мы можем заключить, что явление языковой интерференции при билингвизме может оказать влияние на лингво-когнитивные проявления дирекциональности. При этом, по нашему мнению, из всех типов интерференции в случае с дирекциональностью наиболее существенными являются лексическая, семантическая, грамматическая и синтаксическая интерференции, в то время как фонетическая интерференция не столь значима. Как и в случае с другими категориями, при вербализации категории дирекциональности может наблюдаться не только интерференция со стороны родного языка на второй, но и приобретенные дирекциональные структуры второго языка могут влиять на речевую деятельность на родном языке.

Выводы по Главе 1

Представленный в первой главе теоретический анализ основных характеристик дирекциональности, явления двуязычия и методов их исследования позволяет нам сделать ряд выводов и определить теоретические основы дальнейшего исследования.

Из всего спектра существующих подходов к определению дирекциональности мы выбираем тот, в котором дирекциональность рассматривается как лингво-когнитивная категория, отражающая направленное перемещение субъекта/объекта в пространстве и представленная в сознании и в языке в виде определенных структур. При этом среди базовых в данной категории выступают концепты SPACE, MOVEMENT и DIRECTION. Структуру и содержание дирекционального высказывания можно определить следующим образом: «объект X движется от точки А по траектории В к точке С», где А является начальной точкой движения, В представляет собой путь, который выполняется объектом X, а С – это конечная точка пути.

Дирекциональность является неотъемлемой характеристикой пространства, исходя из чего мы можем предположить, что специфика представлений о пространстве, типичная для того или иного лингвокультурного сообщества, может накладывать свой отпечаток и на представления о дирекциональности, и наоборот. Как следствие, указанные лингвокультурные различия, предположительно, находят свое отражение в выборе средств вербализации дирекциональности в каждом языке, что имеет первостепенное значение для изучения дирекциональности в речи билингов.

Средства репрезентации дирекциональности варьируются от языка к языку и зависят от принадлежности языка к определенному типу, например, глагольно-ориентированному или сателлито-ориентированному, от исторического развития языка и говорящего на нем сообщества, от принятого

среди носителей языка способа категоризации и концептуализации пространственных отношений и объектов. Нам представляется, что указанные факторы могут иметь существенное влияние на вербализацию дирекциональности при двуязычии.

Подходы к изучению дирекциональности характеризуются разнообразием, а главное – переходом от системно-структурного к антропоцентрическому. Рассмотрев основные характеристики имеющихся в арсенале современной лингвистики направлений исследования, можно заключить, что с точки зрения когнитивной лингвистики дирекциональность следует рассматривать как процесс взаимодействия комплекса ментальных и языковых структур, в то время как сближение когнитивного подхода с функциональным анализом подталкивает к изучению дирекциональности в связи с теми функциями, которые заложены в соответствующих речевых ситуациях. Значимым и новым представляется изучение различных аспектов дирекциональности в рамках психолингвистического подхода.

Интеграция языкознания со смежными науками значительно расширила методологическую базу лингвистических исследований, которая на современном этапе включает, например, геометрические, топологические, статистические и другие методы анализа. В этой связи нам представляется перспективным использование комплекса разнообразных методов и методик (психолингвистических, когнитивных, статистических) при изучении когнитивных и вербальных аспектов дирекциональности в условиях двуязычия.

Изучение специфики языковой и ментальной репрезентации дирекциональности при двуязычии невозможно без анализа особенностей самого явления билингвизма и тех его факторов, которые могут повлиять на порождение дирекциональных высказываний билингвами. Из всего многообразия подходов к пониманию билингвизма для целей данного исследования наиболее приемлемым представляется тот, в котором билингвизм

рассматривается как сложный процесс пользования двумя языками, накладывающий свой отпечаток и на концептуальную систему индивида. Кроме того, при изучении лингво-когнитивных аспектов дирекциональности необходимо учитывать тип двуязычия – естественное или искусственное.

Среди факторов, оказывающих влияние на речевую деятельность билингва, особое место занимает языковая интерференция. В этой связи нам предстоит установить ее роль в процессе вербализации дирекциональности, а также выявить, какие из ее типов (фонетическая, лексическая, семантическая, грамматическая или синтаксическая интерференция) представляются наиболее значимыми для категории дирекциональности. При этом важно установить не только специфику репрезентации дирекциональности на втором языке под влиянием первого, но и влияние приобретенных языковых и когнитивных структур второго языка на речевую деятельность индивида на родном языке.

Глава 2. ЯЗЫКОВАЯ И МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИРЕКЦИОНАЛЬНОСТИ ПРИ ДВУЯЗЫЧИИ

Прежде, чем приступить к описанию экспериментальной части исследования, считаем необходимым пояснить, что, говоря о ментальной репрезентации дирекциональности, мы имеем в виду, прежде всего, собственно те концепты, которые формируют данную категорию, в частности, SPACE, MOVEMENT, DIRECTION и их содержание. Таким образом, изучение ментальной репрезентации того или иного концепта дирекциональности при двуязычии подразумевает выявление той содержательной части концепта, которая отличает его от соответствующего концепта в сознании монолингва. Что касается языковой репрезентации дирекциональности, то здесь мы подразумеваем набор языковых средств, которыми оперирует билингв, во-первых, передавая содержание одного из базовых концептов дирекциональности в ходе ассоциирования (свободный ассоциативный эксперимент) и дефиницирования (методика субъективных дефиниций), и, во-вторых, описывая направленное перемещение объекта в пространстве в речи.

2.1. Использование ассоциативных экспериментов и методики субъективных дефиниций в изучении дирекциональности

В современных исследованиях основной упор делается не только на изучение языка как системы, но и на анализ непосредственной связи языка «с некоторым типичным для соответствующей культуры носителем» [Залевская 1999: 278]. В нашем случае таким носителем является билингв, владеющий знаниями о двух культурах и оперирующий двумя языками. По мнению И.А. Стернина, «экспериментальные психолингвистические методы играют большую роль в процессе выявления базового образа концепта» [Стернин 2001:

63], что подтверждает возможность изучения содержания концептов дирекциональности посредством использования ассоциативного эксперимента и методики субъективных дефиниций.

В соответствии с психолингвистической теорией слова А.А. Залевской, слово является средством доступа к единому информационному тезаурусу человека. Так, А.А. Залевская пишет о том, что «...для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без вербального и/или ситуативного контекста оно неизбежно актуализирует (на разных уровнях осознаваемости) некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание услужливо готовит к использованию в случае необходимости» [Залевская 2013]. В связи с этим можно предположить, что воспринимаемая билингом английская (Я2) лексема, вербализующая тот или иной концепт дирекциональности, актуализирует в сознании целый спектр знаний и переживаний, связанных с пониманием, представлением и осуществлением направленного перемещения в пространстве и обогащенных двуязычием.

При этом, анализируя содержание исследуемых концептов, необходимо учитывать «целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могут привести те или иные действия и т.д.) и постоянная включённость индивида в те или иные естественные и социально-культурные “контексты”» [Залевская 2013]. В случае билингов таких социально-культурных «контекстов» два, и, следовательно, можно предположить, что данный факт найдет свое отражение в содержании базовых концептов дирекциональности, а также в способах их вербализации. Более того, представляется вероятным, что в целом перцептивно-когнитивно-аффективный опыт билингов несколько шире, чем у монолингвов,

или, по крайней мере, имеет заметные отличия, что не может не оказать влияния на представления билингвов о направленном перемещении объектов в пространстве.

Именно поэтому значительно повышается роль использования эксперимента как необходимого и незаменимого инструмента при изучении ментальных и языковых характеристик дирекциональности. Благодаря экспериментальным исследованиям мы можем обратиться непосредственно к сознанию носителя двух языков и обнаружить явления, происходящие на уровне когнитивных и лингвистических структур в процессе пользования вторым языком.

Первоначально идея о важности использования эксперимента в языкознании была представлена В. Щербой в его статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», в которой он выдвинул постулат о необходимости проверки языкового материала методом экспериментирования [Щерба 1974].

В дальнейшем эта концепция получает свое развитие в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов: Ф.Н. Баранова, И.Г. Бескоровайной, И.С. Бороздиной, О.В. Голубевой, А.А. Залевской, В.А. Звегинцева, Н.О. Золотовой, О.С. Зубковой, А.Е. Кибрика, С.В. Лебедевой, А.А. Леонтьева, Е.Ю. Мягковой, И.В. Приваловой, Т.Ю. Сазоновой, Л.В. Сахарного, Р.М. Фрумкиной, L. Boroditsky, J. Deese, L. Lakusta, B. Landau, T. Matlock, K.B. McDermott, M. Ramscar, H.L. Roediger, K.J. Robinson, D.I. Slobin и др. Эти работы выполнены в рамках когнитивнолингвистической и психоллингвистической парадигм с применением различных экспериментальных методик.

В настоящее время наиболее разработанными экспериментальными методиками, используемыми при исследовании языкового сознания и лингвистических феноменов, являются свободный ассоциативный эксперимент

и методика субъективных дефиниций. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, обе эти методики дают возможность «выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений» [Попова, Стернин 2007: 33].

На ценность анализа материалов, полученных в ходе ассоциативного эксперимента в исследованиях языка, обращает внимание А.А. Залевская. Это объясняется тем, что «потенциал рассмотренного подхода далеко не исчерпан, а перспективы его дальнейшего применения определяются возможностью интеграции в более полную теорию специфики индивидуального знания и принципов его функционирования» [Залевская 1999: 106]. Данную точку зрения разделяет И.Г. Бескоровайная, которая пишет, что «ассоциативный эксперимент занимает в ряду методов реконструкции языкового сознания особое место: именно он позволяет исследователю максимально «приблизиться» к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам человека» [Бескоровайная 2004: 73].

В целом, изучение концептов, включая и базовые концепты дирекциональности, невозможно без опоры на экспериментальное исследование с привлечением носителей языка. В противном случае, если ученый основывает свой анализ только на словарных данных, изучается не концепт, а конструкт. На данный факт неоднократно обращала свое внимание А.А. Залевская: «Фактически в подавляющем большинстве исследований того, что авторы называют концептами, на базе словарных дефиниций ... с использованием «концептуальной» терминологии рассматривается, прежде всего, слово как *единица лексико-семантической системы языка*, а не то, что лежит за словом, с одной стороны, в этнокультуре, а с другой – в индивидуальном знании-переживании» [Залевская 2014: 15].

Кроме того, использование психолингвистических экспериментальных методик позволяет более полно отразить содержание исследуемых концептов, включая и их эмоциональную сторону. Так, результаты проведенного профессором Е.Ю. Мягковой экспериментального исследования «подтвердили гипотезу о том, что эмоциональная нагрузка является неотъемлемым компонентом психологической структуры слова» [Мягкова 2000: 216; 2010]. В данном случае мы можем предположить, что установка окажется справедливой и в отношении базовых концептов дирекциональности.

Ассоциативный эксперимент и методика субъективных дефиниций помогут нам установить и некоторые характеристики внутреннего контекста индивида-билингва. По мнению Н.О. Золотовой, «в ментальном пространстве индивида внутренний контекст представлен всем предыдущим и текущим опытом человека: перцептивным, когнитивным, аффективным и находится во взаимодействии с внешним контекстом» [Золотова 2003: 41]. Для нас в данном случае особенно интересным является то, каким образом внутренний контекст обусловлен опытом владения двумя языками и представлениями, связанными с двумя культурами, и как все это отражается в содержании базовых концептов дирекциональности в сознании билингвов.

Ряд психолингвистических экспериментальных методик нашел свое применение в изучении пространственной лексики. Благодаря анализу материала, полученного в результате ассоциативных экспериментов, проведенных И.С. Бороздиной в области исследования реляционных речевых актов, удалось определить функционально-экспериментальную основу языковой и ментальной репрезентации пространственных отношений и динамизм их образования [Бороздина 2011: 31].

Еще на один очень важный аспект применения ассоциативного эксперимента указывает И.В. Привалова, отмечая, что «свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) предоставляет данные для исследования

этнической идентичности» [Привалова 2005: 321]. Автор также добавляет, что «специфика реализации семантических связей и семантический объем слов чрезвычайно показательны с точки зрения национального своеобразия языковой семантики и представляют оптимальный подход при изучении национально-культурной маркированности языкового сознания» [Там же, с. 319].

В зарубежных исследованиях языка также уделяется большое внимание анализу экспериментальных материалов. Так, в конце 50-х годов американский психолог Дж. Диз, который придавал особое значение проверке лингвистического материала экспериментальным путем, использовал методику ассоциативного эксперимента. Полученные результаты позволили ему сделать выводы о том, что ассоциативные факторы, которые, будучи по своему содержанию семантическими компонентами слов, интенсивно влияют на воспроизведение воспоминаний и могут воздействовать на память при обучении. Он также отмечал, что использование экспериментальной методики позволяет различить психологический компонент в значении слова или же предмета, обозначенного словом [Deese 1959]. Тогда же Дж. Диз ввел в своих трудах понятие «ассоциативное значение», которое, как он полагал, представляет собой подборку полученных в ходе эксперимента слов-реакций на любое заданное слово-стимул, и выдвигает идею о том, что «ассоциации извлекаются полностью или частично из структур или категорий человеческого разума» [Deese 1962: 174]. Позже данную методику применили в своих когнитивных исследованиях психологи Г.Л. Роедигер и К.Б. Макдермот [Roediger, McDermott 1998].

Ассоциативный эксперимент нашел свое применение и при исследовании различных вопросов, связанных с изучением пространственной картины мира в языке и, в частности, дирекциональности. Л. Бородитски, например, провела ряд ассоциативных исследований, посвященных анализу связи между категориями пространства и времени в языке и сознании его носителей [Boroditsky 2000].

Американский лингвист Д. Слобин применял ассоциативный эксперимент для подтверждения своей концепции о различии в когнитивной репрезентации пространства у носителей двух типов языков: так называемых «сателлитно-ориентированных» и «глагольно-ориентированных» языков [Slobin 1994, 2003]. Кроме того, использование методики ассоциативного эксперимента позволило Л. Лакусте и Б. Ландау обнаружить лингвистическую асимметрию между источником и целью пути в дирекциональности [Lakusta, Landau 2005, 2012].

Результаты ассоциативных исследований Р. Сифуентес-Фереца и Д. Гентнера подтвердили концепцию Д. Слобина о существующей разнице в кодировании информации о событиях движения в сателлитно-ориентированных и глагольно-ориентированных языках, которая заключается в том, что носители первого типа языков «эту информацию включали в глагол, в то время как представители второго типа пропускали ее» [Cifuentes-Ferez, Gentner 2006: 456–457].

Еще одной продуктивной методикой исследования базовых концептов дирекциональности может стать методика субъективных дефиниций. Как отмечает С.В. Лебедева, субъективные дефиниции представляют собой специфический результат «переработки субъективного опыта человека при попытке определить значение слова» [Лебедева 2002: 223].

Методика субъективных дефиниций дает возможность исследователю детерминировать глубину индивидуального осознания различных концептов, определить несовпадение или тождественность словарного определения и субъективной дефиниции, высказанной испытуемым. Полученные результаты дают возможность интерпретировать их «как частично вербализованный внутренний когнитивный контекст языкового и практического опыта испытуемых, который дает более полное представление о том фрагменте индивидуального знания», которым обладает данный респондент [Сазонова

1999]. Кроме того, исследователь имеет возможность применить эту методику «для выявления психологически реального значения слова» [Стешина 2008: 6].

Если взять во внимание тот факт, что для всестороннего анализа концепта необходимо учитывать «в его содержании... универсальные, культурно-специфические, индивидуальные, оценочные и другие характеристики» [Гольдберг 2013: 312], мы можем предположить, что для решения этой задачи идеально подходит методика субъективных дефиниций. В данном случае методика субъективных дефиниций позволит нам установить содержание базовых концептов дирекциональности в том виде, в каком оно представлено в сознании носителей двух языков и двух культур.

Таким образом, применение таких экспериментальных методик, как ассоциативный эксперимент и методика субъективных дефиниций в изучении базовых концептов дирекциональности, представляется весьма перспективным и позволит получить доступ к имеющимся в сознании индивида-билингва ассоциативным связям и переживаниям, непосредственно относящимся к ментальной и языковой репрезентации дирекциональности.

2.2. Исследование особенностей ментальной репрезентации дирекциональности при билингвизме

В данном параграфе представлены результаты экспериментального исследования содержания трех базовых концептов дирекциональности, вербализуемых английскими (Я2) лексемами *space*, *movement*, *direction*, в сознании двух разноязычных групп билингвов. К тем основаниям для выделения указанных концептов в качестве базовых, которые были представлены во Введении, мы можем также добавить, что анализируемые концепты дирекциональности не противоречат тем характеристикам, которые были выделены М. Бирвишем в отношении базовых пространственных

концептов: во-первых, они принадлежат к основному ядру лексической системы языка; во-вторых, семантически, они точно трактуют пространственные единицы; в-третьих, они могут репрезентироваться различными частями речи; в-четвертых, они репрезентируют различные аспекты пространства (место, движение, форма и т.д.) [Bierwisch 1996: 56].

Как уже отмечалось выше, категория дирекциональности имеет непосредственную связь с категорией пространства, т.к. последняя является местом совершения направленного движения. Более того, само понятие пространства характеризуется через непрерывно происходящее в нем движение. Пространство неоднородно и движение может происходить по-разному в разных его сегментах. Существуют, например, такие сегменты пространства, где возможно движение объекта без применения дополнительной силы, т.е. движение свободного падения. Однако это возможно только тогда, когда действует сила тяжести Земли. В космическом пространстве, например, такое движение невозможно из-за отсутствия силы тяжести. Именно по этой причине, находясь на Земле, мы можем сказать *Мяч упал*, а находясь в космосе, мы не можем наблюдать данное явление, и выражение *Мяч упал* становится невозможным. Еще одним ограничением на использование данного предложения является отсутствие в космическом пространстве ориентира, который бы указывал на перемещение объекта вверх или вниз. Так, глагол *падать* подразумевает перемещение объекта от такой начальной точки движения, которая находится выше на вертикальной оси, чем конечная точка перемещения. На Земле конечной точкой движения, передаваемой глаголом *падать*, является ее поверхность, а ориентиром – вертикальное положение тела человека, в космическом же пространстве нет ни определенной конечной точки движения, ни ориентира [Бороздина, Идельсон 2014, Samadani, Burton, Gorbet, Kulic 2013].

Аналогичные примеры, свидетельствующие о связи типа и характеристик пространства с тем или иным видом перемещения, относятся к таким глаголам движения, как *лететь*, *плыть*, *бежать* и т.д. В своем прямом значении эти глаголы описывают перемещение в определенном типе пространства: летать можно в воздухе, плыть – в воде, бежать – по твердой поверхности и т.д. Даже когда мы говорим *Облака плывут по небу*, мы прибегаем к метафоре, в которой небо сравнивается с водной средой.

Говоря о сложной взаимосвязи между пространством и дирекциональностью, с одной стороны, и их отображением в языке, с другой, Дж. Слак и Э. ван дер Зее пишут, что пространство, в целом, включает в себя различные пространственные конфигурации, которые существуют согласно законам физики, и определенный пространственный элемент может быть связан с различными когнитивными репрезентациями направления. В то же время различные репрезентации направления могут быть выражены одним и тем же языковым средством, и наоборот – одна репрезентация направленного движения может быть представлена множеством языковых выражений, которые описывают дирекциональность [Slack, van der Zee 2003].

Таким образом, мы видим, что наши знания и представления о пространстве и его характеристиках влияют на возможность/невозможность описания того или иного типа движения, а также на выбор языковых средств репрезентации дирекциональности. В этой связи становится интересным установить, существуют ли особенности в содержании таких базовых концептов дирекциональности, как *SPACE*, *MOVEMENT*, *DIRECTION* в сознании билингов, для которых английский язык является Я2, и каким образом это может повлиять на способы вербализации дирекциональности на Я1 и Я2.

О том, что владение вторым (в данном случае английским) языком оказывает влияние на представление индивида о дирекциональности, свидетельствует то, что носители только одного языка, например, русского, на

наш вопрос о том, что такое дирекциональность и как они понимают данный термин, часто затруднялись ответить. В то время как русско-английские билингвы с легкостью могли дать ответ на этот вопрос, который в большинстве случаев звучал как «что-то, связанное с направлением» или «это термин, произошедший от английского слова *direction*». Очевидно, что знания и опыт, приобретенные в процессе овладения английским (Я2) языком, и знакомство с соответствующей культурой обогатили представления индивидов о направленном перемещении объектов в пространстве как на языковом (в частности, на лексическом), так и концептуальном уровнях.

Для решения поставленной задачи нами было проведено экспериментальное исследование с применением свободного ассоциативного эксперимента и методики субъективных дефиниций. В качестве участников эксперимента выступили информанты-билингвы в количестве 144 человек в возрасте от 20 до 40 лет: 72 русско-англоговорящих билингва и 72 билингва, говорящих на вьетнамском и английском языках. Все информанты проживают в США и являются студентами колледжей штатов Вашингтон, Орегон, Нью-Гэмпшир, Массачусетс. В данном случае тип билингвизма может быть охарактеризован как последовательный естественный билингвизм. Тот факт, что все участники эксперимента проживают в США более 10 лет и обучаются в колледжах (для чего нужно успешно сдать тестирование на знание английского языка), свидетельствует об их высоком уровне ("native-like") владения английским языком.

Кроме того, при отборе информантов нами было проведено анкетирование, в котором билингвы должны были ответить на следующие вопросы (вопросы были сформулированы на английском языке): «Сколькими языками Вы владеете?», «Какой язык Вы считаете своим родным (первым) языком?», «В каком возрасте Вы начали изучать английский язык?», «Сколько лет Вы пользуетесь английским языком?», «Оцениваете ли Вы свой уровень

владения английским языком как близкий к уровню англоговорящих монолингвов?». Данное анкетирование помогло нам сформировать относительно однородные группы информантов.

Выбор именно указанных групп билингвов (русско-английских и вьетнамо-английских) был обусловлен, с одной стороны, возможностью привлечь необходимое количество информантов для проведения эксперимента, а с другой стороны, наличием существенных отличий между первым языком и родной культурой испытуемых, что могло бы, по нашему мнению, наиболее ярко проявиться в способе вербализации дирекциональности и содержании ее базовых концептов. Так, принадлежность русского языка к синтетическим, а вьетнамского – к аналитическим (изолирующим) языкам обуславливает существенные отличия в способах репрезентации дирекциональности в двух языках. Нельзя не отметить и наличие отличительных черт между Я1 и Я2 испытуемых. Так, например, несмотря на принадлежность английского и вьетнамского языков к аналитическим, средства репрезентации дирекциональности в них не совпадают: во вьетнамском языке, в частности, отсутствуют послелого [ЛЭС 1990], которые широко используются в английском для передачи направления движения в сочетании с глаголом. Кроме того, в сознании носителей каждого из этих языков наблюдаются и существенные отличия, обусловленные факторами родной культуры.

Результаты эксперимента были подвержены качественному и количественному анализу. Для этого после вертикальной обработки экспериментальные данные анализировались с помощью методов инферентной статистики Р. Нуньеса [Nuñez 2007] и с применением метода *t*-статистики Стьюдента: параметрического теста, в соответствии с которым исследователь выдвигает две противоположные гипотезы – H_0 (нулевая гипотеза) и H_1 (альтернативная гипотеза). H_1 является рабочей гипотезой, которую предлагает исследователь, а H_0 представляет собой противоположную точку

зрения. Далее с применением специально разработанных формул исследователь устанавливает, какая из двух гипотез подтверждается экспериментальными данными.

2.2.1. Содержание концепта, актуализируемого лексемой *space* в сознании билингвов

I. Первый этап экспериментального исследования: использование свободного ассоциативного эксперимента

На первом этапе исследования для решения поставленных задач был проведен свободный ассоциативный эксперимент, стимулом в котором выступило английское слово *space*, репрезентирующее один из базовых концептов дирекциональности. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «восприятие любого события, его концептуализация и представление в языке во многом определяется пространственной характеристикой данного события, т.е. выделением объектов как определенных пространственных ориентиров» [Болдырев 2000: 212]. На наш взгляд, данное утверждение справедливо и в отношении дирекциональности, т.к. восприятие процесса направленного перемещения невозможно без определения таких пространственных характеристик, как начальная и конечная точки перемещения, которые служат ориентирами, траектория движения и т.д.

В ходе проведения эксперимента мы руководствовались опытом эмпирических исследований, накопленным в современной психолингвистике и когнитивной лингвистике. Как отмечает Н.И. Курбанова, «ассоциативный эксперимент обеспечивает доступ к процессам и результатам конструирования смыслов при условии обеспечения мотива речемыслительной деятельности у испытуемых... и актуализации образа мира, что позволяет идентифицировать

слово-стимул в соответствии с культурными установками участников эксперимента» [Курбанова 2012: 70–71].

Согласно психолингвистической теории слова А.А. Залевской, необходимо рассматривать слово как единицу, которая входит в «чрезвычайно сложную систему объемных многоярусных многократно пересекающихся полей» и является продуктом перцептивно-когнитивно-аффективного опыта носителя языка [Залевская 1992: 62]. Особенно важным для нас является следующее замечание А.А. Залевской: «Изложенные представления о том, что лежит у индивида за словом, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем, а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир» [Залевская 2012: 47]. Кроме того, как отмечает С.В. Лебедева, «точка отсчета – это сам человек – мыслящий и чувствующий – homo sapiens et loquens, именно вокруг него расположен тот фрагмент образа мира, который значим для вербального поведения» [Лебедева 2009: 65].

Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что, *несмотря на общность содержания пространственных концептов в сознании людей, билингвы, обладая уникальным опытом овладения и пользования двумя языками, а также опытом взаимодействия с двумя культурами (в частности, вьетнамоязычной и англоязычной в первом случае и русскоязычной и англоязычной во втором), оперируют в своем сознании несколько отличным, в сравнении с монолингвами, содержанием базовых концептов дирекциональности. Кроме того, специфика содержания указанных концептов и способ их вербализации может варьироваться в зависимости от того, какие языки выступают в качестве Я1 и Я2.*

Так, задачей первого свободного ассоциативного эксперимента было установить общие и отличительные черты в репрезентации концепта SPACE в сознании двух разноязычных групп билингвов, для которых первым являются два разных языка (русский или вьетнамский), и которые говорят на одном втором языке (английском).

В данном эксперименте приняли участие 12 двуязычных информантов, говорящих на вьетнамском и английском (далее – Группа 1), а также 12 информантов-билингвов, владеющих русским и английским языками (далее – Группа 2). В качестве задания испытуемым было предложено, не задумываясь, написать в бланке ассоциации, которые вызывает у них слово *space*. Время выполнения задания ограничивалось 5 минутами.

В результате проведения данного эксперимента была получена 221 реакция. 126 ответов были даны на английском языке вьетнамо-англоговорящими информантами, 95 реакций были получены от информантов-билингвов, владеющих английским и русским языками. Все полученные реакции от обеих групп информантов и общие статистические данные представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Ассоциативные реакции на слово-стимул *space*

Ассоциативная реакция	Количество информантов Группы 1, представивших данную реакцию	Количество информантов Группы 2, представивших данную реакцию
Infinity (безграничность)	12	8
Galaxy (Галактика)	6	8
Ocean (океан)	6	2
Chasm (бездна)	10	2

Field (поле)	0	8
Depth (глубина)	11	5
Infinitude (бесконечность)	10	10
Infinite (бесконечное)	12	3
Endless (бесконечное)	12	12
Horizon (горизонт)	0	12
Distance (расстояние)	11	3
Quantity (величина)	12	7
Dimension (измерение)	12	7
Size (размер)	12	8
Всего реакций: $\sum X$	126	95
Число участников: n	$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X	10,5	7,9
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$	15876	9025
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$	1378	793

Вертикальный анализ реакций информантов показал, что наиболее частотными ассоциациями на английском языке для информантов-билингвов из Группы 1 были: *infinity* (безграничность) – 12, *infinite* (бесконечное) – 12, *endless* (бесконечное) – 12, *quantity* (величина) – 12, *dimension* (измерение) – 12, *size* (размер) – 12, *depth* (глубина) – 11, *distance* (расстояние) – 11, *chasm* (бездна) – 10, *infinitude* (бесконечность) – 10. Наименее частотными: *Galaxy* (Галактика) – 6, *ocean* (океан) – 6.

Для русско-англоговорящих информантов самыми частотными ассоциациями стали: *endless* (бесконечное) – 12, *horizon* (горизонт) – 12,

infinitude (бесконечность) – 10, *infinity* (безграничность) – 8, *Galaxy* (Галактика) – 8, *field* (поле) – 8, *size* (размер) – 8, *quantity* (величина) – 7, *dimension* (измерение) – 7, *depth* (глубина) – 5. Наименее частотными являлись: *infinite* (бесконечное) – 3, *distance* (расстояние) – 3, *ocean* (океан) – 2, *chasm* (бездна) – 2.

Значительное количество ассоциаций, предложенных информантами из двух групп, совпадает. Однако если информанты из Группы 2 указывали в качестве ассоциаций слова *horizon* и *field*, то представители Группы 1 не предлагали таких ассоциаций. При этом значимыми для представителей Группы 1 стали такие реакции, как *ocean*, *depth*, *chasm*. В данном случае мы разделяем мнение И.С. Бороздиной о том, что совпадение ассоциаций на слово-стимул *space* указывает на универсальность пространственных представлений для большинства людей. В тоже время, специфика концептуализации пространства демонстрирует важность учета экспериенциального (полученного с опытом) характера восприятия объективной реальности [Бороздина 2011: 77].

Так, судя по наличию у русско-англоязычных информантов таких ассоциаций, как *horizon* (горизонт) и *field* (поле), можно предположить, что в сознании данной группы билингвов есть некоторая тенденция к плоскостному восприятию пространства, которая вызвана рядом культурных факторов (Россия – огромная страна, с бескрайними просторами и полями, уходящими за горизонт и т.д.). В то же время реакции *ocean* (океан), *depth* (глубина), *chasm* (бездна), поступившие от вьетнамо-английских информантов, могут свидетельствовать об «отголосках» родной культуры: Вьетнам протянулся узкой полоской вдоль побережья Южно-Китайского моря, и вода для вьетнамцев имеет первостепенное значение (начиная с главной водной артерии страны – реки Меконг), здесь есть ряд значимых культурных символов: дракон – хозяин стихии воды, рыба – одно из основных священных животных). Кроме того, в представленных ассоциациях прослеживается тенденция к трехмерному

восприятию пространства, которое, вероятно, можно объяснить географическими характеристиками Вьетнама: гористая местность, окруженная глубокими водами. Указанные отличительные характеристики пространства в сознании билингвов не могут не накладывать свой отпечаток на их представления о дирекциональности.

Важно также подчеркнуть, что реакции билингвов на слово-стимул *space* отличаются от реакций, полученных на данное слово от монолингвов (см. подробнее [Бороздина 2011]). Например, в сознании русско-английских билингвов слово *space* в значении «пространство» коррелирует с его значением «космос». По этой причине среди ассоциаций, представленных Группой 2, встречается значительное количество слов, демонстрирующих связь концепта SPACE с представлением о бесконечности (например, *infinity, infinitude, Galaxy*), в то время как у русскоязычных монолингвов наблюдается более четкое разграничение концептов ПРОСТРАНСТВО и КОСМОС.

Проведенный вертикальный анализ полученных ассоциаций и ряд высказанных предположений позволили нам перейти к проведению статистического анализа, который даст возможность избежать потенциального субъективизма в оценке экспериментальных данных.

Так, прежде всего нами была сформулирована рабочая гипотеза (H_1) о том, что репрезентация и содержание концепта SPACE в сознании билингвов, говорящих на общем втором (английском) языке и различных родных языках, имеет некоторые отличия. В качестве противоположной (нулевой гипотезы – H_0) выступало положение о том, что различий в содержании концепта SPACE у двух исследуемых групп билингвов нет.

Далее, для подтверждения/опровержения выдвинутой рабочей гипотезы и достоверности экспериментальных показателей, полученные данные были обработаны с применением метода *t*-статистики Стьюдента и аналитических методов инферентной статистики Р. Нуньеса для групп с одинаковым числом

участников в каждой из них [Nuñez 2007: 104–107], нашедших широкое применение в экспериментальных когнитивных исследованиях.

В построенных нами формулах X_1 и X_2 – выборочные средние значения, M_1 и M_2 – выборочные арифметические средние величины, числа – оценки параметров: $n_1 = n_2 = 12$ – число участников в обеих группах, $\sum X_1$ и $\sum X_2$ – общее число ассоциативных реакций в группах, число повторяющихся реакций, число единичных реакций, S_1^2 и S_2^2 – среднеквадратические отклонения, α – alpha – уровень значимости, df – число степеней свободы, вычисляется по формуле: $df = n - 1$.

При определении наличия или отсутствия разницы между выборочными арифметическими средними величинами возможны две гипотезы: H_0 – нулевая, согласно которой отсутствует разница между показателями, и H_1 – альтернативная – рабочая гипотеза. Значение t покажет наличие или отсутствие разницы между ассоциациями, полученными от двух групп билингвов. Кроме того, t также позволит определить, значима ли установленная разница или нет и, следовательно, подтверждается ли выдвинутая нами рабочая гипотеза. Для этого мы сравниваем полученное значение t со значениями из таблицы значений t – статистики Стьюдента, где α – alpha – общепринятый стандартный уровень значимости. Данный подход позволяет проверить достоверность рабочей гипотезы и валидность числовых показателей, полученных экспериментальным путем. При этом, чем больше значение t по сравнению с критическими показателями в таблице и меньше α – уровень значимости, тем выше вероятность того, что $X_1 \neq X_2$ и больше оснований отвергнуть H_0 и принять рабочую гипотезу [Nuñez 2007: 104–107].

$$H_0 : M_1 - M_2 \leq 0$$

$$H_1 : M_1 - M_2 > 0$$

$(M_1 - M_2)$ – это разница между выборочными арифметическими средними величинами.

$$t = \frac{(X_1 - X_2) - (M_1 - M_2)_{hyp}}{Sx_1 - x_2}, \text{ где}$$

$(X_1 - X_2)$ – это разница между выборочными средними значениями.

$(M_1 - M_2)_{hyp}$ – это гипотетическая разница между выборочными арифметическими средними величинами.

Подсчет знаменателя для основной формулы, определяющей t , производится следующим образом:

$$Sx_1 - x_2 = \sqrt{[(S_p^2 / n_1) + (S_p^2 / n_2)]}$$

Так как число участников в обеих группах является одинаковым, то можно определить S_p – среднее значение суммы расхождений.

$$S_p^2 = (S_1^2 + S_2^2) / 2$$

Для этого подсчитывается величина для $Sx_1 - Sx_2$ (число, которое выражает среднюю величину, на которую $(X_1 - X_2)$ случайно отклоняется от ожидаемого значения):

$$S_1^2 = \frac{n_1(\sum X_1^2) - (\sum X_1)^2}{n_1(n_1 - 1)} \quad \text{и} \quad S_2^2 = \frac{n_2(\sum X_2^2) - (\sum X_2)^2}{n_2(n_2 - 1)}$$

$$\sum X_1 = 126 \quad \text{и} \quad \sum X_2 = 95 \quad (\sum X_1^2) = 1378 \quad \text{и} \quad (\sum X_2^2) = 793$$

$$(\sum X_1)^2 = (126)^2 \quad \text{и} \quad (\sum X_2)^2 = (95)^2 \quad n_1 = 12 \quad \text{и} \quad n_2 = 12$$

$$S_1^2 = \frac{12(1378) - (126)^2}{12(12 - 1)} = 5,0 \quad S_2^2 = \frac{12(793) - (95)^2}{12(12 - 1)} = 3,7$$

$$S_p^2 = (5,0 + 3,7) / 2 = 4,35 \quad Sx_1 - x_2 = \sqrt{[(4,35/12) + (4,35/12)]} = 0,85$$

Т.к. величина $(M_1 - M_2)_{hyp}$ является величиной, равной или меньше нуля, то критическое значение, определяющее величину t , представляет собой разницу между выборочным средним значением $(X_1 - X_2)$. Следовательно, t мы вычисляем по следующей формуле:

$$t = \frac{(X_1 - X_2) - (M_1 - M_2)_{hyp}}{Sx_1 - x_2} = \frac{(X_1 - X_2) - 0}{Sx_1 - x_2}$$

Средняя величина X подсчитывается по формуле: $X = \sum X / n$

$$X_1 = 10,5 \text{ и } X_2 = 7,9$$

$$t = \frac{10,5 - 7,9}{0,85} = 3,06 \quad df = n - 1 \quad df = 11$$

Итак, мы получили значение $t = 3,06$ и можем прийти к следующему выводу: сравнив данное значение с таблицей значений t для одностороннего критерия значимости для группы из 12 человек, который равен 2,718 для $\alpha = 1\%$ уровня значимости, мы видим, что поскольку значение $t = 3,06$ больше 2,718, мы можем отказаться от H_0 – нулевой гипотезы и принять рабочую (H_1) гипотезу о том, что существует различие в ментальной репрезентации концепта SPACE у представителей двух разноязычных групп билингвов.

Таким образом, полученные экспериментальные и статистические данные подтверждают идею о том, что, несмотря на общность представлений о пространстве у двух различных групп билингвов, содержание этого базового концепта, связанного с дирекциональностью, имеет некоторые отличия. В полученных ассоциациях демонстрируются знания и представления билингвов, приобретенные с опытом владения Я1 и Я2 и соответствующими культурами (когнитивный опыт), а также особенности восприятия пространства через призму традиций родной культуры (перцептивный опыт).

Так, когнитивный опыт индивидов отражается в имеющихся знаниях о таком явлении, как пространство. Информанты обеих групп приводят значительное количество ассоциаций на слово-стимул *space*, которые свидетельствуют о том, что оно бесконечно (*infinitude, infinity, endless, infinite*), трехмерно, т.е. имеет длину, ширину и глубину (*quantity, dimension, depth, distance, size*), а формирующими его элементами выступают части земной поверхности и космического пространства (*horizon, field, ocean, chasm, Galaxy*).

Однако наблюдающиеся отличия в количестве ассоциаций, отражающих тот или иной компонент знаний о пространстве у информантов из Группы 1 и Группы 2, свидетельствуют о том, что одни из видов знаний более ярко выражены и имеют первостепенное значение для определенного лингвокультурного сообщества, в то время как другие не столь важны. Подтверждением этому могут стать ассоциации *depth*, *chasm*, *ocean*, характерные для вьетнамо-англоговорящих информантов, и, например, *horizon*, *field*, типичные для русско-англоязычных билингвов. Указанные ассоциации, на наш взгляд, могут стать и примером особенностей восприятия пространства представителями разных лингвокультур, отражая опыт перцепции индивидов, причем в анализируемом нами случае это – перцептивный опыт, связанный с Я1 и К1.

Кроме того, в некоторых случаях на уровне ассоциаций прослеживаются и черты предшествующего эмоционально-оценочного (аффективного) опыта взаимодействия билингвов с окружающим пространством (выбор лексики с положительной или отрицательной коннотацией при описании ассоциаций с пространством). Так, например, использование билингвами из Группы 1 ассоциации *chasm* (пропасть, бездна, расщелина, провал), свидетельствует о том, что своей бесконечностью, непознаваемостью и глубиной пространство может вызывать у человека некий страх. Необходимо подчеркнуть, что, в целом, у билингвов из обеих групп преобладает нейтральное представление о пространстве, что, тем не менее, не говорит об отсутствии аффективного опыта, т.к. он неразрывен с остальными типами опыта, т.к. в возникновении, развитии и проявлении эмоционального опыта «принимают участие практически все остальные системы человека – восприятие физиологические реакции, интеллект, физические системы и даже речь» [Апресян 1995: 63–67]. Опыт как эмоциональное состояние сопряжен с мыслительной и практической деятельностью [Макарова 2014: 120].

II. Второй этап экспериментального исследования: использование методики субъективных дефиниций

Главная задача эксперимента с использованием методики субъективных дефиниций состояла в выявлении особенностей понимания значения английского слова *space* представителями двух разноязычных групп билингвов, обладающими различным опытом владения первым языком (вьетнамским или русским), но говорящими на одном втором языке (английском), и в сравнении экспериментальных данных со словарными дефинициями исследуемого слова.

В данном эксперименте приняли участие 12 студентов-билингвов, которые свободно говорят на вьетнамском и английском (Группа 1) и 12 двуязычных студентов, разговаривающих на русском и английском языках (Группа 2). Обе группы не участвовали в предыдущих экспериментах. Испытуемым было предложено сформулировать значение слова *space*. Время ограничивалось 10 минутами.

В результате проведения данного эксперимента было получено 214 субъективных дефиниций: 124 ответа были даны на английском языке студентами-билингвами из Группы 1, 90 дефиниций было получено от студентов-билингвов из Группы 2. Субъективные дефиниции билингвов и количественные данные представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Субъективные дефиниции слова *space*

Субъективные дефиниции, полученные от билингвов на слово-стимул <i>space</i>	Перевод субъективных дефиниций на русский язык	Количество информантов Группы 1, представивших данное определение	Количество информантов Группы 2, представивших данное определение
Substance of sufficient size	Материя достаточного	10	3

	размера		
Quantity of sufficient size	Величина достаточного размера	12	3
Infinite distance	Бесконечное расстояние	10	9
Distance between two points	Расстояние между двумя точками	12	10
Distance between subject and object	Расстояние между субъектом и объектом	11	4
Everything around us	Все, что вокруг нас	12	12
Empty space	Пустое место	11	6
"Black hole"	«Черная дыра»	7	8
Universe's infinitude	Бесконечность Вселенной	7	8
Space beyond the horizon	Простор за горизонтом	0	5
Endless field	Бескрайнее поле	0	10
Distance to the object	Расстояние до объекта	12	3
Place where we are	Место, где мы находимся	10	6
Unlimited area	Беспредельная площадь	10	3
Всего реакций: $\sum X$		124	90
Число участников: n		$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X		10,3	7,5
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$		15376	8100
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$		1316	702

Вертикальный анализ дефиниций респондентов показал, что наиболее популярными определениями слова *space* на английском языке у информантов из Группы 1 являлись: *"quantity of sufficient size"* (величина достаточного размера) – 12, *"distance between two points"* (расстояние между двумя точками) – 12, *"everything around us"* (все, что вокруг нас) – 12, *"distance to the object"* (расстояние до объекта) – 12, *"distance between subject and object"* (расстояние между субъектом и объектом) – 11, *"empty space"* (пустое место) – 11, *"substance of sufficient size"* (материя достаточного размера) – 10, *"infinite distance"* (бесконечное расстояние) – 10, *"place where we are"* (место, где мы находимся) – 10, *"unlimited area"* (беспредельная площадь) – 10. Наименее частотные субъективные дефиниции: *"black hole"* («черная дыра») – 7, *"universe's infinitude"* (бесконечность Вселенной) – 7.

Для русско-англоговорящих студентов (Группа 2) самыми частотными определениями были: *"everything around us"* (все, что вокруг нас) – 12, *"distance between two points"* (расстояние между двумя точками) – 10, *"endless field"* (бескрайнее поле) – 10, *"infinite distance"* (бесконечное расстояние) – 9, *"black hole"* («черная дыра») – 8, *"universe's infinitude"* (бесконечность Вселенной) – 8, *"empty space"* (пустое место) – 6, *"place where we are"* (место, где мы находимся) – 6, *"space beyond the horizon"* (простор за горизонтом) – 5. Реже встречались такие дефиниции, как *"distance between subject and object"* (расстояние между субъектом и объектом) – 4, *"substance of sufficient size"* (материя достаточного размера) – 3, *"quantity of sufficient size"* (величина достаточного размера) – 3, *"distance to the object"* (расстояние до объекта) – 3, *"unlimited area"* (беспредельная площадь) – 3.

Из представленных субъективных дефиниций видно, что в сознании обеих групп билингвов концепт *SPACE* связан с дирекциональностью через представление о расстоянии, которое субъект или объект может преодолеть в ходе направленного движения. Имеющиеся в этом отношении различия

касаются только количественных показателей. Так, в сознании русско-англоязычных билингвов этот компонент менее выражен. В целом, в представлении билингвов из Группы 2 пространство характеризуется большей статичностью через соотношение с понятием места. Еще одной интересной чертой, характерной для русско-англоязычных билингвов, является то, что, как и в случае с русскоязычными монолингвами (см. подробнее [Бороздина 2011]), достаточно значимым является понимание пространства как «места, где мы находимся», «всего, что нас окружает» и т.д., что свидетельствует о значимой роли такого понимания пространства, при котором человек/человечество является центром мироздания. Здесь мы видим, что *толкование английского слова space, вербализующего один из базовых концептов дирекциональности, может находиться под влиянием тех смыслов, знаний и представлений, которые активизируются в сознании билингва соответствующим словом из родного языка.*

На основе проведенного вертикального анализа полученных определений была сформулирована рабочая гипотеза (H_1) о том, что субъективные дефиниции слова *space* в сознании билингвов, которые разговаривают на общем втором (английском) языке и различных родных языках (вьетнамском и русском), имеет некоторые отличия. В качестве противоположной (нулевой гипотезы – H_0) было выдвинуто предположение о том, что различий в толковании значения слова *space* у двух исследуемых групп нет.

Далее для подтверждения/опровержения выдвинутой рабочей гипотезы и проверки достоверности экспериментальных показателей полученные результаты были обработаны с применением метода *t*-статистики Стьюдента и аналитических методов инферентной статистики Р. Нуньеса для групп с одинаковым числом участников [Nuñez 2007: 104–107].

$$H_0 : M_1 - M_2 \leq 0$$

$$H_1 : M_1 - M_2 > 0$$

$$S_A^2 = \frac{n_A(\sum X_A^2) - (\sum X_A)^2}{n_A(n_A - 1)} \qquad S_B^2 = \frac{n_B(\sum X_B^2) - (\sum X_B)^2}{n_B(n_B - 1)}$$

$$S_A^2 = \frac{12(1316) - 15376}{12(12 - 1)} = 3,2 \qquad S_B^2 = \frac{12(702) - 8100}{12(12 - 1)} = 2,5 \qquad S_p^2 = (3,2 + 2,5)/2 = 2,9$$

$$Sx_A - x_B = \sqrt{[(S_p^2/n_A) + (S_p^2/n_B)]} \qquad Sx_A - x_B = \sqrt{[(2,9/12) + (2,9/12)]} = 0,69$$

$$t = \frac{(X_A - X_B) - (M_A - M_B)_{hyp}}{Sx_A - x_B} = \frac{(X_A - X_B) - 0}{Sx_A - x_B} \qquad t = \frac{10,3 - 7,5}{0,69} = 4,06$$

$$df = n - 1 \qquad df = 11 \qquad t = 4,06$$

Согласно таблице критических показателей для одностороннего критерия значимости группы из 12 человек: 4,025 для 0,1%.

Так как значение $t = 4,06$ больше, чем 4,025 – самой сильной критической величины, мы можем опровергнуть нулевую гипотезу об отсутствии различий между группами H_0 и принять рабочую H_1 – альтернативную гипотезу о наличии некоторых отличий в определении значения английского слова *space* билингвами, владеющими двумя разными языками.

Как представляется, подобные отличия при субъективной дефиниции английского слова *space* двумя различными группами билингов обусловлены не механическим наложением систем двух используемых языков, а базируются на всем предшествующем опыте индивида (перцептивном, когнитивном, аффективном), который в значительной степени определяется состоянием двуязычия.

III. Третий этап экспериментального исследования: сравнение экспериментальных данных, полученных на слово *space* от билингов, и содержания данного концепта у монолингов

Важным этапом исследования стало для нас сравнение результатов ассоциативного эксперимента, полученных от вьетнамо-английских и русско-английских билингов в качестве реакций на слово-стимул *space*, с

результатами аналогичного эксперимента с англоязычными монолингвами, представленными в ассоциативном словаре «The University of South Florida Free Association Norms» [Nelson, McEvoy, Schreiber 2004] (см. Приложение 4).

В ряде случаев для уточнения информации о представлениях русскоязычных и вьетнамоязычных монолингвов об изучаемых концептах дирекциональности к анализу привлекались и данные из «Ассоциативного тезауруса современного русского языка: Русского ассоциативного словаря» [1994 – 1998] (см. Приложение 5), а также ассоциативные реакции носителей вьетнамского языка, которые были получены в ходе проведения дополнительного ассоциативного эксперимента.

На этапе сравнения субъективных дефиниций, полученных от билингвов, к анализу привлекались также данные о словах *space*, *movement* и *direction* из английских толковых словарей (см. Приложение 1). В качестве дополнительной информации в ряде случаев мы прибегали к использованию информации из русских и вьетнамских толковых словарей (см. Приложения 2 и 3).

При этом мы признаем тот факт, что словарные дефиниции не отражают полное содержание концепта, функционирующего в сознании индивида, однако словарные толкования исследуемых слов-стимулов, по нашему мнению, способны отразить некоторое общее представление об анализируемом концепте, характерное для монолингвального языкового сообщества.

Далее все имеющиеся данные о представлениях билингвов и англоговорящих монолингвов о базовом концепте дирекциональности SPACE были подвержены количественному и содержательному анализу. Результаты количественного сравнения данных представлены в Таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Сравнение ассоциативных реакций билингвов и данных ассоциативных словарей о слове *space*

Слово-стимул <i>space</i>	Реакции, соответствующие словарным данным	Реакции, не соответствующие словарным данным	Всего
Группа 1	110	16	126
Группа 2	71	24	95

Таблица 6

Сравнение субъективных дефиниций билингвов и данных толковых словарей о слове *space*

Слово-стимул <i>space</i>	Дефиниции, соответствующие словарным определениям	Дефиниции, не соответствующие словарным определениям	Всего
Группа 1	117	7	124
Группа 2	67	23	90

Из приведенных таблиц видно, что как ассоциативные реакции, так и субъективные дефиниции обеих групп билингвов в количественном отношении не полностью совпадают с данными о слове *space*, представленными в ассоциативных и толковых словарях. Так, совпадения ассоциативных реакций у вьетнамо-англоговорящих (Группа 1) и русско-англоговорящих (Группа 2) билингвов с ассоциациями английских монолингвов наблюдаются в 87,3% и 74,7% случаев соответственно. Представления вьетнамо-англоговорящих

билингвов (Группа 1) о таком базовом концепте дирекциональности, как SPACE, совпадает с представлениями англоговорящих монолингвов на 94,4% в случае с субъективными дефинициями, в то время как у русско-англоговорящих билингвов такое совпадение наблюдается в 74,4% случаев. Интересно отметить, что вьетнамо-англоговорящие билингвы демонстрируют большую общность в представлении о концепте SPACE с англоговорящими монолингвами.

Содержательный анализ экспериментальных данных, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента с участием вьетнамо-англоговорящих билингвов, в сопоставлении с информацией из англоязычных ассоциативных и толковых словарей показал, какие именно представления о базовом концепте дирекциональности SPACE совпадают у билингвов и монолингвов, а какие нет. Так, основное отличие в содержании концепта SPACE у билингвов из Группы 1 состоит в важности связи представления о пространстве с водной стихией, а также с глубиной и бездной. Как следствие, *в отношении представления о дирекциональности у данной группы билингвов можно предположить значимость направленного перемещения по воде, причем как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении* (см. Таблицу 7). Как отмечалось ранее, данные отличия могут быть объяснены географическими особенностями и ландшафтом Вьетнама, с одной стороны, а также культурной и экономической важностью водных ресурсов для вьетнамоговорящего сообщества, с другой. В случае с русско-англоговорящими билингвами (Группа 2) отличия от англоговорящих монолингвов заключаются в наличии таких ассоциаций, как *field (поле) (8); horizon (горизонт) (12)* (Таблица 8), которые вызваны аналогичными причинами. В данном случае мы видим, что представления о пространстве, приобретенные с Я1, остаются важными для билингвов и в ходе вербализации базовых концептов дирекциональности на Я2.

Таблица 7

Совпадения и отличия в представлениях о концепте SPACE у вьетнамо-англоговорящих билингвов и англоязычных монолингвов по данным свободных ассоциаций

Ассоциативные реакции, соответствующие словарным данным	Ассоциативные реакции, не соответствующие словарным данным
110	16
<i>infinity</i> (безграничность) (12); <i>infinite</i> (бесконечное) (12); <i>endless</i> (бесконечное) (12); <i>quantity</i> (величина) (12); <i>dimension</i> (измерение) (12); <i>size</i> (размер) (12); <i>depth</i> (глубина) (11); <i>distance</i> (расстояние) (11); <i>infinitude</i> (бесконечность) (10); <i>Galaxy</i> (Галактика) (6)	<i>ocean</i> (океан) (6); <i>chasm</i> (бездна) (10)

Таблица 8

Совпадения и отличия в представлениях о концепте SPACE у русско-англоговорящих билингвов и англоязычных монолингвов по данным свободных ассоциаций

Ассоциативные реакции, соответствующие словарным данным	Ассоциативные реакции, не соответствующие словарным данным
71	24
<i>endless</i> (бесконечное) (12); <i>infinitude</i> (бесконечность) (10); <i>infinity</i> (безграничность) (8); <i>Galaxy</i> (Галактика) (8); <i>size</i> (размер) (8); <i>quantity</i> (величина) (7); <i>dimension</i> (измерение) (7); <i>depth</i> (глубина) (5); <i>infinite</i> (бесконечное) (3); <i>distance</i>	<i>ocean</i> (океан) (2); <i>chasm</i> (бездна) (2); <i>field</i> (поле) (8); <i>horizon</i> (горизонт) (12)

(расстояние) (3)	
------------------	--

По результатам сравнения ассоциативных реакций двух групп билингов с ассоциациями монолингов (см. Приложения 4 и 5), был установлен интересный факт: реакции монолингов на слово-стимул *space* характеризуются бóльшим разнообразием и более ярко выраженными культурными характеристиками. Так, например, общее количество вариантов ассоциативных реакций на слово-стимул *space*, полученных от вьетнамо-англоговорящих билингов, составило 12, а от русско-англоговорящих – 14, в то время как по данным ассоциативных словарей количество разнообразных реакций у англоговорящих монолингов составляет 25 (см. Приложение 4). Число ассоциативных реакций русскоязычных монолингов на соответствующее русское слово-стимул *пространство* оказалось еще более значительным – 40 (см. Приложение 5).

Расхождения между реакциями билингов и монолингов наблюдаются не только на количественном уровне, но и на содержательном. При этом монолингов более выразительно демонстрируют представления о пространстве, присущие своему лингвокультурному сообществу. Среди ассоциативных реакций англоязычных монолингов встречаются, например, такие, как *shuttle* (многоходовый космический корабль), *astronaut* (астронавт), *cadet* (кадет, курсант, часто учебного заведения, связанного с освоением космоса), *Moon* (Луна), *NASA* (НАСА – северо-американская космическая ассоциация). В данных реакциях отражены реалии страны, ее достижения в освоении окружающего пространства, в частности, космического. Еще одной интересной чертой подобного рода ассоциативных реакций англоговорящих монолингов является то, что в английском языке слово *space* помимо значения «пространство» имеет и значение «космос».

Русскоговорящие монолингвы демонстрируют аналогичные закономерности в своих реакциях на слово-стимул *пространство*: *километр*, *Евразия*, *восток* и даже *рабочий*. Данные реакции либо связаны с реалиями страны проживания, либо с укоренившимися культурными и политическими представлениями. Так, реакция *километр* представляется специфичной по причине того, что в России и США используются разные меры длины и расстояния, *Евразия* и *восток* указывают на географическое положение страны. Реакция *рабочий*, предположительно, может оказаться отголоском представлений о социальном устройстве страны (рабоче-крестьянское общество и т.п.), сохранившимся со времен существования СССР.

Наличие меньшего разнообразия среди ассоциативных реакций билингвов по сравнению с монолингвами, а также меньшая степень выраженности культурной принадлежности в реакциях билингвов, вероятно, могут быть объяснены тем, что *под влиянием Я2 и соответствующей культуры у билингвов несколько нивелируются представления, связанные с родной культурой, что в языковом плане находит свое выражение в выборе несколько «усредненных» реакций, подходящих и для Я1, и для Я2.*

Сравнение полученных от двух групп билингвов субъективных дефиниций с определениями слова *space*, представленными в англоязычных словарях (Приложение 1), показал, что в случае с билингвами из Группы 1 единственная субъективная дефиниция, не соответствующая словарному определению, была сформулирована как *"black hole"* («черная дыра») (7). Русско-англоговорящие билингвы продемонстрировали большее разнообразие в определении данного базового концепта дирекциональности: среди отличающихся от словарных определений были дефиниции *"endless field"* (бескрайнее поле) (10); *"black hole"* («черная дыра») (8); *"space beyond horizon"* (простор за горизонтом) (5), большинство из которых также тесно связаны с культурными представлениями, обусловленными Я1 (см. Таблицы 9, 10).

Таблица 9

Совпадения и отличия в субъективных дефинициях слова *space*, полученных от вьетнамо-англоговорящих билингвов, и его словарных определениях

Субъективные дефиниции, соответствующие словарным дефинициям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным дефинициям
117	7
<i>quantity of sufficient size</i> (величина достаточного размера) (12); <i>distance between two points</i> (расстояние между двумя точками) (12); <i>everything around us</i> (все, что вокруг нас) (12); <i>distance to the object</i> (расстояние до объекта) (12); <i>distance between subject and object</i> (расстояние между субъектом и объектом) (11); <i>empty space</i> (пустое место) (11); <i>substance of sufficient size</i> (материя достаточного размера) (10); <i>infinite distance</i> (бесконечное расстояние) (10); <i>place where we are</i> (место, где мы находимся) (10); <i>unlimited area</i> (беспредельная площадь) (10); <i>universe's infinitude</i> (бесконечность Вселенной) (7)	<i>"black hole"</i> («черная дыра») (7)

Таблица 10

Совпадения и отличия в субъективных дефинициях слова *space*, полученных от русско-англоговорящих билингвов, и его словарных определениях

Субъективные дефиниции, соответствующие словарным дефинициям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным дефинициям

67	23
<p><i>everything around us</i> (все, что вокруг нас) (12); <i>distance between two points</i> (расстояние между двумя точками) (10); <i>infinite distance</i> (бесконечное расстояние) (9); <i>universe's infinitude</i> (бесконечность Вселенной) (8); <i>empty space</i> (пустое место) (6); <i>place where we are</i> (место, где мы находимся) (6); <i>distance between subject and object</i> (расстояние между субъектом и объектом) (4); <i>substance of sufficient size</i> (материя достаточного размера) (3); <i>quantity of sufficient size</i> (величина достаточного размера) (3); <i>distance to the object</i> (расстояние до объекта) (3); <i>unlimited area</i> (беспредельная площадь) (3)</p>	<p><i>endless field</i> (бескрайнее поле) (10); <i>"black hole"</i> («черная дыра») (8); <i>space beyond horizon</i> (простор за горизонтом) (5)</p>

Из всего сказанного можно заключить, что содержание такого базового концепта категории «дирекциональность», как SPACE, в сознании русско-английских и вьетнамо-английских билингвов характеризуется определенной спецификой: для обеих групп билингвов пространство соотносится с дирекциональностью через представление о расстоянии, которое может преодолеть субъект/объект при совершении направленного движения. Об этом свидетельствуют такие субъективные дефиниции, как "*distance between two points*" (расстояние между двумя точками), "*distance to the object*" (расстояние до объекта), "*distance between subject and object*" (расстояние между субъектом и объектом), "*infinite distance*" (бесконечное расстояние), встречающиеся среди результатов эксперимента в обеих группах билингвов. Однако данное представление варьируется по степени выраженности в каждой из групп и, в первую очередь, это – количественные отличия. Так, общее число дефиниций слова *space*, реализованных через представление о расстоянии, в

Группе 1 составило 40, тогда как в Группе 2 их было всего 26.

В представлениях билингов о перемещении в пространстве могут прослеживаться характеристики, типичные для культуры, соответствующей Я1, как, например, в случае с вьетнамо-англоговорящими билингвами, для которых существенно перемещение в водной стихии, причем как горизонтальное, так и вертикальное. Об этом свидетельствуют реакции *depth, ocean, chasm*. У русско-англоговорящих билингов помимо перемещения по/в водной стихии четко прослеживается и перемещение по поверхности суши, причем в основном в горизонтальном направлении, свидетельством чему могут выступать реакции *field, horizon, area* и т.п.

Таким образом, понимание и толкование английского слова *space* как среды перемещения объекта в некоторой степени может быть обусловлено теми знаниями и представлениями, которые сформировались в сознании билинга под влиянием лингвокультурного опыта, полученного в ходе овладения и пользования первым (родным) языком и взаимодействия с соответствующей культурой, однако очевидно и влияние Я2 и второй культуры, проявляющееся в нивелировании ряда характеристик первой культуры и «усредненности» лексических средств, используемых для вербализации собственных представлений о пространстве.

Сравнение представлений билингов и монолингов (вьетнамоговорящих и русскоговорящих) о пространстве продемонстрировало как количественные, так и качественные отличия. В целом, содержание концепта SPACE как среды направленного перемещения объектов у монолингов характеризуется более яркой демонстрацией лингвокультурной специфики. Кроме того, по сравнению с монолингами ассоциативные реакции билингов характеризуются меньшим лексическим и содержательным разнообразием.

2.2.2. Содержание концепта, актуализируемого лексемой *movement* в сознании билингвов

I. Первый этап экспериментального исследования: использование свободного ассоциативного эксперимента

Как уже отмечалось выше, еще одним базовым концептом дирекциональности является концепт MOVEMENT. По этой причине нашей следующей задачей стало выявление специфики репрезентации данного концепта в сознании билингвов и установление возможной интерференции родного языка и культуры на представление о движении в речемыслительной деятельности индивида на втором языке. Как и в случае с концептом SPACE для решения поставленной задачи мы используем две экспериментальные методики – свободный ассоциативный эксперимент и методику субъективных дефиниций.

Кроме того, привлекая к участию две разноязычные группы билингвов, обладающих различным опытом владения первым языком (русским или вьетнамским), но говорящих на одном втором языке (английском), мы предполагаем установить, какая именно информация, заложенная в представлении билингва о концепте MOVEMENT, обусловлена влиянием Я1 и связанной с ним культуры.

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 12 информантов, владеющих вьетнамским и английским языками (Группа 1) и 12 русско-англоязычных информантов (Группа 2). Ни один из участников данного этапа исследования не был задействован в экспериментах, связанных с изучением концепта SPACE. В качестве задания испытуемым было предложено в розданных бланках написать те ассоциации, которые вызывает у них слово *movement*. Время выполнения задания ограничивалось 5 минутами.

Отказов от участия в эксперименте не было, и в результате была получена 201 реакция: 120 ответов были даны на английском языке билингвами из Группы 1 и 81 реакцию представили носители двух языков из Группы 2. Все полученные в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *movement* реакции и статистические данные представлены в Таблице 11.

Таблица 11

Ассоциативные реакции на слово-стимул *movement*

Ассоциация	Количество информантов Группы 1, представивших данную ассоциацию	Количество информантов Группы 2, представивших данную ассоциацию
Driving (вождение автомобиля)	12	8
Walking (ходьба)	11	2
Flow (поток)	12	2
Directional (направленный)	10	8
Motion (движение)	12	12
Change (изменение)	8	5
Cycle (цикл)	12	0
Transition (переход)	11	0
Trip (поездка)	8	8
Travel (передвижение)	6	12
Journey (поездка)	6	12
Distance (расстояние)	12	12
Всего реакций: $\sum X$	120	81
Число участников: n	$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X	10,0	6,8
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$	14400	6561
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$	1262	801

Вертикальный анализ реакций позволил увидеть, что наиболее популярными ассоциациями на английском языке для информантов из Группы 1 являлись: *driving* (вождение автомобиля) – 12, *flow* (поток) – 12, *motion* (движение) – 12, *cycle* (цикл) – 12, *distance* (расстояние) – 12, *walking* (ходьба) – 11, *transition* (переход) – 11, *directional* (направленный) – 10, *change* (изменение) – 8, *trip* (поездка) – 8. Наименее частотными: *travel* (передвижение/путешествие) – 6, *journey* (поездка) – 6.

Для русско-англоговорящих информантов (Группа 2) самыми частотными ассоциациями были: *motion* (движение) – 12, *travel* (передвижение/путешествие) – 12, *journey* (поездка) – 12, *distance* (расстояние) – 12, *driving* (вождение автомобиля) – 8, *directional* (направленный) – 8, *trip* (поездка) – 8. Наименее популярными являлись: *change* (изменение) – 5, *walking* (ходьба) – 2, *flow* (поток) – 2.

Сравнительный анализ полученных реакций показал, что в целом на уровне ассоциаций представления о концепте движения, вербализованном английским словом *movement*, у двух разноязычных групп билингов совпадают. В обоих случаях очевидна тесная взаимосвязь концепта MOVEMENT с другими базовыми концептами дирекциональности – SPACE и особенно DIRECTION. Тем не менее, наблюдается ряд отличий в ассоциациях, которые могут свидетельствовать о влиянии опыта, приобретенного с усвоением первого языка и родной культуры. Так, среди частотных ассоциаций вьетнамо-английских билингов встречаются такие реакции, как *cycle* (цикл), *transition* (переход), *flow* (поток), которые, на наш взгляд, с одной стороны, демонстрируют представления о циклической траектории движения, свойственной многим азиатским культурам, а с другой стороны, связь движения с водной стихией (как и в случае с концептом SPACE). При этом у русско-английских билингов наблюдается тенденция к представлению о прямолинейной траектории движения. Например, тип движения,

представленный в реакциях *travel* (путешествие), *journey* (поездка), *driving* (вождение автомобиля), *trip* (поездка), *walking* (ходьба) в большей степени демонстрирует горизонтальное прямолинейное перемещение в пространстве. Можно предположить, что указанная особенность связана с представлениями, сформировавшимися под влиянием русской культуры. Так, для того чтобы переместиться из одного пункта в другой в России приходится преодолевать большие расстояния (цикличность и круговое движение в данном случае не представляются эффективными). По словам Н.А. Бердяева, «Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть» [Бердяев 1918].

С одной стороны, в полученных от информантов ассоциативных реакциях отражены общие представления о движении объектов в пространстве, характерные для всех людей. Подобного рода реакции соотносятся с понятийной составляющей концепта и, в целом, они близки словарным значениям слова *movement* (см. Приложение 2). С другой стороны, в содержании концепта MOVEMENT отражены результаты перцептивного и когнитивного опыта, связанного с родной лингвокультурой билингов. Так, например, практически у всех вьетнамо-англоговорящих билингов встречается реакция *flow* (поток), которая оказалась малочастотной для англо-русскоговорящих информантов. В ходе постэкспериментальной беседы с испытуемыми из Группы 1 нам удалось установить, что в большинстве случаев указанная реакция была инициирована тем, что в сознании респондентов стимул *movement* ассоциируется с движением транспорта по улице. Билингвы отмечали, что в данной ситуации в их сознании возникала «картинка», на которой был представлен непрерывный поток движущихся по улице мотоциклов, скутеров и мопедов. Действительно, правила движения, степень их

соблюдения и сами транспортные средства могут варьироваться от одной страны к другой. Так, например, жители Америки и Европы зачастую бывают шокированы тем «хаосом», который, по их мнению, творится на дорогах некоторых стран Юго-Восточной Азии, к которым относится и Вьетнам. Очевидно, что знакомство информантов из Группы 1 с данной чертой вьетнамской культуры не только сформировало в их сознании определенные знания, но и имело достаточно сильное влияние на уровне восприятия.

В случае с русско-англоязычными информантами реакция *flow* (*поток*) хоть и встречается (всего 2 случая), но, тем не менее, активизирует, во-первых, несколько иные представления (например, поток воды) и, во-вторых, даже если билингвы из Группы 2 и представляют при этом поток транспорта, в сознании рисуется совершенно иная «картинка» и с иной степенью «яркости».

Кроме того, учитывая тот факт, что все ассоциативные реакции на слово-стимул *movement* (*driving, flow, motion, cycle, distance, walking, transition, directional, change, trip, travel, journey*) репрезентированы лексемами с нейтральной коннотацией, можно заключить, что опыт эмоционально-оценочных переживаний в содержании исследуемого концепта дирекциональности практически не представлен.

На основе проведенного вертикального анализа полученных ассоциаций была предложена рабочая гипотеза (H_1) о том, что репрезентация и содержание концепта MOVEMENT в сознании двуязычных информантов, общим вторым языком которых является английский, а родным – русский или вьетнамский, различны. В качестве противоположной (нулевой гипотезы – H_0) было выдвинуто предположение о том, что никаких существенных различий в содержании концепта MOVEMENT у респондентов из данных двух групп билингвов не существует.

Для того чтобы подтвердить/отклонить выдвинутую нами рабочую гипотезу и проверить валидность полученных экспериментальных показателей,

результаты были обработаны с применением метода t -статистики Стьюдента и аналитических методов инферентной статистики Р. Нуньеса для групп с одинаковым числом информантов [Nuñez 2007: 104–107].

$$H_0 : M_1 - M_2 \leq 0$$

$$H_1 : M_1 - M_2 > 0$$

$$S_A^2 = \frac{n_A(\sum X_A^2) - (\sum X_A)^2}{n_A(n_A - 1)} \quad S_B^2 = \frac{n_B(\sum X_B^2) - (\sum X_B)^2}{n_B(n_B - 1)} \quad S_P^2 = (S_A^2 + S_B^2)/2$$

$$S_A^2 = \frac{12(1262) - 14400}{12(12 - 1)} = 5,6 \quad S_B^2 = \frac{12(801) - 6561}{12(12 - 1)} = 9,8 \quad S_P^2 = (5,6 + 9,8)/2 = 7,7$$

$$Sx_A - x_B = \sqrt{[(S_P^2/n_A) + (S_P^2/n_B)]} \quad Sx_A - x_B = \sqrt{[(7,7/12) + (7,7/12)]} = 1,3$$

$$t = \frac{(X_A - X_B) - (M_A - M_B)_{hyp}}{Sx_A - x_B} = \frac{(X_A - X_B) - 0}{Sx_A - x_B} \quad t = \frac{10,0 - 6,8}{1,3} = 2,46$$

$$df = n - 1 \quad df = 11 \quad t = 2,46$$

Согласно таблице критических показателей для одностороннего критерия значимости группы из 12 человек: 2,201 для 2,5% уровня значимости.

Так как значение $t = 2,46$ больше, чем 2,201 – критической величины, мы можем отвергнуть нулевую гипотезу H_0 и принять рабочую H_1 – альтернативную гипотезу о том, что существуют различия в содержании концепта MOVEMENT в сознании разноязычных групп билингвов. Поскольку английский язык (Я2) является общим для обеих групп билингвов, мы можем предположить, что указанные различия обусловлены интерференцией языковых и когнитивных структур, приобретенных с первым языком (вьетнамским или русским).

II. Второй этап экспериментального исследования: использование методики субъективных дефиниций

Следующий этап исследования был посвящен изучению субъективного значения английского слова *movement*, функционирующего в сознании билингва, владеющего русским и английским языками или вьетнамским и

английским. В ходе эксперимента мы планировали установить наличие специфики, обусловленной влиянием первого языка и родной культуры билингва, в дефиниции слова *movement*, вербализующего один из базовых концептов дирекциональности. Кроме того, нашей задачей было сравнение полученных субъективных дефиниций с определением значения слова *movement*, представленным в англоязычных толковых словарях (см. Приложение 2).

В эксперименте были задействованы 24 человека в возрасте от 20 до 40 лет, которые не принимали участие в предыдущих экспериментах. 12 из них являлись билингвами, владеющими вьетнамским и английским языками (Группа 1) и 12 русско-англоговорящих информантов (Группа 2). Информантам было предложено в течение десяти минут дать определение английскому слову *movement*.

В результате проведения данного эксперимента была получена 201 реакция. 124 реакции были даны на английском языке билингвами из Группы 1. 77 ответов были получены от билингвов из Группы 2. Все полученные субъективные дефиниции и статистические данные представлены в Таблице 12.

Таблица 12

Субъективные дефиниции слова *movement*

Субъективные дефиниции, полученные от билингвов на слово-стимул <i>movement</i>	Перевод субъективных дефиниций на русский язык	Количество информантов Группы 1, представивших данное определение	Количество информантов Группы 2, представивших данное определение
Endless cycle of suffering and rebirth	Бесконечный цикл страдания и перерождения	10	0
Transition from one state to	Переход из одного состояния в другое	10	0

another			
Flow of harmony of opposites	Поток гармонии противоположностей	10	0
Moving from one point to another	Движение от одной точки к другой	9	6
Trip from one place to another	Поездка из одного места в другое	7	6
Ability to move the objects, things	Способность передвигать объекты, предметы	11	5
Changing location, place, or position	Изменение местонахождения, места или позиции	12	5
Motion toward the goal	Движение навстречу цели	11	7
Process of moving	Процесс движения	10	6
Trip in a car	Поездка на машине	11	6
Riding a bike (cycling)	Езда на велосипеде	11	6
Fall into "black hole"	Падение в «черную дыру»	0	8
Effort to reach the goal	Попытка достигнуть цели	0	10
Directional motion of subjects and objects in space	Направленное движение субъектов и объектов в пространстве	12	12
Всего реакций: $\sum X$		124	77
Число участников: n		$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X		10,5	6,4
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$		15376	5929
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$		1302	587

Вертикальный анализ определил, что наиболее популярными субъективными дефинициями слова *movement* на английском языке для информантов из Группы 1 были: "*changing location, place, or position*" (изменение местонахождения, места или позиции) – 12, "*directional motion of subjects and objects in space*" (направленное движение субъектов и объектов в пространстве) – 12, "*ability to move the objects, things*" (способность передвигать объекты, предметы) – 11, "*motion toward the goal*" (движение навстречу цели) – 11, "*trip in a car*" (поездка на машине) – 11, "*riding a bike (cycling)*" (езда на велосипеде) – 11, "*endless cycle of suffering and rebirth*" (бесконечный цикл страдания и перерождения) – 10, "*transition from one state to another*" (переход из одного состояния в другое) – 10, "*flow of harmony of opposites*" (поток гармонии противоположностей) – 10, "*process of moving*" (процесс движения) – 10. Наименее частотными были: "*moving from one point to another*" (движение от одной точки к другой) – 9, "*trip from one place to another*" (поездка из одного места в другое) – 7.

На основе проведенного вертикального анализа полученных результатов была сформулирована рабочая гипотеза (H_1) о том, что субъективное значение слова *movement* варьируется в сознании двуязычных респондентов, которые разговаривают на общем втором (английском) языке и различных родных языках (вьетнамском и русском). В качестве противоположной (нулевой гипотезы – H_0) была выдвинута идея о том, что никаких существенных различий между семантическим содержанием английского слова *movement* в сознании билингвов из двух исследуемых групп нет.

Затем для подтверждения/опровержения выдвинутой рабочей гипотезы и проверки достоверности результатов, полученных в ходе эксперимента, мы использовали метод *t*-статистики Стьюдента и аналитические методы инферентной статистики Р. Нуњеса для групп с одинаковым числом респондентов в каждой группе [Nuñez 2007: 104–107].

$$H_0 : M_1 - M_2 \leq 0$$

$$H_1 : M_1 - M_2 > 0$$

$$S_A^2 = \frac{n_A(\sum X_A^2) - (\sum X_A)^2}{n_A(n_A - 1)}$$

$$S_B^2 = \frac{n_B(\sum X_B^2) - (\sum X_B)^2}{n_B(n_B - 1)}$$

$$S_A^2 = \frac{12(1302) - 15376}{12(12 - 1)} = 1,9$$

$$S_B^2 = \frac{12(587) - 5929}{12(12 - 1)} = 8,4$$

$$S_p^2 = (1,9 + 8,4)/2 = 5,15$$

$$Sx_A - x_B = \sqrt{[(S_p^2/n_A) + (S_p^2/n_B)]}$$

$$Sx_A - x_B = \sqrt{[(5,15/12) + (5,15/12)]} = 0,93$$

$$t = \frac{(X_A - X_B) - (M_A - M_B)_{hyp}}{Sx_A - x_B} = \frac{(X_A - X_B) - 0}{Sx_A - x_B}$$

$$t = \frac{10,5 - 6,4}{0,93} = 4,19$$

$$df = n - 1 \quad df = 11 \quad t = 4,19$$

Согласно таблице критических показателей для одностороннего критерия значимости группы из 12 человек: 4,025 для 0,1%. Поскольку значение $t = 4,19$ больше, чем 4,025 – самой сильной критической величины, мы можем отвергнуть нулевую гипотезу H_0 (об отсутствии различий между группами) и принять рабочую H_1 – альтернативную гипотезу (о значимости различий между группами).

Далее мы проведем более подробный количественный и качественный анализ полученных субъективных дефиниций и установим, какие именно отличия наблюдаются у двух групп билингвов в отношении концепта MOVEMENT. Для русско-англоговорящих информантов самыми частотными субъективными дефинициями слова *movement* на английском языке стали: "*directional motion of subjects and objects in space*" (направленное движение субъектов и объектов в пространстве) – 12, "*effort to reach the goal*" (попытка достигнуть цели) – 10, "*fall into 'black hole'*" (падение в «черную дыру») – 8, "*motion toward the goal*" (движение навстречу цели) – 7. Наименее популярными дефинициями являлись следующие: "*moving from one point to another*" (движение от одной точки к другой) – 6, "*trip from one place to another*"

(поездка из одного места в другое) – 6, "process of moving" (процесс движения) – 6, "trip in a car" (поездка на машине) – 6, "riding a bike (cycling)" (езда на велосипеде) – 6, "ability to move the objects, things" (способность передвигать объекты, предметы) – 5, "changing location, place, or position" (изменение местонахождения, места или позиции) – 5.

Проанализировав полученные данные, мы установили, что билингвы из обеих групп в целом представили идентичные субъективные дефиниции английского слова *movement*. Однако были выявлены и некоторые отличия: так, например, респонденты из Группы 2 назвали такие определения, как "effort to reach the goal" (попытка достигнуть цели) и "fall into 'black hole'" (падение в «черную дыру»), которые отсутствовали у информантов Группы 1, в то же время вьетнамо-англоговорящими билингвами были даны такие определения, как "endless cycle of suffering and rebirth" (бесконечный цикл страдания и перерождения), "transition from one state to another" (переход из одного состояния в другое), "flow of harmony of opposites" (поток гармонии противоположностей), которые свидетельствуют о связи индивида с культурой страны из региона Юго-Восточной Азии.

Подобного рода особенности в содержании концепта могут быть обусловлены принятыми в связанной с первым языком лингвокультуре религиозными представлениями и сформировавшимися ценностями. Так, проникшие во Вьетнам из Индии философские идеи буддизма, а затем привнесенные из Китая и Индии воззрения конфуцианства и даосизма оказали большое влияние на философские представления о пространстве и всего сущего в нем. Согласно буддийской теории, все имеет свое начало и конец, свой «цикл страданий и возрождения», который представляет собой циклический процесс: рождение новой жизни – уничтожение / смерть – возрождение [Hoang 2005]. Кроме того, одним из постулатов даосизма во Вьетнаме является циклическая природа непрерывной смены движения, переход из одного состояния в другое.

Все события, происходящие в природе и жизни человека, представляют собой замкнутую модель цикличности [Kim 2008]. Важной идеей вьетнамского даосизма является представление об участии человека в созданной Вселенной – универсальном порядке, который зависит от равновесия – гармонии двух совершенно противоположных элементов, которые постоянно замещают и дополняют друг друга – «инь» (негативное) и «янь» (позитивное), представляя собой двойственность природы и всего происходящего в пространстве, таких как день и ночь, свет и тень, земля и небо, жидкое и твердое, холод и огонь, луна и солнце, покой и движение, взлеты и падения, женское и мужское, материальное и духовное. Эти принципы господствуют в материальном мире и управляют всеми пространственными отношениями; и через объединение принципов равновесия человек достигает духовного совершенства – гармонии [Kim 2008]. В этой связи мы полагаем, что такие ответы респондентов из Группы 1, как *"endless cycle of suffering and rebirth"* (бесконечный цикл страдания и перерождения), *"transition from one state to another"* (переход из одного состояния в другое), *"flow of harmony of opposites"* (поток гармонии противоположностей), *"desire of spiritual excellence"* (стремление к духовному совершенству), *"guidance toward a goal"* (руководство к цели), *"spiritual guidance"* (духовное руководство), демонстрируют ту часть содержания концепта MOVEMENT, которая была сформирована под влиянием первого языка и соответствующей культуры.

Субъективная дефиниция *"riding a bike (cycling)"* (езда на велосипеде), высказанная информантами Группы 1, также свидетельствует о распространенном способе передвижения во Вьетнаме, в то время как русско-английские билингвы приводят в качестве субъективной дефиниции слова *"movement"* типичный для западных культур способ перемещения – *"trip in a car"* (поездка на машине). Здесь наблюдается пример того, что представления о движении, типичные для вьетнамской лингвокультуры, накладываются на

семантику соответствующего английского слова и демонстрируют специфику лингво-когнитивной репрезентации дирекциональности в сознании билингвов.

Таким образом, мы видим, что субъективные дефиниции английского слова *movement*, представленные вьетнамо-англоговорящими и русско-англоговорящими билингвами совпадают на понятийном уровне. При этом важной чертой данных дефиниций является указание на связь концептов MOVEMENT и DIRECTION ("*directional motion of subjects and objects in space*" (направленное движение субъектов и объектов в пространстве, "*motion toward the goal*" (движение навстречу цели), "*moving from one point to another*" (движение от одной точки к другой), "*trip from one place to another*" (поездка из одного места в другое) и др).

Отличия в субъективных дефинициях билингвов из двух разноязычных групп состоят, главным образом, в представлениях билингвов о траектории движения (например, наличие представлений о круговом и циклическом движении у вьетнамо-англоговорящих билингвов) и средствах и способах передвижения. Как и в случае с ассоциативными реакциями, в содержании исследуемого концепта дирекциональности преобладают результаты перцептивного и когнитивного опыта носителей двух языков, который демонстрирует характер восприятия движения (например, "*transition from one state to another*", "*trip in a car, riding a bike (cycling)*", "*effort to reach the goal*" и др.) и знания о нем ("*moving from one point to another*", "*changing location, place, or position*", "*motion toward the goal*", "*process of moving*" и т.п.). Тем не менее, у билингвов из Группы 1 встречается такая дефиниция, как "*endless cycle of suffering and rebirth*", в которой прослеживается негативная оценка движения и которая может демонстрировать опыт эмоционально-оценочных переживаний, сформировавшийся на основе Я1 и К1.

III. Третий этап экспериментального исследования: сравнение экспериментальных данных, полученных на слово *movement* от билингвов, и содержания данного концепта у монолингвов

На заключительном этапе изучения особенностей содержания базового концепта дирекциональности – концепта MOVEMENT – в сознании двух разноязычных групп билингвов мы сопоставили ассоциативные реакции и субъективные дефиниции испытуемых с данными ассоциативных словарей и определениями значения данного слова в англоязычных толковых словарях (см. Приложения 4 и 2), которые отражают общепринятые в монолингвальном англоязычном сообществе ассоциации и семантику слова *movement*, а также отображают представления о соответствующем концепте. Результаты количественного сопоставления даны в Таблицах 13 и 14.

Таблица 13

Сравнение ассоциативных реакций билингвов и данных ассоциативных словарей о слове *movement*

Слово-стимул <i>movement</i>	Реакции, соответствующие словарным данным	Реакции, не соответствующие словарным данным	Всего
Группа 1	85	35	120
Группа 2	79	2	81

Таблица 14

Сравнение субъективных дефиниций билингов и данных толковых словарей о слове *movement*

Слово-стимул <i>movement</i>	Субъективные дефиниции, соответствующие словарным определениям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным определениям	Всего
Группа 1	94	30	124
Группа 2	59	18	77

Приведенные в таблицах данные свидетельствуют о том, что содержание концепта MOVEMENT в сознании билингов характеризуется некоторой спецификой в сравнении с соответствующими ментальными репрезентациями у монолингов, т.к. совпадение ассоциативных реакций у вьетнамо-англоговорящих билингов и англоязычных монолингов наблюдается на 70,8%, а у русско-англоговорящих билингов и англоговорящих монолингов на 97,5%. Что касается субъективных дефиниций, то они совпадают у билингов из Группы 1 и англоязычных монолингов на 75,8%, а у билингов из Группы 2 на 76,6%.

По нашему мнению, указанные выше процентные соотношения подтверждают идею о том, что представления монолингов и билингов о таком базовом концепте дирекциональности, как MOVEMENT, имеют заметные отличия. При этом отличия могут быть более существенными в том случае, когда наблюдается большая разница между системами Я1 и Я2, а также более значительные расхождения в соответствующих культурах.

Конкретные данные об общих и отличающихся ассоциативных реакциях и субъективных дефинициях у билингов и монолингов в отношении слова-стимула *movement* приведены в Таблицах 15, 16, 17 и 18.

Таблица 15

Совпадения и отличия в представлениях о концепте MOVEMENT у вьетнамо-англоговорящих билингов и англоязычных монолингов по данным свободных ассоциаций

Ассоциативные реакции, соответствующие словарным данным	Ассоциативные реакции, не соответствующие словарным данным
85	35
<i>driving</i> (вождение автомобиля) (12); <i>motion</i> (движение) (12); <i>distance</i> (расстояние) (12); <i>walking</i> (ходьба)(11); <i>trip</i> (поездка) (8); <i>directional</i> (направленный) (10); <i>change</i> (изменение) (8); <i>travel</i> (передвижение) (6); <i>journey</i> (поездка) (6)	<i>cycle</i> (цикл) (12); <i>flow</i> (поток) (12); <i>transition</i> (переход) (11)

Таблица 16

Совпадения и отличия в представлениях о концепте MOVEMENT у русско-англоговорящих билингов и англоязычных монолингов по данным свободных ассоциаций

Ассоциативные реакции, соответствующие словарным данным	Ассоциативные реакции, не соответствующие словарным данным
79	2
<i>motion</i> (движение) (12); <i>distance</i> (расстояние) (12); <i>travel</i>	<i>flow</i> (поток) (2)

<p>(<i>передвижение</i>) (12); <i>journey</i> (<i>поездка</i>) (12); <i>driving</i> (<i>вождение автомобиля</i>)(8); <i>trip</i> (<i>поездка</i>) (8); <i>directional</i> (<i>направленный</i>) (8); <i>change</i> (<i>изменение</i>) (5); <i>walking</i> (<i>ходьба</i>) (2)</p>	
---	--

Как видно из представленных в Таблицах 15 и 16 данных, основное отличие свободных ассоциаций на слово-стимул *movement* у билингвов и монолингвов касается представлений о траектории или направлении движения объекта (например, прямолинейное или цикличное/круговое движение), а также качественных характеристик движущегося объекта: прерывность/непрерывность, дискретность/целостность и т.п.

Интересно также отметить, что количество ассоциативных реакций, представленных на слово-стимул *movement* билингвами и монолингвами, значительно отличается. Монолингвы демонстрируют большее разнообразие в отношении предлагаемых ассоциаций. Так, например, билингвы из Группы 1 и Группы 2 указали 12 и 10 различных реакций на слово-стимул *movement*, соответственно. В то же время по данным ассоциативных словарей англоязычные монолингвы предлагают 16 ассоциаций на данное слово-стимул (см. Приложение 4). Особым разнообразием характеризуется список ассоциаций, полученных от русскоязычных монолингвов на соответствующее русское слово-стимул – *движение*. Общее их число составило 87 (см. Приложение 5). Очевидно, что при описании содержания исследуемого концепта монолингвы прибегают к более заметному лексическому разнообразию, а также более ярко демонстрируют отраженную в содержании концепта лингво-культурную специфику.

Совпадения и отличия в субъективных дефинициях слова *movement*, полученных от вьетнамо-англоговорящих билингвов, и его словарных определениях

Субъективные дефиниции, соответствующие словарным дефинициям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным дефинициям
94	30
<p><i>directional motion of subjects and objects in space</i> (направленное движение субъектов и объектов в пространстве) (12); <i>changing location, place, or position</i> (изменение местонахождения, места или позиции) (12); <i>riding a bike (cycling)</i> (езда на велосипеде) (11); <i>ability to move the objects, things</i> (способность передвигать объекты, предметы) (11); <i>trip in a car</i> (поездка на машине) (11); <i>motion toward the goal</i> (движение навстречу цели) (11); <i>process of moving</i> (процесс движения) (10); <i>moving from one point to another</i> (движение от одной точки к другой) (9); <i>trip from one place to another</i> (поездка из одного места в другое) (7)</p>	<p><i>transition from one state to another</i> (переход из одного состояния в другое) (10); <i>endless cycle of suffering and rebirth</i> (бесконечный цикл страдания и перерождения) (10); <i>flow of harmony of opposites</i> (поток гармонии противоположностей) (10)</p>

Совпадения и отличия в субъективных дефинициях слова *movement*, полученных от русско-англоговорящих билингов, и его словарных определениях

Субъективные дефиниции, соответствующие словарным дефинициям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным дефинициям
59	18
<i>directional motion of subjects and objects in space</i> (направленное движение субъектов и объектов в пространстве) (12); <i>motion toward the goal</i> (движение навстречу цели) (7); <i>trip from one place to another</i> (поездка из одного места в другое) (6); <i>process of moving</i> (процесс движения) (6); <i>riding a bike (cycling)</i> (езда на велосипеде) (6); <i>moving from one point to another</i> (движение от одной точки к другой) (6); <i>trip in a car</i> (поездка на машине) (6); <i>changing location, place, or position</i> (изменение местонахождения, места или позиции) (5); <i>ability to move the objects, things</i> (способность передвигать объекты, предметы) (5)	<i>effort to reach the goal</i> (попытка достигнуть цели) (10); <i>fall into "black hole"</i> (падение в «черную дыру») (8)

Можно заключить, что содержание концепта MOVEMENT как базового концепта дирекциональности в сознании билингов и монолингов совпадает в значительной степени, но, тем не менее, наблюдаются и определенные отличия как между билингвами и монолингами, так и между группами разноязычных билингов. Отмеченные особенности обусловлены влиянием первого языка и приобретенными с ним факторами культуры. Кроме того, различия тем более очевидны, чем больше наблюдается разница между системами первого и

второго языков и соответствующих им культурных представлений. Так, экспериментальные данные наглядно демонстрируют то, что репрезентация концепта MOVEMENT в сознании вьетнамо-англоговорящих билингвов характеризуется большей спецификой, чем у носителей русского и английского языков. Отличия в бóльшей степени обусловлены опытом перцепции и когниции, в то время как результаты эмоционально-оценочных переживаний (аффективного опыта), связанных с перемещением в пространстве, были обнаружены только в единичных ассоциациях и субъективных дефинициях ("*fall into 'black hole'*", "*endless cycle of suffering and rebirth*" – отрицательная оценка; "*flow of harmony of opposites*" – положительная оценка).

2.2.3. Содержание концепта, актуализируемого лексемой *direction* в сознании билингвов

I. Первый этап экспериментального исследования: использование свободного ассоциативного эксперимента

Следующим базовым концептом дирекциональности, который мы подвергли анализу, стал концепт DIRECTION. Как и в предыдущих двух случаях задачей проводимых экспериментов стало выявление наличия влияния языковых и когнитивных структур Я1 на содержание концепта, вербализуемого английской лексемой *direction*, в сознании билингвов.

Условия проведения свободного ассоциативного эксперимента совпадают с описанными выше (см. §§ 2.2.1. и 2.2.2.): 12 двуязычных респондентов, свободно говорящих на вьетнамском и английском (Группа 1) и 12 русско-англоговорящих информантов (Группа 2), проживающих в США. Испытуемым было предложено записать в бланках ответов те ассоциации, которые вызывает у них слово *direction*. Время выполнения задания ограничивалось 5 минутами.

В результате проведения данного эксперимента было зафиксировано 238 реакции: 139 реакции были даны билингвами из Группы 1 и 99 реакции были получены от билингов из Группы 2. Все полученные реакции и статистические данные представлены в Таблице 19.

Таблица 19

Ассоциативные реакции на слово-стимул *direction*

Ассоциация	Количество информантов Группы 1, представивших данную ассоциацию	Количество информантов Группы 2, представивших данную ассоциацию
Motion (движение)	7	6
Way (путь)	10	8
Point (точка)	10	8
Instruction (инструкция)	10	8
Route (маршрут)	7	6
Speed (скорость)	11	6
Movement (перемещение)	11	10
Distance (расстояние)	12	10
Vector (вектор)	10	6
Map (карта)	11	2
Goal (цель)	12	6
Plan (план)	11	6
Up (вверх)	8	9
Forward (вперед)	5	6
East (восток)	4	2
Всего реакций: $\sum X$	139	99
Число участников: n	$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: $\bar{X}$	10,2	6,8
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$	14889	6724
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$	1270	612

Проведенный нами вертикальный анализ показал, что наиболее частотными ассоциациями на английском языке для билингов из Группы 1 были: *distance* (расстояние) – 12, *goal* (цель) – 12, *speed* (скорость) – 11, *movement* (перемещение) – 11, *map* (карта) – 11, *plan* (план) – 11, *way* (путь) – 10, *point* (точка) – 10, *instruction* (инструкция) – 10, *vector* (вектор) – 10. Среди ассоциативных реакций с более низким уровнем частотности выделяются следующие: *up* (вверх) – 8, *motion* (движение) – 7, *route* (маршрут) – 7. Наименее частотные реакции *forward* (вперед) – 5, *East* (восток) – 4.

Для русско-англоговорящих билингов самыми частотными ассоциациями стали: *movement* (перемещение) – 10, *distance* (расстояние) – 10, *up* (вверх) – 9. Далее следуют реакции: *way* (путь) – 8, *point* (точка) – 8, *instruction* (инструкция) – 8, *motion* (движение) – 6, *route* (маршрут) – 6, *speed* (скорость) – 6, *forward* (вперед) – 6, *vector* (вектор) – 6, *goal* (цель) – 6, *plan* (план) – 6. К числу ассоциативных реакций с низким уровнем частотности можно отнести такую реакцию, как *East* (восток) – 2, *map* (карта) – 2.

Анализируя результаты ассоциативного эксперимента, мы снова принимаем во внимание идею И.Г. Бескорвайной, которая отмечает: «Одни данные, что вполне закономерно, обусловлены социально, другие могут быть объяснены национально-культурной спецификой» [Бескорвайная 2004: 76]. И далее, основываясь на вертикальном анализе полученных в ходе эксперимента ассоциаций, мы выдвигаем рабочую гипотезу (H_1) о том, что репрезентация и содержание концепта DIRECTION в сознании информантов-билингов, общим вторым языком которых является английский, а первым служит русский или вьетнамский, характеризуется определенной спецификой. В качестве противоположной (нулевой гипотезы – H_0) было сформулировано положение о том, что различий в содержании концепта DIRECTION у исследуемых двуязычных респондентов нет.

Затем для того чтобы принять/отклонить выдвинутую нами рабочую гипотезу и проверить полученные в ходе эксперимента результаты, информация была подвергнута обработке с использованием метода t -статистики Стьюдента и аналитических методов инферентной статистики Р. Нуньеса для групп с одинаковым числом информантов [Nuñez 2007: 104–107].

$$H_0 : M_1 - M_2 \leq 0$$

$$H_1 : M_1 - M_2 > 0$$

$$S_A^2 = \frac{n_A(\sum X_A^2) - (\sum X_A)^2}{n_A(n_A - 1)} \quad S_B^2 = \frac{n_B(\sum X_B^2) - (\sum X_B)^2}{n_B(n_B - 1)} \quad S_P^2 = (S_A^2 + S_B^2)/2$$

$$S_A^2 = \frac{12(1270) - 14889}{12(12 - 1)} = 2,7 \quad S_B^2 = \frac{12(612) - 6724}{12(12 - 1)} = 4,7 \quad S_P^2 = (2,7 + 4,7)/2 = 3,7$$

$$Sx_A - x_B = \sqrt{[(S_P^2/n_A) + (S_P^2/n_B)]} \quad Sx_A - x_B = \sqrt{[(3,7/12) + (3,7/12)]} = 0,78$$

$$t = \frac{(X_A - X_B) - (M_A - M_B)_{hyp}}{Sx_A - x_B} = \frac{(X_A - X_B) - 0}{Sx_A - x_B} \quad t = \frac{10,2 - 6,8}{0,78} = 4,36$$

$$df = n - 1 \quad df = 11 \quad t = 4,36$$

Согласно таблице критических показателей для одностороннего критерия значимости группы из 12 человек: 4,025 для 0,1%. Поскольку значение $t = 4,36$ больше, чем 4,025 – самой сильной критической величины, мы можем отклонить H_0 – нулевую гипотезу (об отсутствии различий между группами) и принять рабочую H_1 – альтернативную гипотезу (о значимости различий между группами).

Полученные ассоциативные реакции наглядно демонстрируют тесную связь выделенных нами трех базовых концептов дирекциональности в сознании билингвов: DIRECTION, SPACE, MOVEMENT. Наличие таких ассоциаций, как *movement* и *motion* среди реакций на слово-стимул *direction* свидетельствуют о

том, что представления о направлении коррелируют у индивидов с перемещением. В то же время связь концептов DIRECTION и SPACE реализуется через такие ассоциации, как *point, way, map*.

Важно отметить, что в случае с концептом DIRECTION наименее всего проявились качественные отличия ассоциаций двух различных групп информантов. Расхождения наблюдаются, главным образом, в количестве той или иной ассоциации, полученной от вьетнамо-англоговорящих и русско-англоговорящих билингвов. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что, с одной стороны, в содержании разных концептов дирекциональности перцептивно-когнитивно-аффективный опыт индивида может отражаться по-разному, например, один из компонентов опыта (перцептивный, когнитивный или аффективный) может получить бóльшую выраженность, как, например, в случае с обсуждаемым нами концептом. Большинство предложенных информантами реакций отражает их знания (т.е. опыт когниции) о том, что такое направление в отношении перемещения объекта в пространстве, и какие компоненты реальности входят в его состав. Об этом свидетельствуют такие ассоциации, как *motion, way, point, route, vector, movement, distance, map, plan* и т.п. В рассматриваемом случае практически не было получено ассоциативных реакций, которые бы напрямую передавали эмоционально-оценочные переживания, т.к. все предложенные ассоциации представлены словами с нейтральной коннотацией. Тем не менее, следуя известным данным о том, что направление вверх, как и вперед, имеет положительную оценку (о чем, например, пишут в своей работе Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 2003], рассматривая характеристики пространственной метафоры), мы можем предположить, что реакции *up* и *forward* могут нести в себе элементы положительной оценки, заложенной в содержании концепта DIRECTION.

Тот факт, что представленные двумя разноязычными группами билингвов ассоциативные реакции не имеют значимых качественных отличий (как

показано в Таблице 19, общий список реакций практически совпадает), а лишь не столь существенные, как для двух предыдущих концептов, количественные отличия в отношении отдельных ассоциаций, позволяет нам заключить, что содержание концепта **DIRECTION** имеет значительные совпадения у исследуемых групп билингвов. Так, например, количество соответствующих реакций, полученных от вьетнамо-англоговорящих и русско-англоговорящих билингвов, часто отличается на 1-2 пункта. В данную группу входят реакции *motion, way, point, instruction, route, movement, distance, up, forward, East*. На 4-6 пунктов по количеству отличаются ассоциации: *speed, vector, goal, plan*. Существенные количественные отличия (11 у информантов из Группы 1 против 2 у русско-англоговорящих билингвов) наблюдаются только в реакции *map*.

В качестве объяснения данного факта можно выдвинуть предположение о том, что, в целом, данный концепт имеет значительные сходства у трех имеющих отношение к нашему исследованию лингвокультур (англоговорящей, вьетнамоговорящей и русскоговорящей). Вероятным объяснением чему, по нашему мнению, служит следующее размышление: так, например, концепт **SPACE** отражает, в первую очередь, окружающее индивида пространство, которое может выглядеть и быть структурировано по-разному (сравним, например, географические и природные характеристики России, США и Вьетнама, степень освоенности и исследованности пространства каждым народом, культурные представления, связанные с пространством и т.п.). Аналогичная ситуация складывается и с концептом **MOVEMENT**, т.к. движение может осуществляться при помощи различных средств, иметь разную траекторию, скорость, интенсивность, происходить в разной среде и т.д., важность чего может отличаться от культуры к культуре. Все эти отличия, по видимому, отражаются в сформировавшихся у индивида представлениях и в языке, а в случае билингвизма одна система представлений накладывается на другую. Что же касается концепта **DIRECTION**, количество вероятных

значимых направлений (имеется в виду в связи с направленным перемещением в пространстве) ограничено, в частности, движением вверх, вниз, вперед, назад, вправо, влево, а также по направлению сторон света, и является общим для всех людей. Такое положение вещей, возможно, и является причиной несущественных отличий в содержании концепта DIRECTION у двух групп билингвов.

В этой связи можно также предположить, что, чем больше лингвокультурных отличий наблюдается в содержании соответствующих концептов у представителей различных лингвокультурных сообществ, и чем больше компонентов перцептивно-когнитивно-аффективного опыта отражено в содержании концепта, тем шире будет содержание данного концепта у билингвов, и тем заметнее будут отличия в содержании того или иного концепта у разных групп билингвов.

Таким образом, результаты свободного ассоциативного эксперимента и данные статистического анализа показывают, что содержание концепта DIRECTION не полностью совпадает в сознании вьетнамо-англоговорящих и русско-англоговорящих билингвов, однако по сравнению с концептами SPACE и MOVEMENT эти отличия касаются не компонентов содержания, а степени их выраженности, которая демонстрируется через отличия в количестве каждой из полученных ассоциаций.

II. Второй этап экспериментального исследования: использование методики субъективных дефиниций

Задачей проведения эксперимента с использованием методики субъективных дефиниций, в котором в качестве слова-стимула выступила английская лексема *direction*, стало выявление особенностей в интерпретации значения данного слова носителями двух языков (вьетнамского и английского, русского и английского). Учитывая тот факт, что второй язык является общим для обеих групп билингвов, мы можем предположить, что отличия в

субъективных значениях слова обусловлены влиянием Я1 и соответствующих ему культурных представлений.

Общее количество информантов было 24: 12 билингов, разговаривающих на вьетнамском и английском (Группа 1), и 12 русско-англоговорящих информантов (Группа 2). Все респонденты постоянно проживают на территории США.

В результате проведения данного эксперимента было получено 194 субъективных дефиниции: 116 дефиниций были даны билингвами из Группы 1 и 78 реакций были получены от билингов из Группы 2. Все полученные реакции и статистические данные представлены в Таблице 20.

Таблица 20

Субъективные дефиниции слова *direction*

Субъективные дефиниции, полученные от билингов на слово-стимул <i>direction</i>	Перевод субъективных дефиниций на русский язык	Количество информантов Группы 1, представивших данное определение	Количество информантов Группы 2, представивших данное определение
Motion of subjects and objects in space	Движение субъектов и объектов в пространстве	10	8
Movement of subjects and objects with speed in space	Перемещение субъектов и объектов со скоростью в пространстве	12	8
Instruction where to move	Инструкция (указывающая) куда двигаться	12	10
Motion from beginning to end	Движение от начала до конца	0	10
Motion toward a goal	Движение к цели	6	5

Distance between two points in space	Расстояние между двумя точками в пространстве	7	4
Bus route	Маршрут автобуса	9	3
Spiritual guidance	Духовное руководство	10	0
Desire of spiritual excellence	Стремление к духовному совершенству	10	0
Guidance toward a goal	Руководство к цели	12	0
Orientation in space	Ориентация в пространстве	0	10
Directional movement from one point to another in space	Направленное перемещение из одной точки в другую в пространстве	6	10
Travel from one place to another	Передвижение из одного места в другое	10	5
Instruction what we need to do	Инструкция о том, что нам нужно делать	12	5
Всего реакций:		116	78
Число участников: n		$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X		9,7	6,5
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$		13456	6084
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$		1178	628

Вертикальный анализ показал, что наиболее частотные субъективные дефиниции слова *direction* на английском языке для студентов из Группы 1 являлись: "*movement of subjects and objects with speed in space*" (перемещение субъектов и объектов со скоростью в пространстве) – 12,

"*instruction where to move*" (инструкция (указывающая) куда двигаться) – 12, "*guidance toward a goal*" (руководство к цели) – 12, "*instruction what we need to do*" (инструкция о том, что нам нужно делать) – 12, "*motion of subjects and objects in space*" (движение субъектов и объектов в пространстве) – 10, "*spiritual guidance*" (духовное руководство) – 10, "*desire of spiritual excellence*" (стремление к духовному совершенству) – 10, "*travel from one place to another*" (передвижение из одного места в другое) – 10, "*bus route*" (маршрут автобуса) – 9, "*distance between two points in space*" (расстояние между двумя точками в пространстве) – 7. Наименее популярными дефинициями были: "*motion toward a goal*" (движение к цели) – 6, "*directional movement from one point to another in space*" (направленное перемещение из одной точки в другую в пространстве) – 6.

Среди билингов из Группы 2 чаще фиксировались такие субъективные дефиниции, как: "*instruction where to move*" (инструкция (указывающая) куда двигаться) – 10, "*motion from beginning to end*" (движение от начала до конца) – 10, "*orientation in space*" (ориентация в пространстве) – 10, "*directional movement from one point to another in space*" (направленное перемещение из одной точки в другую в пространстве) – 10, "*motion of subjects and objects in space*" (движение субъектов и объектов в пространстве) – 8, "*movement of subjects and objects with speed in space*" (перемещение субъектов и объектов со скоростью в пространстве) – 8. Менее популярными дефинициями стали: "*motion toward a goal*" (движение к цели) – 5, "*travel from one place to another*" (передвижение из одного места в другое) – 5, "*instruction what we need to do*" (инструкция о том, что нам нужно делать) – 5, "*distance between two points in space*" (расстояние между двумя точками в пространстве) – 4, "*bus route*" (маршрут автобуса) – 3.

Проанализировав полученные субъективные дефиниции, мы обратили внимание на то, что в целом билингвы из двух разноязычных групп имеют

общие представления о концепте DIRECTION. Важно подчеркнуть, что среди наиболее часто встречающихся субъективных дефиниций в обеих группах имеются такие, в которых прослеживается тесная связь трех базовых концептов дирекциональности (SPACE, MOVEMENT, DIRECTION), обусловленная невозможностью существования этих феноменов друг без друга в реальности: *movement of subjects and objects with speed in space, motion of subjects and objects in space, distance between two points in space, directional movement from one point to other in space, orientation in space* и др.

Показателен также тот факт, что в представленных дефинициях прослеживается связь между перцептивно-когнитивно-аффективным опытом индивида, обусловленным первым языком и сформированными на его основе представлениями об окружающем мире, и содержанием концепта DIRECTION. Доказательством этому могут служить субъективные дефиниции, характерные только для одной из групп билингвов и имеющие непосредственную связь с соответствующей лингвокультурой. Например, такие субъективные дефиниции, как *"desire of spiritual excellence"* (стремление к духовному совершенству), *"spiritual guidance"* (духовное руководство) отражают принятые во многих южно- и восточноазиатских странах представления о духовном совершенстве личности под чутким руководством опытных наставников, с чем вполне согласуются данные ими определения *"guidance toward a goal"* (руководство к цели), *"instruction what we need to do"* (инструкция о том, что нам нужно делать), *"instruction where to move"* (инструкция (указывающая) куда двигаться) и отсутствие такой субъективной дефиниции, как *"orientation in space"* (ориентация в пространстве). Также мы можем отметить, что, в отличие от информантов Группы 2 (10 ответов), в Группе 1 не было получено ни одной субъективной дефиниции типа *"motion from beginning to end"* (движение от начала до конца), что также свидетельствует о принятых в азиатской философии верованиях в существование циклической траектории движения.

Далее на основе полученных данных нами была выдвинута рабочая гипотеза (H_1) о наличии специфики содержания концепта DIRECTION в сознании двух разноязычных групп билингвов. В качестве противоположной (нулевой гипотезы – H_0) была предложена идея о том, что подобных различий у представителей исследуемых групп нет.

Затем для того чтобы подтвердить/отклонить данную рабочую гипотезу и проверить валидность экспериментальных данных, результаты были обработаны с применением метода t -статистики Стьюдента и аналитических методов инферентной статистики Р. Нуньеса для групп с одинаковым числом участников [Nuñez 2007: 104–107].

$$H_0 : M_1 - M_2 \leq 0$$

$$H_1 : M_1 - M_2 > 0$$

$$S_A^2 = \frac{n_A(\sum X_A^2) - (\sum X_A)^2}{n_A(n_A - 1)} \quad S_B^2 = \frac{n_B(\sum X_B^2) - (\sum X_B)^2}{n_B(n_B - 1)} \quad S_P^2 = (S_A^2 + S_B^2)/2$$

$$S_A^2 = \frac{12(1178) - 13456}{12(12 - 1)} = 5,15 \quad S_B^2 = \frac{12(628) - 6084}{12(12 - 1)} = 11,0 \quad S_P^2 = (5,15 + 11,0)/2 = 8,08$$

$$Sx_A - x_B = \sqrt{[(S_P^2/n_A) + (S_P^2/n_B)]} \quad Sx_A - x_B = \sqrt{[(8,8/12) + (8,08/12)]} = 1,16$$

$$t = \frac{(X_A - X_B) - (M_A - M_B)_{hyp}}{Sx_A - x_B} = \frac{(X_A - X_B) - 0}{Sx_A - x_B} \quad t = \frac{9,7 - 6,5}{1,16} = 2,76$$

$$df = n - 1 \quad df = 11 \quad t = 2,76$$

Согласно таблице критических показателей для одностороннего критерия значимости группы из 12 человек: 2,718 для 1% уровня значимости.

Поскольку значение $t = 2,76$ больше, чем 2,718 – самой сильной критической величины, мы можем отвергнуть нулевую гипотезу (H_0) об отсутствии различий в содержании концепта DIRECTION в сознании вьетнамо-

англоговорящих и русско-англоговорящих билингвов и принять рабочую H_1 о наличии указанных различий.

Однако, как и в случае с данными свободного ассоциативного эксперимента, субъективные дефиниции слова *direction* в бóльшей мере демонстрируют результаты когнитивного опыта билингва, нежели его восприятие и эмоционально-оценочные переживания. Значительное количество полученных субъективных дефиниций связано с понятийной областью концепта, содержание которой близко к словарным дефинициям данной лексемы (см. Приложение 3). К числу дефиниций, отражающих опыт когнитивности индивида, можно отнести следующие: *"movement of subjects and objects with speed in space"* (перемещение субъектов и объектов со скоростью в пространстве), *"instruction where to move"* (инструкция (указывающая) куда двигаться), *"motion of subjects and objects in space"* (движение субъектов и объектов в пространстве), *"distance between two points in space"* (расстояние между двумя точками в пространстве), *"travel from one place to another"* (передвижение из одного места в другое), *"distance between two points in space"* (расстояние между двумя точками в пространстве), *"motion toward a goal"* (движение к цели), *"directional movement from one point to another in space"* (направленное перемещение из одной точки в другую в пространстве). В то же время нами не было зафиксировано субъективных дефиниций, в которых были бы отражены эмоционально-оценочные переживания билингвов.

III. Третий этап экспериментального исследования: сравнение экспериментальных данных, полученных на слово *direction* от билингвов, и содержания данного концепта у монолингвов

На последнем этапе изучения особенностей содержания базового концепта дирекциональности – концепта **DIRECTION** – в сознании двух разноязычных групп билингвов мы, как и в предыдущих двух случаях, сопоставили ассоциативные реакции и субъективные дефиниции испытуемых-

билинггов с определениями значения данного слова в толковых и ассоциативных словарях (см. Приложения 3 и 4), которые отражают общепринятые в монолингвальном сообществе ассоциации, связанные с данным словом, а также ту часть содержания данного концепта, которая представлена значением слова *direction*, характерным для монолингвов. Результаты сопоставления даны в Таблицах 21 и 22.

Таблица 21

Сравнение ассоциативных реакций билингвов и данных ассоциативных словарей о слове *direction*

Слово-стимул <i>direction</i>	Реакции, соответствующие словарным данным	Реакции, не соответствующие словарным данным	Всего
Группа 1	78	44	122
Группа 2	58	24	82

Таблица 22

Сравнение субъективных дефиниций билингвов и данных толковых словарей о слове *direction*

Слово-стимул <i>direction</i>	Субъективные дефиниции, соответствующие словарным определениям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным определениям	Всего
Группа 1	99	17	116
Группа 2	74	4	78

Сравнение ассоциативных реакций билингов с ассоциациями монолингов показало 63,9% совпадений в случае с вьетнамо-англоговорящими билингвами и 70,7% совпадений у русско-англоговорящих билингов, что в целом свидетельствует об общности представлений людей о таком концепте, как **DIRECTION** вне зависимости от их лингвокультурной принадлежности. Тем не менее, наблюдаются и заметные отличия в ассоциациях на слово *direction* у билингов, с одной стороны, и монолингов, с другой. Более того, указанные отличия варьируются у разноязычных групп билингов: 36,1% у билингов из Группы 1 и 29,3 у билингов из Группы 2. Вероятно, более явные отличия между англоязычными монолингами и вьетнамо-англоговорящими билингвами в отношении ассоциаций на слово-стимул *direction* можно объяснить более значимыми различиями в двух языках и культурах в сравнении с английским и русским языками и соответствующими культурами.

В таблицах 23, 24, 25, 26 показано, какие именно ассоциативные реакции билингов из двух групп совпали/не совпали с данными ассоциативных словарей, а также общие и отличающиеся субъективные дефиниции билингов и дефиниции слова *direction*, имеющиеся в толковых словарях.

Таблица 23

Совпадения и отличия в представлениях о концепте **DIRECTION** у вьетнамо-англоговорящих билингов и англоязычных монолингов по данным свободных ассоциаций

Ассоциативные реакции, соответствующие словарным данным	Ассоциативные реакции, не соответствующие словарным данным
95	44
<i>goal</i> (цель) (12); <i>movement</i> (перемещение) (11); <i>plan</i> (план) (11); <i>way</i> (путь) (10); <i>point</i> (точка) (10); <i>instruction</i> (инструкция) (10); <i>up</i>	<i>distance</i> (расстояние) (12); <i>speed</i> (скорость) (11); <i>map</i> (карта) (11); <i>vector</i> (вектор) (10)

(<i>вверх</i>) (8), <i>forward</i> (<i>вперед</i>) (5), <i>East</i> (<i>восток</i>) (4), <i>route</i> (<i>маршрут</i>) (7); <i>motion</i> (<i>движение</i>) (7)	
--	--

Таблица 24

Совпадения и отличия в представлениях о концепте DIRECTION у русско-англоговорящих билингвов и англоязычных монолингвов по данным свободных ассоциаций

Ассоциативные реакции, соответствующие словарным данным	Ассоциативные реакции, не соответствующие словарным данным
75	24
<i>movement</i> (<i>перемещение</i>) (10); <i>way</i> (<i>путь</i>) (8); <i>point</i> (<i>точка</i>) (8); <i>instruction</i> (<i>инструкция</i>) (8); <i>up</i> (<i>вверх</i>) (9), <i>forward</i> (<i>вперед</i>) (6), <i>East</i> (<i>восток</i>) (2), <i>route</i> (<i>маршрут</i>) (6); <i>goal</i> (<i>цель</i>) (6); <i>motion</i> (<i>движение</i>) (6); <i>plan</i> (<i>план</i>) (6)	<i>distance</i> (<i>расстояние</i>) (10); <i>speed</i> (<i>скорость</i>) (6); <i>vector</i> (<i>вектор</i>) (6); <i>map</i> (<i>карта</i>) (2)

Как видно из вышеприведенных таблиц, основное отличие между билингвами и монолингвами в отношении имеющихся ассоциативных реакций на слово-стимул *direction* касается несовпадения в представлении о расстоянии, скорости, векторе и пространстве перемещения: *distance* (*расстояние*); *speed* (*скорость*); *vector* (*вектор*); *map* (*карта*). Отличия же между двумя исследуемыми разноязычными группами билингвов носят, в целом, только количественный характер.

При анализе ассоциативных реакций двух групп билингвов и англоязычных монолингвов на слово-стимул *direction* были установлены и некоторые отличия в отношении общего числа разнообразных реакций. Так, список разнообразных реакций билингвов состоит из 16 ассоциаций. Количество различных реакций у англоязычных монолингвов равняется 24 (см.

Приложение 4), а число разнообразных реакций у русскоязычных монолингвов на соответствующее русское слово-стимул *направление* составляет 30 (см. Приложение 5). Как и в случае с исследованием концептов SPACE и MOVEMENT, при изучении содержания концепта DIRECTION мы получили данные, свидетельствующие о том, что ассоциации монолингвов получают более разнообразное лексическое оформление, через которое можно лучше проследить лингвокультурную принадлежность индивида.

Таблица 25

Совпадения и отличия в субъективных дефинициях слова *direction*, полученных от вьетнамо-англоговорящих билингвов, и его словарных определениях

Субъективные дефиниции, соответствующие словарным дефинициям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным дефинициям
99	17
<i>instruction where to move</i> (инструкция (указывающая) куда двигаться) (12); <i>instruction what we need to do</i> (инструкция о том, что нам нужно делать) (12); <i>guidance toward a goal</i> (руководство к цели) (12); <i>movement of subjects and objects with speed in space</i> (перемещение субъектов и объектов со скоростью в пространстве) (12); <i>motion of subjects and objects in space</i> (движение субъектов и объектов в пространстве) (10); <i>spiritual guidance</i> (духовное руководство) (10); <i>travel from one place to another</i> (передвижение из одного места в другое) (10); <i>bus route</i> (маршрут автобуса) (9); <i>motion toward a goal</i> (движение к цели) (6); <i>directional movement from one point to another</i>	<i>desire of spiritual excellence</i> (стремление к духовному совершенству) (10); <i>distance between two points in space</i> (расстояние между двумя точками в пространстве) (7)

(направленное перемещение из одной точки в другую) (6)	
--	--

Таблица 26

Совпадения и отличия в субъективных дефинициях слова *direction*, полученных от русско-англоговорящих билингов, и его словарных определениях

Субъективные дефиниции, соответствующие словарным дефинициям	Субъективные дефиниции, не соответствующие словарным дефинициям
74	4
<i>instruction where to move</i> (инструкция (указывающая) куда двигаться) (10); <i>motion from beginning to end</i> (движение от начала до конца) (10); <i>orientation in space</i> (ориентация в пространстве) (10); <i>directional movement from one point to another</i> (направленное перемещение из одной точки в другую) (10); <i>motion of subjects and objects in space</i> (движение субъектов и объектов в пространстве) (8); <i>movement of subjects and objects with speed in space</i> (перемещение субъектов и объектов со скоростью в пространстве) (8); <i>motion toward a goal</i> (движение к цели) (5); <i>instruction what we need to do</i> (инструкция о том, что нам нужно делать) (5); <i>travel from one place to another</i> (передвижение из одного места в другое) (5); <i>bus route</i> (маршрут автобуса) (3)	<i>distance between two points in space</i> (расстояние между двумя точками в пространстве) (4)

Характерной особенностью субъективных дефиниций слова *direction* у билингов и монолингов является наличие у вьетнамо-англоговорящих

билингвов субъективных дефиниций, выходящих за рамки категории реального пространства и связанных с духовной жизнью человека. Об этом свидетельствует такое определение слова *direction*, как "*desire of spiritual excellence*" (*стремление к духовному совершенству*).

Итак, мы можем сделать вывод о том, что языковая и ментальная репрезентация такого базового концепта дирекциональности, как DIRECTION, при двуязычии может характеризоваться некоторыми особенностями в сравнении с соответствующим концептом при моноязычии. Однако в данном конкретном случае все отличия затрагивают больше количественные, а не качественные характеристики содержания исследуемого концепта. Выяснилось, что концепт DIRECTION меньше, чем другие базовые концепты дирекциональности, зависит от билингвального состояния индивида, т.к. в нем не столь ярко отображены результаты перцептивного и аффективного опыта (хотя при этом нельзя говорить о полном его отсутствии). Кроме того, именно в содержании исследуемого концепта наиболее ярко проявилась связь с двумя другими базовыми концептами дирекциональности – SPACE и MOVEMENT.

2.3. Специфика языковой репрезентации дирекциональности билингвами

На заключительном этапе исследования лингво-когнитивных аспектов дирекциональности при двуязычии мы обратились к рассмотрению особенностей вербализации направленного движения/перемещения естественными билингвами, проживающими в лингвокультурном сообществе, говорящем на Я2. Опираясь на теоретические знания, полученные нами при изучении различных видов языковой интерференции (Глава I, § 1.2.3), мы провели наблюдение за речью русско-английских билингвов, проживающих в США более 10 лет и свободно владеющих английским языком.

Целью наблюдения было установить, существуют ли какие-либо признаки языковой интерференции при вербализации билингвами дирекциональных высказываний на первом (русском) языке. Наблюдение проводилось на протяжении 6 месяцев в естественных ситуациях, когда русско-английские билингвы осуществляли общение на русском языке. Выявленные случаи отклонений в оформлении дирекциональных высказываний на русском языке фиксировались в письменном виде, а затем анализировались в количественном и содержательном отношении. Кроме того, мы пытались выявить причину нестандартных случаев вербализации направленного движения билингвами.

Наблюдение показало возможность некоторого «слияния» лексической и морфологической систем русского и английского языков в речи билингвов, включая и случаи вербализации дирекциональности. В целом, лексико-семантическая интерференция в речи билингвов представляет собой несоблюдение лексической сочетаемости слов, парафазию и замещение слов одного языка словами другого.

Так, среди анализируемой нами группы русско-английских билингвов достаточно распространено следующее явление: часто, разговаривая на русском языке, билингвы используют английские глаголы, к которым в целях согласования и правильного использования в русском предложении прибавляются морфемы русского языка. Как правило, это английские глаголы, не имеющие семантических эквивалентов в русском языке, со следующей структурой: английский корень + русский аффикс: *погуглить*, *лайкать*, *абдейтить*, *тернуть*, *юзать*, *энжойся шопиться*, *хайкать* и др.

В ходе проведения данного исследования было установлено, что английский язык оказывает влияние на то, как русско-английские билингвы пользуются родным языком в личных беседах. При этом носители двух языков не только интенсивно замещают английскими русские слова и выражения, для которых нет подходящей терминологии в русском языке, но и формируют

различные новые англо-русские словосочетания, например, *пошла эксерсаться, бутылка биры, тэйкать классы, лаптоп крашнулся, берздник партия* и т.д.

Используя семантическую компрессию, носители русского и английского языков замещают русские словосочетания одним английским словом, которое передает ту же идею, но в более точной и сжатой форме, имеет более короткую структуру или же легче произносится. В следующей таблице представлены наиболее часто встречающиеся английские слова и выражения, которые нам удалось зарегистрировать в ходе наблюдения за каждодневной речью русско-английских билингвов в США (см. Таблицу 27).

Таблица 27

Примеры лексико-семантической интерференции в речи русско-английских билингвов, проживающих в США

Пример интерференции	Исходное английское слово	Соответствующий русский вариант
<i>пошопиться</i>	<i>shop</i>	<i>делать покупки в магазине</i>
<i>окешить</i>	<i>cash</i>	<i>получить деньги по чеку</i>
<i>проинсталлировать</i>	<i>install</i>	<i>помещать, устанавливать программу</i>
<i>проспелить</i>	<i>spell (out)</i>	<i>продиктовать по буквам</i>
<i>кликать</i>	<i>click</i>	<i>щелкать кнопкой</i>
<i>энжоиться</i>	<i>enjoy</i>	<i>наслаждаться, получать удовольствие</i>
<i>зафайлить</i>	<i>file (out)</i>	<i>заполнять, заводить досье/дело/папку</i>
<i>волонтирить</i>	<i>volunteer</i>	<i>бесплатно работать на добровольных началах</i>
<i>погуглить</i>	<i>Google</i>	<i>искать информацию в интернете с помощью программы «Гугл»</i>
<i>промоутить</i>	<i>promote</i>	<i>продвигать, повышать</i>

		<i>по службе</i>
<i>ритейлить</i>	<i>retail</i>	<i>заниматься розничной торговлей</i>
<i>эплаиться</i>	<i>apply</i>	<i>подавать заявку на работу или учебу</i>
<i>спидить</i>	<i>speed</i>	<i>ездить на повышенной скорости</i>
<i>драйвить</i>	<i>drive</i>	<i>вести машину</i>
<i>дропать</i>	<i>drop</i>	<i>прекратить учиться в учебном заведении</i>
<i>ченьчить</i>	<i>change</i>	<i>поменять, изменить что-либо</i>
<i>эксерсаться</i>	<i>exercise</i>	<i>делать физические или умственные упражнения</i>
<i>хайкать</i>	<i>hike</i>	<i>путешествовать, ходить пешком на длинные дистанции/в поход</i>
<i>стречиться</i>	<i>stretch</i>	<i>делать растяжку, растягивать что-либо</i>
<i>вокать</i>	<i>walk</i>	<i>ходить пешком, гулять</i>
<i>трансферить</i>	<i>transfer</i>	<i>перевести деньги, оценки из одного учебного заведения в другое</i>

Как видно из таблицы, среди наиболее часто встречающихся случаев интерференции в речи русско-английских билингвов имеются и дирекциональные глаголы, передающие информацию о перемещении объекта в пространстве. К ним можно отнести следующие: *драйвить* – от английского глагола *drive* – *вести машину*; *спидить* – от англ. *speed* – *ездить на повышенной скорости*; *вокать* – от англ. *walk* – *ходить пешком, гулять*; *стречиться* – англ. *stretch* – *делать растяжку, растягивать что-либо*; *хайкать* – от англ. *hike* – *путешествовать, ходить пешком на длинные дистанции/в поход*; *трансферить* – англ. *transfer* – *перевести деньги, оценки из одного учебного заведения в другое*.

Количественный анализ показывает, что число примеров лексико-семантической интерференции среди дирекциональных глаголов достаточно заметно. Так, из 21 наиболее частотного глагола, приведенного в Таблице 27, 6 лексем соотносятся с категорией дирекциональности, что составляет 28,6% от общего числа.

С точки зрения значения указанные дирекциональные глаголы можно охарактеризовать в соответствии со следующими семами: начальная точка движения, путь/траектория, конечная точка движения, способ перемещения ("source", "path"/"trajectory", "goal", "manner" [Talmy 1983, 2000]). Так, глагол *драйвить* имеет в своей семантической структуре сему «способ перемещения» – перемещение на транспортном средстве. У глагола *спидить* центральной также является сема «способ перемещения», т.к. в его значении содержится информация о высокой скорости перемещения. Глагол *вокать*, как и лексема *хайкать*, также передают информацию о способе перемещения – ходить пешком. Что касается глагола *стречиться*, то в его значении актуализируется сема «путь, траектория», а у глагола *трансферить* две семы – «начальная точка движения» и «конечная точка движения». Таким образом, можно предположить, что наиболее часто в явление лексико-семантической интерференции при вербализации дирекциональных концептов билингвами вовлекаются дирекциональные глаголы, передающие информацию о способе перемещения.

Далее мы рассмотрим наиболее вероятные причины лексико-семантической интерференции в речи (Я1) русско-английских билингвов в США, особенно в отношении случаев использования английских дирекциональных глаголов.

В лингвистической литературе немало работ, посвященных изучению различных типов интерференции и ее причин при двуязычии [Багана 2008, Блажевич 2011, Высочина 2002, Жлуктенко 1974, Кузнецова 1989, Молодкин

2001, Семчинский 1974, Чиршева 2014, Щепилова 2005, Chirsheva 2009, Harbeck 2013, Lychyk 1994, Nguyen T.P. 2012; Nguyen T.H. 2013; Palmgren 2007, Swan 1997, Thomason 2001 и др.]. Так, Е.А. Земская указывает на употребление большого количества слов второго языка в русской речи взрослых эмигрантов-билингвов в странах Европы и в Америке и отмечает в качестве причин, приводящих к данному явлению, следующие (языковые и социальные): билингвы используют иностранное слово в родной речи даже при наличии его аналога в русском, если данное слово является высокочастотным во втором языке; возрастным критерий – раннее изучение второго языка; сильная мотивация к овладению вторым языком, чтобы как можно скорее добиться успеха в англоязычном обществе [Земская 2005].

По М. Стибло, случаи использования иностранного слова вместо родного происходят благодаря лексическому дополнению и лексическому замещению. Первый путь существует потому, что приобретения не имеют эквивалентов в родном языке и используются для обозначения новых понятий. Второй способ осуществляется в случае, если в родном языке уже имеется слово с похожим смыслом, но говорящий сам принимает решение о том, какое из них ему стоит употребить в данной ситуации, и чаще всего, благодаря наличию лексической конкуренции, предпочтет иностранный аналог [Styblo 2007: 4–8].

Как и в случае с приведенными выше дирекциональными глаголами, предпочтение отдается иностранному слову тогда, когда оно имеет более узкое или конкретное толкование, которое в родном языке можно передать только при помощи словосочетания (ср. *драйвить* – 1 слово, *вести машину* – 2 слова или *хайкать* – 1 слово, *ходить в пешие походы* – 4 слова).

Некоторые исследователи (Н.С. Валгина, О.В. Высочина, Л.П. Крысин, К. Palmgren и др.) утверждают, что имеются различные внутрилингвистические и экстралингвистические причины для существования интерференции и приобретения слов второго языка. К первым они относят насущную

необходимость пополнить словарный запас языка новой терминологией, уточнить близкие по содержанию понятия или конкретизировать в одном понятии целое выражение. Ко вторым – существование международных терминов, жаргона или сленга, повысившийся интерес к изучению другого языка, а также взаимовлияние культур [Валгина 2001: 111–113, Высочина 2002: 30–31, Крысин 1996: 146–148].

Некоторые исследователи отмечают, что в двуязычных сообществах один из двух используемых языков может считаться более престижным, как, например, английский среди испано-английских билингвов или испанский в странах Латинской Америки, где жители говорят на испанском и одном из местных языков (как правило, языке того или иного индейского племени) [Земская 2005, Austin, Blume, Sanchez 2015]. В данном случае в определенной ситуации индивид склоняется к использованию дирекционального глагола из более престижного языка, как, например, глагол *трансферить*. Еще одной причиной лексико-семантической интерференции может стать возможность иностранного слова выражать некоторую экспрессивно-стилистическую функцию [Земская 2005]. Например, дирекциональный глагол *вокать* в значении «гулять» имеет абсолютный аналог в русском языке (гл. *гулять*), однако, замещая русский глагол английским словом, билингвы выражают свое шуточное, несколько пренебрежительное отношение к описываемому действию.

Как уже отмечалось выше, в условиях естественного билингвизма иностранные существительные склоняются, а глаголы спрягаются согласно правилам русской грамматики, становясь словами-гибридами [Земская 2005, Валгина 2001]. Например: *сейчас зафайлю* – от англ. *file* – завести папку; *куплю бутылку джуса* – от англ. *juice* – сок; *заполнить аппликейшен* – от англ. *application* – заявление; *купила тикеты* – от англ. *tiket* – билет; *проверяли бэкграунд* – от англ. *background* – биографические данные; *оставьте мессадж* –

от англ. *message* – сообщение; *купить проперти* – от англ. *property* – жилье, собственность; *ушла на шопинг* – от англ. *shopping* – покупка товаров; *пойдем похайкаем* – от англ. *hike* – путешествовать, ходить на длинные дистанции; *получил директ депозит* – от англ. *direct deposit* – прямой депозит – зарплата перечисляется на банковский счет работника и др.

Ряд лингвистов дает отрицательную оценку такого рода интерференции: «...смещения слов в рамках одного языка или при контакте разных языков представляют собой нарушение языковой нормы, осмысляются как патология языка» [Кузнецова 1989: 360], однако она остается фактом речемыслительной деятельности носителей двух языков в условиях естественного двуязычия и не может игнорироваться исследователями.

Таким образом, в условиях естественного двуязычия неизбежно существует интерференция, которая может носить двунаправленный характер: Я1 влияет на Я2 и наоборот. Среди исследуемой группы русско-английских билингов, проживающих в США, наиболее распространенной является лексико-семантическая интерференция, которая затрагивает и способы вербализации дирекциональности, имея при этом наиболее выраженный характер в русской речи билингов (т.е. Я2 влияет на Я1).

Среди причин подобной интерференции можно выделить как лингвистические (иностранный слог выполняет номинативную или экспрессивно-стилистическую функцию, а также функцию языковой (семантической) компрессии), так и экстралингвистические (культурные, социальные, психологические, индивидуальные). Кроме того, многочисленные примеры интерференции среди дирекциональных глаголов свидетельствуют о тесном контакте лексических единиц родного и иностранного языков, вербализующих категорию дирекциональности, и о единстве той части концептуальной системы индивида, которая включает в себя дирекциональные концепты.

Выводы по Главе 2

На основании проведенного исследования лингво-когнитивных аспектов категории дирекциональности через экспериментальное изучение содержания таких ее базовых концептов, как SPACE, MOVEMENT и DIRECTION, в сознании билингвов, а также в результате анализа случаев языковой интерференции при использовании дирекциональных высказываний билингвами можно сделать следующие выводы.

Представления о том или ином концепте дирекциональности, полученные в ходе усвоения и пользования первым языком и соответствующей культурой, а также те, которые были приобретены с опытом речевой деятельности на втором языке, как бы «сливаются», «объединяются» в сознании билингва. Так, реагируя на английское (Я2) слово-стимул, вербализующее один из концептов дирекциональности, билингвы пользуются всеми имеющимися сопряженными с данным концептом знаниями и опытом, как соотносимыми с Я1, так и с Я2, что свидетельствует о существовании в сознании билингва единой концептуальной системы, сопряженной с Я1 и Я2.

Содержание базовых концептов дирекциональности, в целом, характеризуется общностью для представителей обеих групп билингвов (вьетнамо-англоязычной и русско-англоязычной), однако отмечается ряд отличий, которые вызваны тем уникальным опытом, который был приобретен билингвами в процессе овладения родным языком (вьетнамским в первой группе и русским во второй). Специфика содержания исследуемых концептов дирекциональности варьируется под влиянием того, какие именно языки выступают в качестве Я1 и Я2, насколько эти языки разнятся в способах вербализации дирекциональности, а также в зависимости от степени отличия принятых в соответствующих культурах представлений.

В содержании базовых концептов дирекциональности отражены результаты перцептивно-когнитивно-аффективного опыта билингвов, однако степень выраженности каждого из компонентов опыта варьируется в зависимости от того или иного концепта. Так, например, в содержании концепта, вербализуемого лексемой *direction*, наиболее отчетливо прослеживаются черты когнитивного опыта индивида, который представлен в виде свободных ассоциаций и субъективных дефиниций, демонстрирующих знание индивида о возможных вариантах направления при передвижении в пространстве, в то время как результаты эмоционально-оценочных переживаний практически не выявлены.

Специфика содержания такого базового концепта дирекциональности, как SPACE, в сознании разноязычных групп билингвов проявляется в ряде свободных ассоциативных реакций и субъективных дефиниций (например, *ocean, depth, chasm* у вьетнамо-англоговорящих билингвов и *horizon, field* у русско-англоговорящих), что свидетельствует о влиянии языковых структур и представлений, приобретенных с первым языком, на когнитивные структуры, актуализируемые вторым языком: во вьетнамской (восточной) культуре это важность символа воды, рельеф страны (горы и океан), а в русской – равнина и широкие бескрайние просторы.

Аналогичные результаты были получены и в отношении других базовых концептов дирекциональности. Особенности концепта MOVEMENT, обусловленные лингвокультурным опытом билингва, связанным с первым языком, могут, например, проявляться на уровне представления о траектории движения (циклической или прямолинейной) – "*endless cycle of suffering and rebirth*", областью передвижения (по суше, по воде, по воздуху и т.д. и в воображении) – "*transition from one state to another*", типичных для культуры Я1 субъектах/объектах перемещения – "*flow of harmony of opposites*". Указанные примеры были отмечены только в реакциях тех информантов, чей первый язык

– вьетнамский, что дает нам возможность проследить влияние восточной культуры, в частности, принятых в обществе религиозных убеждений и ценностей, на содержание базовых концептов дирекциональности.

Экспериментальные данные подтвердили факт того, что исследуемые концепты дирекциональности взаимосвязаны в сознании индивида, т.к. в представленных билингвами реакциях и дефинициях на одно из слов-стимулов часто встречаются все три лексемы, вербализующие анализируемые концепты. Так, на слово-стимул *direction* были получены такие дефиниции, как, например, "*directional movement from one point to other in space*", а на слово-стимул "movement" – "*directional motion of subjects and objects in space*" и др. Очевидно, что при таких условиях специфика одного концепта дирекциональности, обусловленная Я1, будет влиять и на другие взаимодействующие с ним концепты, а затем находить свое отражение на языковом уровне.

Проведенный сравнительный анализ репрезентации дирекциональности на языковом и ментальном уровнях у билингов и монолингов продемонстрировал как количественные, так и качественные отличия. Так, например, в реакциях монолингов на слово-стимул *space* больше ассоциаций, связанных с географическими характеристиками той территории, на которой проживают информанты, а также ассоциаций, обусловленных культурными ценностями, характеризующими принадлежность индивида к определенному лингвокультурному сообществу. В ассоциативных же реакциях билингов лингвокультурная принадлежность индивида менее выражена. Кроме того, по сравнению с монолингвами ассоциации билингов характеризуются меньшим лексическим разнообразием.

Основные отличия в содержании базовых концептов дирекциональности у билингов и монолингов проявляются в связи с представлением о среде перемещения (водная стихия, воздух, земная поверхность, космическое

пространство, гористая или плоская местность и т.д.), направлении и траектории движения (циклическое или прямонаправленное движение и т.п.), качественных характеристиках движущегося объекта, средствах и способах передвижения, о типе движения (реальном/вымышленном, физическом/духовном).

Наблюдение за речью русско-английских билингвов на Я1 выявило значительное число случаев лексико-семантической интерференции, обусловленной влиянием Я2 на Я1. Из их общего числа более 25% приходится на дирекциональные высказывания, в которых вместо русского дирекционального глагола или выражения использовался соответствующий английский глагол. Наиболее часто случаи интерференции наблюдаются в связи с глаголами, передающими информацию о способе перемещения объекта в пространстве. При этом английские дирекциональные глаголы, используемые в русской речи билингвов, подвергаются ассимиляции согласно правилам русского языка, что свидетельствует о тесном контакте двух языковых систем в сознании билингва, в том числе на уровне вербализации дирекциональности.

Основными причинами лексико-семантической интерференции с участием дирекциональных глаголов являются языковые факторы (потребность более точно и кратко передать информацию о том или ином типе перемещения объекта в пространстве, желание выразить свое отношение к факту перемещения, придав высказыванию некоторую стилистическо-экспрессивную окраску, и т.п.) и экстралингвистические (перцептивно-когнитивно-аффективный опыт билингва, культурный и социальный факторы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование было посвящено экспериментальному изучению лингво-когнитивных аспектов дирекциональности при двуязычии, в частности, выявлению наличия специфики языковой и ментальной репрезентации дирекциональности через изучение содержания ее базовых концептов (SPACE, MOVEMENT и DIRECTION) в сознании билингвов и анализа случаев языковой интерференции в процессе порождения дирекциональных высказываний билингвами.

В процессе решения намеченных задач были получены следующие результаты и выводы.

В современной лингвистике дирекциональность определяется как лингво-когнитивная категория, обозначающая направленное перемещение субъекта/объекта в пространстве и находящая свое отражение, как в когнитивных структурах, так и в языке. Проведенный нами анализ показал, что ментальная репрезентация дирекциональности реализуется в виде комплекса концептов, связанных с представлением о направленном перемещении, среди которых базовыми являются такие, как SPACE, MOVEMENT, DIRECTION. На языковом уровне дирекциональность может быть выражена различными средствами, которые варьируются от языка к языку, но по своему содержанию соответствуют следующей модели, предложенной Л. Талми [2000]: «объект X движется от точки А по траектории В к точке С», где А является начальной точкой движения, В представляет собой путь, который выполняется объектом X, а С – это конечная точка пути.

Изучение лингво-когнитивных аспектов дирекциональности было осуществлено с учетом характеристик пространственной картины мира, отраженных в сознании индивида и в языке, т.к. опытным путем было установлено, что наличие лингвокультурных особенностей в представлении о

пространстве отражается на представлениях о дирекциональности, и наоборот. В связи с этим учет взаимосвязи двух категорий – дирекциональности и пространства – оказался еще более значимым при анализе репрезентации дирекциональности в условиях двуязычия.

Проведенное исследование наглядно показало, что несовпадения в средствах и способах репрезентации дирекциональности в различных языках, обусловленные принадлежностью языка к тому или иному типу, историческим развитием определенного лингвокультурного сообщества, выбором способа категоризации и концептуализации пространственных отношений и объектов, оказывают влияние на вербализацию дирекциональности при двуязычии.

Кроме того, следуя требованиям антропоцентрического подхода в лингвистике в целом и деятельностного подхода в психолингвистике, мы установили, что при рассмотрении дирекциональности как процесса взаимодействия комплекса ментальных и языковых структур, репрезентирующих направленное движение, важным компонентом являются характеристики говорящего субъекта, которые приобретают особую важность при двуязычии.

Что касается явления билингвизма, то в ходе проведения нашего исследования подтвердилась идея о том, что в отношении категории дирекциональности билингвизм демонстрирует себя как сложный процесс пользования двумя языками при взаимодействии двух лингвистических систем и культур. В случае с естественным двуязычием такое взаимодействие становится наиболее тесным и отражается на способах и содержании репрезентации дирекциональности, как на первом/родном языке, так и на втором.

Экспериментальное изучение специфики ментальной репрезентации дирекциональности при билингвизме позволило нам получить ряд новых

данных относительно содержания базовых концептов дирекциональности, актуализируемых лексемами *space*, *movement*, *direction* в сознании билингов.

Так, практический материал показал, что содержание базовых концептов дирекциональности при двуязычии обусловлено всем комплексом перцептивно-когнитивно-аффективного опыта индивида, важным компонентом в котором является многогранный опыт, приобретенный в процессе овладения двумя языками и контактами с двумя соответствующими культурами. По этой причине в содержании базовых концептов дирекциональности могут быть отражены знания и представления о направленном перемещении в пространстве, которые характерны для обеих лингвокультур. Кроме того, в нем может быть представлен и опыт эмоционально-оценочных переживаний.

Вместе с тем, степень выраженности того или иного компонента перцептивно-когнитивно-аффективного опыта варьируется в зависимости от концепта. Так, например, в реакциях, полученных на слово *space*, отражены все три компонента, но в то же время в ассоциациях на слово *direction* практически не отражен аффективный компонент опыта. Кроме того, результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *direction* указывают на то, что содержание соответствующего концепта очень близко у представителей всех трех лингвокультур (англоязычной, вьетнамоязычной и русскоязычной) и в меньшей степени зависит от того, каким количеством языков владеет индивид. Данный факт свидетельствует о том, что различные концепты находятся в разной степени зависимости от билингвального состояния индивида. Проведенное исследование говорит в пользу идеи о том, что, чем больше компонентов перцептивно-когнитивно-аффективного опыта отражено в содержании концепта, тем больше это содержание будет варьироваться от одного лингвокультурного сообщества к другому.

Сравнение экспериментальных данных, полученных от двух разноязычных групп билингов, показало, что содержание исследуемых

базовых концептов дирекциональности в обоих случаях в значительной степени совпадает. Тем не менее, с помощью статистических методов анализа было доказано наличие ряда отличий в той информации, которая увязана с лексемами *space, movement, direction* в сознании билингов, владеющих разными первыми языками и общим вторым языком. Указанные отличия обусловлены тем, какие типы языков выступают в качестве Я1 и Я2, какими средствами вербализации дирекциональности они оперируют, а также теми культурными представлениями о понятиях «пространство», «движение» и «направление», которые приняты в лингвокультурах Я1 и Я2.

Экспериментальные данные также указывают на тесную взаимосвязь исследуемых концептов дирекциональности в сознании билингов, при этом результаты анализа демонстрируют то, что специфика одного концепта дирекциональности, обусловленная билингвальным состоянием индивида, влияет и на другие взаимодействующие с ним концепты.

В результате сравнительного анализа свободных ассоциативных реакций и субъективных дефиниций, полученных от билингов, с данными из английских ассоциативных и толковых словарей, которые демонстрируют представления о базовых концептах дирекциональности, принятых в монолингвальном сообществе, были получены следующие факты:

- содержание анализируемых концептов в сознании билингов и монолингов отличается в количественном и качественном отношении: в билингвальном сознании оно шире, т.к. формируется под влиянием представлений, принятых в двух лингвокультурах;

- содержание базовых концептов дирекциональности у билингов и монолингов отличается по таким параметрам, как среда перемещения и ее качественные характеристики (водная стихия, воздух, земная поверхность, космическое пространство, гористая или плоская местность и т.д.), направление и траектория движения (циклическое или прямонаправленное движение и т.п.),

характеристики движущегося объекта, средства и способы передвижения, движение в материальном или духовном мире;

– для монолингвов характерно большее разнообразие в отношении набора ассоциативных реакций, вызванных лексемами, вербализующими базовые концепты дирекциональности, что позволяет им более ярко демонстрировать свою лингвокультурную принадлежность, в то время как у билингвов несколько нивелируются представления, связанные с родной культурой, что в языковом плане находит свое выражение в выборе «усредненных» реакций на слова-стимулы *space, movement u direction*.

Что касается особенностей языковой репрезентации концептов дирекциональности при двуязычии, то, согласно полученным данным, большую роль здесь играет явление языковой интерференции. Как показало наше исследование, из всех ее типов при билингвизме для категории дирекциональности наиболее существенное значение имеют лексическая, семантическая, грамматическая и синтаксическая интерференции. При этом наблюдается не только влияние Я1 на ментальную и языковую репрезентацию дирекциональности в речевой деятельности билингва на Я2, но существует и обратная интерференция, когда второй язык влияет на первый.

Так, в ходе наблюдения за речью проживающих в США русско-английских билингвов нами были зафиксированы многочисленные случаи лексико-семантической интерференции, при которой лексические единицы английского языка (Я2) использовались в речи на родном (русском языке). При этом более чем в 25% зафиксированных случаев замене на английские глаголы со значением направленного движения подвергались русские дирекциональные высказывания.

В соответствии с проведенным анализом, причина того, что русско-английские билингвы часто предпочитают английские дирекциональные глаголы, как правило, заключается в том, что английский глагол представляет

собой более краткую и точную с семантической точки зрения форму выражения того или иного компонента дирекциональности (например, *драйвить* от английского *to drive* вместо *вести машину/ехать на машине*) или же позволяет придать дирекциональному высказыванию некоторую стилистическо-экспрессивную окраску. Помимо лингвистических причин подобного рода интерференции существуют и экстралингвистические, как, например, перцептивно-когнитивно-аффективный опыт билингва, а также культурные и социальные факторы, характерные для двуязычных сообществ.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что поставленные задачи решены, а намеченная цель исследования достигнута. Приведенные результаты также подтверждают выдвинутую гипотезу исследования и выносимые на защиту положения.

Перспективы дальнейшего развития данной темы видятся в изучении широкого спектра ошибок, допускаемых билингвами при порождении дирекциональных высказываний и обусловленных языковой интерференцией, в привлечении информантов, владеющих иными языками, в распространении полученного опыта в анализе базовых концептов дирекциональности на изучение других пространственных концептов, функционирующих в сознании билингвов, в проведении аналогичного анализа в условиях полилингвизма и т.п.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов, В.В. Явление лингвистической интерференции при изучении специального перевода: На примере русского, английского и французского языках в военном, техническом и юридическом переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алимов Вячеслав Вячеславович. – М., 1998. – 24 с.
2. Алтухова, Е.Е. Категория направленности в современном английском языке (лингво-когнитивный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алтухова Екатерина Евгеньевна. – СПб., 2006. – 173 с.
3. Андреев, О.А. Дирекциональность в испанском языке: грамматико-категориальный и когнитивно-концептуальный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Андреев Олег Александрович. – Воронеж, 2002. – 177 с.
4. Андреев О.А. Дирекциональность в испанском языке (грамматико-категориальный и когнитивно-концептуальный аспекты) / О.А. Андреев // Вестник ВГУ. – 2003. – № 2. – С. 123-126.
5. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян.– М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с. – Т. 2.
6. Арутюнова Н.Д. Язык цели / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 14-23.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и время / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. – М.: Индрик (Ин-т языкознания РАН), 1997. – 351 с.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
9. Багана Ж. Об отношении заимствования и интерференции / Ж. Багана // Научные ведомости БелГУ. – 2008. – № 11 (51). – С. 46-49.
10. Базарова Б.Б. Сателлиты и проблемы их изучения / Б.Б. Базарова // К юбилею учёного: сборник научных трудов, посвящённый юбилею д.ф.н.,

профессора, главного научного сотрудника лаборатории теоретического языкознания РАН Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – С. 36-41.

11. Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душою [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев // Судьба России. – 1918. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_06.html

12. Бескоровайна И.Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания / И.Г. Бескоровайна // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 73-77.

13. Болдырев Н.Н. О понятиях формы, структуры и системы языка в лингвистике / Н.Н. Болдырев // Понятийный аппарат и практика конкретных лингвистических исследований. – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1994. – С.12-20.

14. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке: сб. науч. трудов. – М.; Тамбов: ИЯ РАН, 2010. – Вып. VII. – С. 45-59.

15. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Н.Н. Болдырев // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 112-216.

16. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категорий / Н.Н. Болдырев // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: Мат. Круглого стола, апрель 2000 г. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 16-35.

17. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – Вып. VII. – С. 45-59.

18. Бороздина И.С. Категоризация, концептуализация и вербализация пространственных отношений и объектов / И.С. Бороздина. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. – 197 с.

19. Бороздина И.С. Предлоги как специфическое средство вербализации пространственных отношений [Электронный ресурс] / И.С. Бороздина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 2 (14). – Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/014-16.pdf>.

20. Бороздина И.С. Концепты «пространство/space» в англо- и русскоязычной культурах [Электронный ресурс] / И.С. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. Курский государственный университет. – 2010. – № 2 (8). – Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/008-01.pdf>

21. Бороздина И.С. Лингво-когнитивное моделирование пространственных отношений и объектов: экспериментальное исследование / И.С. Бороздина. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. – 131 с.

22. Бороздина И.С. Лингво-когнитивное моделирование реляционных речевых актов: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Бороздина Ирина Сергеевна. – Курск, 2011. – 48 с.

23. Бороздина И.С., Идельсон Е.В. Функциональный подход к изучению способов языковой репрезентации дирекциональности // Культура как текст: сб. ст. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2014. – Вып. 12. – С. 33-37.

24. Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта: На материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Булынина Марина Михайловна. – Воронеж, 2004. – 40 с.

25. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.

26. Васильева Т.В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте: На материале современного американского рассказа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Васильева Татьяна Викторовна. – М., 2005. – 246 с.

27. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах [Электронный ресурс] / А. Вежбицкая // Thesis. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 185-206. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm>.

28. Верютин В.Ю. Способы передачи семантики направленности перемещения в пространстве при переводе художественной прозы // Перевод: язык и культура. Материалы международной научной конференции. – Воронеж: ВГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 34-36.

29. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / В.А. Виноградов; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.

30. Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Высочина Ольга Владимировна. – Воронеж, 2001. – 19 с.

31. Высочина О.В. Иноязычные слова в лексической системе языка / О.В. Высочина // Культура общения и ее формирование: сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – Вып. 8. – С. 111-114.

32. Высочина О.В. Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка: На материале русского и финского языков / О.В. Высочина. – Juväskylä: Juväskylä University Printing House, 2002. – 169 с.

33. Газизова Л.В. Пространственно-динамические предлоги со значением «движение из исходного пункта» в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Газизова Луиза Венеровна. – Уфа, 1999. – 149 с.

34. Гашкова М.Г. Уровни языковой экспрессивности (на мат. нем. языка) / М.Г. Гашкова // Вестник Моск. гос. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 153-157.

35. Голубева О.В. Вопросы теоретической трактовки проблемы выводного знания / О.В. Голубева // Вестник ТвГУ. – 2015. – № 2. – С. 25-31.
36. Голубкова Е.Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект) / Е.Е. Голубкова. – М.: ГЕОС, 2002. – 174 с.
37. Голубкова Е.Е. «Дискурсивная» семантика при изучении глаголов движения / Е.Е. Голубкова // Лексика в разных типах дискурса // Вестник МГЛУ. – М., 2003. – Вып. 478. – С. 17-21.
38. Гольдберг В.Б. Знак – концепт – языковой репрезентант / В.Б. Гольдберг // Когнитивные исследования языка. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: сб. науч. трудов. – М.; Тамбов, 2013. – Вып. XIV. – С. 312-315.
39. Гольдберг В. Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка: на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»: моногр. / В.Б. Гольдберг. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 232 с.
40. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в к. XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239-320.
41. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века / В.З. Демьянков // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26-136.
42. Елтанская Е.А. Пространственно-динамические предлоги как средство выражения категории пространства в юридическом и экономических дискурсах / Е.А. Елтанская // Вестник ВолГУ. Серия 2. – 2007. – Вып. 6. – С. 137-142.
43. Елтанская Е.А. Семантика английских пространственно-динамических предлогов / Е.А. Елтанская // Вестник ВолГУ. Серия 2. – 2013. – С. 10-31.
44. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

45. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования / А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1992. – 136 с.
46. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник / А.А. Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
47. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд. испр. и доп. / А.А. Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
48. Залевская А.А. Актуальные проблемы двуязычия: обзор [Электронный ресурс] / А.А. Залевская // Вестник ТвГУ. Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 13. – С. 125-144. – Режим доступа: [http://eprints.tversu.ru/1022/8F_17\(2008\).pdf](http://eprints.tversu.ru/1022/8F_17(2008).pdf)
49. Залевская А.А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 10-17.
50. Залевская А.А. Идентификация слова как включение во «внутренний контекст» / А.А. Залевская // Вестник ТвГУ. – Тверь, 2012. – № 10 (2). – С. 44-49.
51. Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» [Электронный ресурс] / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1(17). – С. 8-19. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/zalevskaya-13.htm>
52. Залевская А.А. Методология, технология и терминология: о неоднозначности научных терминов / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 2 (20). – С. 12-27.
53. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова [Электронный ресурс] / А.А. Залевская. – М. – Берлин, 2014а. – 15 с. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=277088>
54. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учебное пособие / А.А. Залевская, И.Л. Медведева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 194 с.

55. Зализняк А.А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол добираться / А.А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 1997. – С. 30-37.

56. Земская Е.А. Особенности русской речи эмигрантов IV волны [Электронный ресурс] / Е.А. Земская // Грамота.ру. – 09.04.2005. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520

57. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона: функциональная роль в познании и общении / Н.О. Золотова // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 35-42.

58. Зубкова О.С. Левосемиотика профессиональной метафоры: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Зубкова Ольга Станиславовна. – Курск, 2011. – 48 с.

59. Иванова И.П. История английского языка / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян, Т.М. Беляева. – М.: Лань, 1999. – 512 с.

60. Кибрик А.А., Плуноян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / А.А. Кибрик, В.А. Плуноян; под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. – М.: Изд. МГУ, 1997. – С. 276-339.

61. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович. – М., 2003. – 90 с.

62. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства / И.М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 1997. – С. 152-162.

63. Колядина Н.А. Грамматическая интерференция в процессе обучения многоязычию / Н.А. Колядина // Университетские чтения – 2011. Часть IX. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – С. 49-53.

64. Конева Е.А. Специфика функционирования паронимов в ментальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук:10.02.19 / Конева Евгения Александровна. – Курск, 2010. – 181 с.

65. Конобеева А.О. Глаголы движения с локальными префиксами в категоризации пространственных отношений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Конобеева Анна Олеговна. – Тамбов, 2006. – 19 с.

66. Круговец В.С. Функционально-семантические особенности категории движения во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Круговец Вера Сергеевна. – СПб, 2007. – 19 с.

67. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки культуры, 1996. – С. 142-161.

68. Крюкова Н.Ф. Рефлексивное мышление как лингво-герменевтическая компетенция / Н.Ф. Крюкова // Вестник ТвГУ.– 2012. – №10.– Вып. 2.– С. 65-69.

69. Кубрякова Е.С. «Перевертыши» в современном английском языке и их ономазиологические различия / Е.С. Кубрякова // Проблемы лексической и словообразовательной семантики в современном английском языке. – Пятигорск, 1986. – С. 3-7.

70. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.

71. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы / Е.С. Кубрякова // Известия РАН – СЛЯ, 1997. – № 3. – С. 22-31.

72. Кубрякова Е.С. О новых путях исследования значения (теория айсберга)/ Е.С. Кубрякова // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: международная конференция: материалы. – Мн., 1998. – С. 38-39.

73. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.

74. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2007. – № 4. – С. 8-16.

75. Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции (на материале французского языка): дис. ... докт. филол. наук: 10.0.19 / Кузнецова Ирина Николаевна. – М.: МГУ, 1998. – 405 с.

76. Курбанова Н.И. Смысловое поле при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова / Н.И. Курбанова // Вестник ТвГУ. – Тверь, 2012. – № 10 (2). – С. 70-77.

77. Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Лебедева Светлана Вениаминовна. – Тверь, 2002. – 311 с.

78. Лебедева С.В. Содержание и специфика термина «проксиматика» / С.В. Лебедева // Вопросы психолингвистики. – М.: РАН, 2009. – С. 62-68.

79. Любимова Н.А. Психолингвистический аспект формирования звуковой системы неродного языка в условиях обучения / Н.А. Любимова // Фонетический аспект общения на неродном языке. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 6-22.

80. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Майсак Тимур Анатольевич. – М., 2002. – 24 с.

81. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиций / Т.А. Майсак. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.

82. Макарова Е.А. Лингвистические аспекты взаимосвязи категорий ОПЫТ и ЗНАНИЕ / Е.А. Макарова // *Studia linguistica cognitiva*. Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях: межвузовский сб. науч. тр. / Гл. ред. А.В. Кравченко, зам. гл. ред. В.А. Виноградов, Т.Л. Верхотурова, В.З. Демьянков, А.А. Залевская. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2014. – Вып. 3. – С. 115-129.

83. Маляр Т.Н., Селивестрова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках / Т.Н. Маляр, О.Н. Селивестрова. – Munchen: Verlag Otto Sagner, Munchen, 1998. – 345 с.

84. Молодкин А.М. Языковые контакты в этнокультурном пространстве португалоязычной Африки: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Молодкин Анатолий Михайлович. – Саратов, 2001. – 365 с.

85. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: дис. ... докт. филол. наук: 10. 02.19 / Мягкова Елена Юрьевна. – Курск, 2000. – 247 с.

86. Мягкова Е.Ю. К проблеме исследования эмоциональных единиц индивидуального лексикона [Электронный ресурс] / Е.Ю. Мягкова. – Режим доступа: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf

87. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию / Е.Ю. Мягкова // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей* / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – С. 118-124.

88. Никитина М.Ю., Моисеева С.А. Акциональные глаголы движения как основное средство передачи пространственных отношений во французском языке / М.Ю. Никитина, С.А. Моисеева // *Вестник Новгородск. ун-та*. – 2008. – № 47. – С. 83-86.

89. Норман Б.Ю. Функционализм в языке, в лингвистике и в лингводидактике [Электронный ресурс] // *Slavica Helsingiensia*. – Helsinki,

2008. – 35 – Р. 262-276. – Режим доступа:
<http://helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh3/pdf/23.pdf>

90. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: Дискурсивный аспект / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.

91. Оршанская Е.Г. Лингвистический и социолингвистические подходы к изучению проблемы билингвизма / Е.Г. Оршанская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – Вып. 21. – С. 120-128.

92. Павлова А.В. Сущность явления переноса [Электронный ресурс] / А.В. Павлова // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. – Курский государственный университет, 2009. – № 2 (6). – Режим доступа:
<http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-14.pdf>

93. Падучева Е.В. Статьи разных лет / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

94. Паскарь Л.М. Грамматическая интерференция в русской речи студентов-молдаван и пути ее преодоления в практическом курсе русского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Паскарь Лариса Михайловна. – М., 1989. – 17 с.

95. Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02. 19 / Плотникова Анна Михайловна. – Екатеринбург, 2009. – 38 с.

96. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, 2007. – 226 с.

97. Потылицина Н.С. Модели репрезентации концепта «mouvement» в старофранцузском художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Потылицина Наталья Сергеевна. – Иркутск, 2012. – 19 с.

98. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): монография / И.В. Привалова. – М.: Гносис, 2005. – 472 с.

99. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 19 / Привалова Ирина Владимировна. – М., 2006. – 46 с.

100. Путилина Л.В., Нестерова Т.Г. Подходы и методы исследования концепта «богатство» в отечественной лингвистике / Л.В. Путилина, Т.Г. Нестерова // Вестник Оренб. гос. ун-та. – 2014. – № 2 (172). – С. 111-116.

101. Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19; 10.02. 05 / Рянская Эльвира Михайловна. – СПб., 2002. – 34 с.

102. Садовникова И.А. Композициональность немецких партиклированных глаголов с локально-дирекциональной семантикой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Садовникова Инна Александровна. – Волгоград, 2007. – 21 с.

103. Сазонова Т.Ю. Стратегии опоры при идентификации слова / Т.Ю. Сазонова // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – С. 102-131.

104. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование стратегий и опор идентификации [Электронный ресурс] / Т.Ю. Сазонова. – Тверь – Курск, 1999. – Режим доступа: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/sazonova.pdf

105. Сазонова Т.Ю. Различные подходы к трактовке концепта / Т.Ю. Сазонова // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. С. 70-76.

106. Сазонова Т.Ю., Бороздина И.С. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания / Т.Ю. Сазонова, И.С. Бороздина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 27-34.

107. Семчинский С.В. Семантическая интерференция языков / С.В. Семчинский. – М.: Высш. школа, 1974. – 256 с.

108. Стернин И.А. Методика исследования концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 58-63.

109. Стернин И.А. Методы описания семантики слова / И.А. Стернин. – Ярославль: Истоки, 2013. – 34 с.

110. Стешина Е.Г. Концепты богатство и бедность в молодежном языковом сознании русских англичан: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Стешина Елена Геннадьевна. – Саратов, 2008. – 25 с.

111. Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 20 / Татевосов Сергей Георгиевич. – М., 2010. – 44 с.

112. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34-47.

113. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

114. Федорова Т.С. Синтаксическая интерференция в речи долганорусских билингов: На материале словосочетания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Федорова Татьяна Станиславовна. – СПб., 2005. – 19 с.

115. Холина Д.А. Языковая интерпретация мифологемы «Путь» в индивидуально-авторской картине мира У.Б. Йейтса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Холина Дарья Александровна. – Воронеж, 2013. – 18 с.

116. Чернышев А.Б. Предлоги движения и языковая картина мира: сопоставительный анализ семантики английского предлога «to» и русского предлога «до» / А.Б. Чернышев // Русский язык в контрастивном аспекте / Oslo Studies in Language, 2010. – 2 (3). – P. 553-566.

117. Чиршева Г.Н. Специфика присвоения рода английским существительным в русском предложении / Г.Н. Чиршева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7 (336). – Вып. 89. – С. 78-84.

118. Шаповалов А.И. Лингвистические факторы возникновения семантической интерференции / А.И. Шаповалов // Активные процессы в языке и речи. – Саратов, 1991. – С. 118- 122.

119. Шаповалов А.И. Семантическая интерференция в условиях искусственного билингвизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.0.19 / Шаповалов Анатолий Иванович. – Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 1989. – 16 с.

120. Шарандин А.Л. Глагол в системе частей речи / А.Л. Шарандин. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1992. – 133 с.

121. Шарандин А.Л. Системная категоризация русских глаголов: учебное пособие / А.Л. Шарандин. – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 2001. – 208 с.

122. Шелховская Н.И. Категоризация глагола в современных языках / Н.И. Шелховская // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 17 (155). – Вып. 32. – С. 109-111.

123. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие для студентов вузов / А.В. Щепилова. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 245 с.

124. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24-39.

125. Эндрюс Д. Теория прототипов в изучении русского языка в Америке / Д. Эндрюс // Русскоязычный человек в иноязычном окружении / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой // *Slavica Helsingiensia* / Ed. by A. Mustajoki, P. Pesonen, J. Lindstedt. – University of Helsinki, 2004. – 24. – P. 123-128.
126. Adelung J.C. Über den deutschen Styl [Stil]: 3 Th. in 1 Bd. / *Documenta linguistica: Ergänzungsreihe / Nachdr. d. Ausg. Berlin 1785. [Reprint].* – Hildesheim, NY: G. Olms, 1974. – 1020 S.
127. Allan K. *The Western Classical Tradition in Linguistics.* – London: Equinox Publishing, 2007. – 351 p.
128. Anderson B. *Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism.* – NY: Verso Books, 1983. – 160 p.
129. Andrzejewski B.W. Pronominal and prepositional Particles in Northern Somali // *African Language Studies.* – London, 1960. – Vol. I. – P. 9-108.
130. Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy // *Public Culture*, 1990. – Vol. 2 (2). – P. 1-24.
131. Appadurai A. Here and now // *Modernity at large: cultural dimensions of globalization.* – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 1-26.
132. Appleyar D.L. David L. Prepositional Particles in Somali and their Cognates in Other Cushitic Languages // *African Languages and Cultures*, 1990. – no. 1 (3) – P. 15-31.
133. Appleyar D.L. Prepositional Particles in Somali and their Cognates in Other Cushitic Languages // *Proceedings of the First International Congress of Somali Studies [Held in 1980] / Ed. by H.M. Adam, Ch. Gesheker.* – Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1992. – P. 385-397.
134. Austin J., Blume M., Sanchez L. *Bilingualism in the Spanish-Speaking World. Linguistic and Cognitive Perspectives.* – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. – 234 p.

135. Beavers J. Argument / oblique alternations and the structure of lexical meaning. Ph.D. dissertation. – Stanford University Press, 2006. – 317 p.
136. Bennett D.C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions: An Essay in Stratificational Semantics. – London, UK: Longman Higher Education, 1975. – 251 p.
137. Bierwisch M. How much space gets into language? // *Language and space* / Ed. by P. Bloom, M.A. Peterson, L. Nadel, M.F. Garrett. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – P. 31-76.
138. Biq Y., Tai J., Thompson S. Recent Developments in Functional Approaches to Chinese // *New Horizons in Chinese Linguistics. Book 36* / Ed. by C.T.J. Huang, Y.-H.A. Li. – Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1996. – P. 97-140.
139. Bloomfield L. *Language* [Reprint]. – London: George Allen and Unwin, 1961. – 564 p.
140. Blum-Kulka S., Levenston E.A. Universals of Lexical Simplification // *Strategies in Interlanguage Communication: Applied Linguistics and Language Studies* / Ed. by C. Faerch, G. Kasper. – London / NY: Longman, 1983. – P. 119-140.
141. Bohnemeyer J. Temporal reference from a radical pragmatics perspective: why Yucatec does not need to express 'after' and 'before' // *Cognitive Linguistics*, 1998. – 9 (3). – P. 239-282.
142. Bohnemeyer J. Prinzipien der Ereignisrepresentation am Beispiel von Bewegungsereignissen [Principles of event representation, with reference to motion events] // *Jahrbuch 2001* / Ed. by the Max Planck Society. – Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. – P. 359-363.
143. Bohnemeyer J. The unique vector constraint: the impact of direction changes on the linguistic segmentation of motion events // *Representing direction in language and space* / Ed. by E. van der Zee, J. Slack. – London / New York: Oxford University Press, 2003. – P. 86-110.

144. Bohnemeyer J. Temporal anaphora in a tenseless language // *The expression of time in language* / Ed. by W. Klein, P. Li). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 83-128.

145. Bohnemeyer J. The language-specificity of conceptual structure: path, fictive motion, and time relations // *Words and the mind: How words capture human experience* / Ed. by B. Malt, P. Wolff. – Oxford University Press, Oxford, 2010. – P. 111-137.

146. Bohnemeyer J., Enfield N.J., Essegbey J., Kita S. Principles of event representation in language: the case of motion events // *Language*. – 2007. – 83 (3). – P. 495-532.

147. Bohnemeyer J., Enfield N.J., Essegbey J., Kita S. The macro-event property: the segmentation of causal chains // *Event representation in language and cognition* / Ed. by J. Bohnemeyer, E. Pederson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 43-67.

148. Bohnemeyer J., Swift M. Event realization and default aspect // *Linguistics and Philosophy*. – 2004. – 27 (3). – P. 263-296.

149. Boroditsky L. Metaphoric structuring: understanding time through spatial metaphors // *Cognition*. – 2000. – 75. – P. 1-28.

150. Boroditsky L., Ramscar M. The roles of body and mind in abstract thought // *Psychological Science*, 2002. – 13. – P. 185-189.

151. Breitenberger E. Johann Benedict Listing // *History of Topology* / Ed. by I.M. James. – Amsterdam: Netherlands, Elsevier, 1999. – P. 909-924.

152. Bybee J.L. A view of phonology from a cognitive and functional perspective // *Cognitive Linguistics*. – 1994. – 5 (4). – P. 285-305.

153. Cantone K.F. Code-switching in Bilingual Children. *Studies in Theoretical Psycholinguistics*. – Springer, 2007. – 276 p.

154. Chirsheva G. Gender in Russian – English code-switching // *International Journal of Bilingualism*. – 2009. – vol. 13 (1). – P. 63-90.

155. Chomsky N. New horizons in the study of language and mind // *The Essential Chomsky* / Ed. by A. Aronoff. – London / NY: The New Press, 2008. – P. 285-299.
156. Chopek D. English constructions with directional particles and prepositions – patterns of Polish translation // *Jezikoslovlje*. – University of Bielsko-Biala. – 2010. – 11.2. – P. 155-195.
157. Chovanec J. *Approaching Czech Language // Chapters From History of Czech Functional Linguistics*, 2010. – P. 6-26.
158. Cifuentes-Ferez P., Gentner D. Naming motion events in Spanish and English // *Cognitive Linguistics*. – 2006. – 17 (4). – P. 443-462.
159. Clark H. Space, time, semantics and the child // *Cognitive development and the acquisition of language* / Ed. by T. Moore. – NY: Academic Press, 1973. – P. 27-63.
160. Comrie B. Left, right, and the cardinal directions: some thoughts on consistency and usage / Frajzyngier Z. // *Motion, direction, and location in languages: in honour of Zygmunt Frajzyngier / Typological studies in language* / Ed. by E. Shay, U. Seibert. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. – P. 51-58.
161. Coventry K.R., Garrod S. *Saying, seeing and acting: The Psychological Semantics of Spatial Prepositions*. – NY: Psychology Press, 2004. – 176 p.
162. Croft W. On iconicity of distance [comment on Haspelmath, "Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries" // *Cognitive Linguistics*. – 2008. – 19. – P. 49-57.
163. Croft W. The origins of grammaticalization in the verbalization of experience // *Linguistics*. – 2010. – 48. – P. 1-48.
164. Croft W., Barddal J., Hollmann W., Sotirova V., Taoka C. To appear. Revising Talmy's typological classification of complex events // *Contrastive construction grammar* / Ed. by H. Boas. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. – P. 201-235.

165. Croft W. Language structure in its human context: new directions for the language sciences in the twenty-first century // *Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences* / Ed. by P. Hogan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 1-11.
166. Deese J. On the prediction of occurrence of particular verbal intrusions in immediate recall // *Journal of Experimental Psychology*. – 1959. – 58. – P. 17-22.
167. Deese J. Influence of inter-item associative strength upon immediate free recall // *Psychological Reports*. – 1959. – 5. – P. 305-312.
168. Deese J. On the Structure of Associative Meaning // *Psychological Review*. – 1962. – 69 (3). – P. 161-175.
169. DeLancey S. Location and direction in Klamath / Frajzyngier Z. // *Motion, direction, and location in languages: in honour of Zygmunt Frajzyngier / Typological studies in language* / Ed. by E. Shay, U. Seibert. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. – P. 59-90.
170. Djamouri R., Paul W., Whitman J. Postpositions vs. prepositions in Mandarin Chinese: The articulation of disharmony, 2010. – 61 p.
171. Dubinsky S. Japanese direct object to indirect object demotion // *Studies in relational grammar* / Ed. by P.M. Postal, B.D. Joseph. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1990. – 3. – P. 49-86.
172. Dubinsky S. Predicate union and the syntax of Japanese causatives // *Journal of Linguistics*. – 1994. – 30. – P. 43-79.
173. Durie M. Verb serialization and "verbal-prepositions" in Oceanic languages // *Oceanic Linguistics*. – 1988. – 27 (1/2). – P. 1-23.
174. Engberg-Pedersen E., Blutmann Trondhjem F. Focus on action in motion descriptions. The case of West-Greenlandic // *Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives* / Ed. by S. Strömquist, L. Verhoeven. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – 2. – P. 59-88.

175. Evans V. The structure of time: Language, meaning and temporal cognition. – Amsterdam: John Benjamins, 2003. – 288 p.

176. Feiz P.Z.G. The expression and conceptualization of motion through space and manner of motion in Persian and English: A comparative analysis. PhD Dissertation. – Pennsylvania State University Press, 2007. – 227 p.

177. Fillmore C.J. Case for Case // Universals in Linguistic Theory / Ed. by E. Bach, R.T. Harms. – NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. – P. 1-88.

178. Flege J.E. The production of ‘new’ and ‘similar’ phones in a foreign language: evidence for the effect of Equivalence Classification // Journal of Phonetics. – 1987. – 15. – P. 47-65.

179. Galvan D., Taub S. The Encoding of Motion Information in American Sign Language // Relating Events in Narrative: Typical and Contextual Perspective / Ed. by R. Aronson Berman, S. Strömquist, L. Verhoeven, D. Slobin. – NY: Taylor and Francis, 2003. – Vol. 2. – P. 191-218.

180. Gambarotto P., Muller P. Ontological Problems for the Semantics of Spatial Expressions in Natural Language // Representing direction in language and space / Ed. by E. van der Zee, J. Slack.– London/NY: Oxford University Press, 2003. – P. 144-165.

181. Gehrke B. Putting path in place // Proceedings of Sinn und Bedeutung / Ed. by E. Puig-Waldmüller. – 2006. – 11. – P. 244-260.

182. Gehrke B. Ps in motion: On the semantics and syntax of P elements and motion events. Doctoral dissertation. – Netherlands Graduate School of Linguistics: LOT Dissertation Series, 2008. – 315 p.

183. Goldberg A.E. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995. – 271 p.

184. Gonzalez-Marquez M., Becker R.B., Cutting J.E. An introduction to experimental methods for language researchers (Human cognitive processing) //

Methods in cognitive linguistics / Ed. by M. Gonzalez-Marquez, et al. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. – P. 53-86.

185. Graefen G. Der Wissenschaftliche Artikel – Textart und Textorganisation. Arbeiten zur Sprachanalyse. – Frankfurt am Main/Berlin: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften. – 1997. – Band 27. – 355 S.

186. Gusmani R. Saggi sull'interferenza linguistica. – Firenze: Le Lettere, 2004. – P. 137-177.

187. Hale K., Keyser S.J. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // The view from building: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / Ed. by K. Hale, S.J. Keyser. – Cambridge: MIT Press, MA, 1993.– 20. – P. 53-110.

188. Harbeck J. Linguistic invasion! The foreign influence of English's political and military words // The Week, July 11, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theweek.com/article/index/246570/linguistic-invasion-the-foreign-influence-of-englishs-political-and-military-words>

189. Harley H. Subjects, events, and licensing. Ph.D. dissertation. – Cambridge: MIT, 1995. – 253 p.

190. Herskovits A. Semantics and pragmatics of spatial prepositions // Cognitive Science. – 1985. – 9. – P. 341-378.

191. Hewson J., Bubenik V. From Case to Adposition: The development of configurational syntax in Indo-European languages: Current Issues in Linguistic Theory 280). – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. – IV. – 456 p.

192. Hoang T.T. Vietnamese Buddhism in Intercultural Communication: The Aspect of Buddhist Philosophy, Institute of Philosophy-Vietnam Academy of Social Sciences, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crvp.org/seminar/05-semnar/hoang.htm>

193. Ho-Dac T. Vietnamese-English Bilingualism: Patterns of Code-Switching // *Routledge Studies in Asian Linguistics* / Ed. by W. Bisang. – NY: Routledge, 2003. – 192 p.

194. Hohenstein J., Eisenberg A.R., and Naigles L. Is he floating across or crossing afloat? Cross-influence of L1 and L2 in Spanish-English bilingual adults // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2006. – 9. – P. 249-261.

195. Hörberg T. Influences of Form and Function on Spatial Relations Establishing Functional and Geometric Influences on Projective Prepositions in Swedish. Magister Thesis in General Linguistics. – Department of Linguistics, Stockholm University, 2006. – 74 p.

196. Ibarretxe-Antunano I. Motion events in Basque narratives // *Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives* / Ed. by S. Strömquist, L. Verhoeven). – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – 2. – P. 89-112.

197. Jackendoff R. Spatial language and spatial cognition / Ed. by R. Jackendoff, B. Landau. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1991. – 210 p.

198. James C. The Exculpation of Contrastive Linguistics // *Second Language Learning* / Ed. by B. Robinett, J. Schachter. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983. – P. 87-102.

199. Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination and reason. – University of Chicago Press, Chicago, 1987. – 284 p.

200. Joseph G.G. The Crest of the peacock: Non-European roots of mathematics, 2nd edition. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. – 592 p.

201. Kang Y. Cognitive Linguistics Approach to Semantics of Spatial Relations in Korean. PhD Dissertation. – Georgetown University, Washington, DC, 2012. – 256 p.

202. Kant I. *The Critique of Pure Reason* // *The Cambridge Edition of the Works of Immanuel Kant* / Ed. by P. Guyer, A.W. Wood. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. – 800 p.
203. Kim N. *Common Vietnamese Beliefs*. – 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vietspring.org/religion/beliefs.html>
204. Kuno S. *The structure of the Japanese language*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1973. – 422 p.
205. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. – Chicago / London: University of Chicago Press, 1987. – 624 p.
206. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. – Chicago / London: University of Chicago Press, 2003. – 191 p.
207. Lakusta L., Landau B. Starting at the end: The importance of goals in spatial language // *Cognition*. – 2005. – 96. – P. 1-33.
208. Lakusta L., Landau B. Language and memory for motion events: origins of the asymmetry between source and goal paths // *Cognitive Science*. – 2012. – 36. – P. 517-540.
209. Landau B., Jackendoff R. “What” and “Where” in spatial language and spatial cognition // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1993. – 16/2. – P. 217-265.
210. Langacker R.W. Abstract motion. *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. – Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society, 1986. – P. 455-471.
211. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites*. – Stanford, CA, Stanford University Press, 1987. – 540 p.
212. Langacker R.W. *Grammar and conceptualization*. – Berlin / N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – 534 p.
213. Levin B., Rappaport Hovav M. *Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1995. – 328 p.

214. Lewin K. Principles of Topological Relations. – N.Y. / London: McGraw-Hill Book Company, 1936. – 260 p.
215. Levinson S. Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – 414 p.
216. Listing J.B. Vorstudien zur Topologie (Mit eingedruckten Holzschnitten) Abgedruckt aus den Göttingen Studien. 1847. [Reprint]. – Göttingen: Göttingen bei Vandenhoeck und Ruprecht, 1848. – 86 S.
217. Lord G. Second Language Acquisition and First Language Phonological Modification // Selected proceedings of the 10th Hispanic Linguistics Symposium / Ed. by J. Bruhn de Garavito, E. Valenzuela. – Sommerville, MA: Cascadilla, 2008. – P. 184-193.
218. Luelsdorff P.A. Introduction // The Prague School of Structural and Functional Linguistics: A Short Introduction / Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe / Ed. by P.A. Luelsdorff. – Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 1994. – P. 1-12.
219. Lychyk V. English Borrowings in Recent Soviet Russian // Poznan Studies in Contemporary Linguistics. – 1994. – Vol. 29. – P. 141-156.
220. Matlock T. Fictive motion as cognitive simulation // Memory and Cognition. – 2004. – 32 (8). – P. 1389-1400.
221. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception (Routledge Classics). – Routledge: NY, 2002. – 576 p.
222. Morita T. Intratypological variations in motion events in Japanese and French manner and deixis as parameters for cross-linguistic comparison // Revue de L'Assosiation Francaise de Linguistique Cognitive. – 2011. – vol. 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cognitextes.revues.org/498>
223. Nguyen T.H. Vietnamese University EFL Teachers' Code-Switching in Classroom Instruction. A thesis for PhD Dissertation. – Auckland University of Technology, New Zealand / Institute of Culture, Discourse and Communication

School of Language and Culture, 2013. – 243 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: aut.researchgateway.ac.nz/bistream/handle/10292/NguyenTH.pdf

224. Nguyen T.P. English-Vietnamese Bilingual Code-Switching in Conversations: How and Why // Hawaii Pacific University TESOL Working Paper Series. – 2012. – 10. – P. 40-53. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hpu.edu>

225. Nichols J. Functional Theories of Grammar // Annual Review of Anthropology. – 1984. – 16. – P. 97-117.

226. Nooman M. Motion events in Chantyal / Frajzyngier Z. // Motion, direction, and location in languages: in honour of Zygmunt Frajzyngier / Typological studies in language / Ed. by E. Shay, U. Seibert. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. – P. 211-234.

227. Nuñez R. Inferential statistics in the context of empirical cognitive linguistics // Methods in cognitive linguistics / Ed. by M. Gonzalez-Marquez, et al. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 87-117.

228. O’Keefe J. Vector Grammar, Places, and the Functional Role of the Spatial Prepositions in English // Representing Direction in Language and Space / Ed. by E. van der Zee, J. Slack. – London / NY: Oxford University Press, 2003. – P. 69-85.

229. Ouellet S., Davies J. Using Relations To Describe Three-Dimensional Scenes: A Model of Spatial Relation Apprehension and Interference // Proceedings of ICCM 2013 12th International Conference on Cognitive Modeling / Ed. by R.L. West, T.C. Stewart. – 2013. – P. 209-214. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iccm-conference.org/2013-proceedings/papers/0035/paper0035.pdf>

230. Pace C. The typology of motion verbs in Northern Vietnamese // Rice Working Papers in Linguistics. – 2009. – vol. I. – P. 52-64.

231. Palmgren K. Заимствования в русском языке и в особенности английские заимствования в экономической лексике современного русского языка // Tampereen yliopisto, Huhtrikuu, 2007. – 68 с.

232. Papafragou A., Massey C., Gleitman L. Shake, rattle, 'n' roll: The representation of motion in language and cognition // *Cognition*. – 2002. – 84. – P. 189-219.

233. Papafragou A., Selimis S. Event categorization and language: A cross-linguistic study of motion // *Language and Cognitive Processes*. – 2010. – 25. – P. 224-260.

234. Papafragou A., Selimis S. Lexical and structural biases in the acquisition of motion verbs // *Language Learning and Development*. – 2010. – 6 (2). – P. 87-115.

235. Paradis M. The neurofunctional components of the bilingual cognitive system // *Cognitive Aspects of Bilingualism* / Ed. by I. Kecskes, L. Albertazzi. – Springer, 2007. – P. 3-28.

236. Park H.I., Ziegler N. Cognitive shift in the bilingual mind: Spatial concepts in Korean-English bilinguals // *Bilingualism: Language and Cognition*. – Oct. 2013. – P. 1-21. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.cambridge.org/BIL>

237. Pierce C.S. Reasoning and the Logic of Things: The Cambridge Conference Lectures of 1898 / Ed. by K.L. Ketner, H. Putnam – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 312 p.

238. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching // *Linguistics*. – 1980. – 18 (7-8). – P. 581-681.

239. Quyen N.H. Code-Switching in Conversations of Vietnamese Teenagers / M.A. Thesis in the English Language (A Summary). – DN: Ministry of Education and Training University of Da Nang, 2011. – 26 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tailieuso.udn.vn/bitstream/TTHL_125/115/1/Summary.pdf

240. Ragnasdottir H., Strömquist S. Time, space, and manner in Swedish and Icelandic // *Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives* / Ed. by S. Strömquist, L. Verhoeven. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – 2. – P. 113-142.

241. Ramsar M., Matlock T., Boroditsky L. Time, motion, and meaning: the experimental basis of abstract thought // *The spatial foundations of language and cognition* / Ed. by M. Gasser, K.S. Mix, L.B. Smith. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 67-86.

242. Rickheit G. Psycholinguistik: die Wissenschaft vom sprachlichen Verhalten und Erleben / Ed. by G. Rickheit, L. Sichelschmidt, H. Strohner. – Tübingen: StauffenburgVerlag Brigitte Narr GmbH, 2007. – 202 S.

243. Roberts M. The Problem of the Hybrid Language // *Journal of English and Germanic Philology*. – 1939. – 38. – P. 23-41.

244. Roediger H.L., III, &McDermott K.B. Creating false memories: Remembering words not presented in lists // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 1995. – 21. – P. 803-814.

245. Roediger H.L., III, McDermott K.B., & Robinson K.J. The role of associative processes in creating false memories // *Theories of memory* / Ed. by M.A. Conway, S.E. Gathercole, C. Cornoldi. – Hove, UK: Psychological Press, 1998. – II. – P. 187-246.

246. Rosa E.M., Leow R.P. Awareness, different learning conditions, and second language development // *Applied Psycholinguistics*. – 2004. – Vol. 25. – P. 269-292.

247. Sadakane K., Koizumi M. On the nature of the “dative” particle ni in Japanese Linguistics. – 1995. – 33. – P. 5-33.

248. Sala M. *Lenguas en contacto*. – Madrid: Gredos, 1998. – P. 129-177.

249. Samadani A., Burton S.J., Gorbet R., Kulic D. Laban Effort and Shape analysis of affective hand and arm movements // Accepted for publication in 5th

International Conference on Affective Computing and Intelligent Interaction. – Geneva, Switzerland, 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ece.uwaterloo.ca/~dkulic/pubs/Samadani ACII2013.pdf>

250. Scala A. Armenian and morphological interference // Cultural, Linguistic and Ethnological Interrelations in and Around Armenia / Ed. by J. Dum-Tragut, U. Bläsing. – UK: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – P. 145-158.

251. Schmidtke H.R. Path and space: the lexical specification of granular compatibility // Motion Encoding in Language and Space / Ed. by M. Vulchanova, E. van der Zee. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2003. – P. 166-186.

252. Seifert H., Threlfall W. Lehrbuch der Topologie. – Leipzig, Berlin: Teubner, 1934. – 361 S.

253. Selin H. Introduction // Science Across Cultures: The History of Non-Western Astronomy (Science Across Cultures: The History of Non-Western Science) / Ed. by H. Selin. – Norwell, MA: Kluwer Academic Publishers, 2000. – P. 3-21.

254. Sharwood Smith M. On Explaining Language Loss // Language Development at the Crossroads / Ed. by S. Felix, H. Wode. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1983. – P. 49-469.

255. Slack J., E. van der Zee The Representation of Direction in Language and Space // Representing Direction in Language and Space / Ed. by E. van der Zee, J. Slack. – London / NY: Oxford University Press, 2003. – P. 1-17.

256. Slobin D.I., Hoiting N. Reference to movement in spoken and signed languages: typological considerations / D. Slobin // Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. – Berkeley Linguistic Society, 1994. – P. 487-505.

257. Slobin D.I. A typological perspective on learning to talk about space // 3rd NELAS Conference, Learning to talk about time / Ed. by H. Ragnarsdóttir, S. Strömquist. – Reykjavík, 1994. – P. 1-30.

258. Slobin D.I. From 'thought and language' to 'thinking for speaking' // Rethinking linguistic reality / Ed. by J.J. Gumperz, S.C. Levinson. – Cambridge University Press, Cambridge, 1996 a. – P. 70-96.

259. Slobin D.I. Two ways to travel. Verbs of motion in English and Spanish // Grammatical Constructions. Their form and meaning / Ed. by M. Shibatani, S.A. Thompson. – Oxford: Clarendon Press, 1996 b. – P. 195-219.

260. Slobin D.I. Mind, code, and text // Essays on language function and language type / Ed. by J. Bybee, J. Haiman, S.A. Thompson. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 437-467.

261. Slobin D.I. Verbalized events – a dynamic approach to linguistic relativity and determinism // Evidence for linguistic relativity / Ed. by S. Niemeier, R. Dirven). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 265 p.

262. Slobin D.I. Language and thought online: cognitive consequences of linguistic relativity // Language in mind /Ed. by D. Gentner, S. Goldin-Meadow. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. – P. 157-192.

263. Slobin D.I. How people move: discourse effects of linguistic typology // Discourse Across Languages and Cultures / Ed. by C. L. Moder, A. Martinovic-Zic. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. – P. 195-210.

264. Slobin D.I., Hoiting N., Kuntze M., et al. A Cognitive / Functional Perspective on the Acquisition of "Classifiers" // Perspectives on classifier constructions in sign languages / Ed. K. Emmorey. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – P. 271-296.

265. Stabler E.P. Mathematics of language learning // Histoire, Épistémologie, Langage. – 2009. – XXXI (1). – P. 127-144.

266. Steele P.R., Allen C. J. Handbook of Inca mythology. – Santa-Barbara, CA: ABC – CLIO, 2004. – 319 p.

267. Styblo M. Jr. English Loanwords in Modern Russian Language // Unpublished M.A. thesis. – University North Carolina: Chapel Hill, 2007. – 72 p.

268. Swan M. The influence of the mother tongue on second language vocabulary acquisition and use // *Vocabulary: Description, acquisition and pedagogy*/ Ed. by N. Schmitt, M. McCarthy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 156-180. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mikeswan.co.uk/elt-applied-linguistics/influence-second-language.htm>

269. Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences // *Working Papers on Language Universals*. – Stanford, 1978. – P. 627-649.

270. Talmy L. How language structure space / *Spatial orientation: theory, research and application*. – NY, 1983. – P. 225-282.

271. Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // *Language typology and syntactic description*. – NY: Cambridge University Press, 1985. – P. 57-149.

272. Talmy L. Path to realization: a typology of event conflation // *Berkeley Working Papers in Linguistics*, 1991. – P. 480-519.

273. Talmy L. Fictive motion in language and "ception" // *Language and space* / Ed. by P. Bloom, M.A. Peterson, L. Nadel, M.F. Garrett). – Cambridge, MA: MIT Press 1996. – P. 211-276.

274. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics* // *Typology and Process in Concept Structuring*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000 a. – Vol. II. – 503 p.

275. Talmy L. Force dynamics in language and cognition // *Toward a cognitive semantics. Concept structuring systems*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000 b. – Vol. I. – P. 409-470.

276. Tenny C. The aspectual interface hypothesis // *Lexical matters* /Ed. by I.A. Sag, A. Szabolcsi. – Stanford: CSLI Publications, 1992. – P. 490-508.

277. Teresi D. *Lost discoveries: the ancient roots of modern science-from the Babylonians to the Maya*. – NY: Simon and Shuster, 2002. – 464 p.

278. Thiering M. *Linguistic Categorization of Topological Spatial Relations: TOPOI – Towards a Historical Epistemology of Space* / Max-Planck-Institut für

Wissenschaftsgeschichte [Reprint]. – Berlin: Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte. – 2009. – Vol. 373 – 73 p.

279. Thomason S.G. *Language Contact*. – Edinburg: Edinburg University Press, 2001. – 321 p.

280. Thompson S.A. *Functional Linguistics: Overview Emergentist Approaches to Language Iconicity Usage-Based Grammar* / Ed. by William J. Frawley / *Oxford International Encyclopedia of Linguistics*, 2nd edition. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 52-56.

281. Toman J. *The Magic of a Common Language: Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle* // *Current Studies in Linguistics*. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1995. – 335 p.

282. Tomasello M. *New Psychology of Language: Cognitive and Functional Applications to Language Structure*. – Mahwah, NJ: Psychology Press, 1998. – 320 p.

283. Traugott E. C. *On the expression of spatio-temporal relations in language* // *Universals of human language / Word Structure* / Ed. by J.H. Greenberg. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – vol. 3. – P. 369-400.

284. Tsujimura N. *An introduction to Japanese linguistics*. – Oxford: Blackwell, 1996. – 401 p.

285. Villanueva M. L. *The Role of the L1 in the Acquisition and Use of the L: New perspectives* // *Bells: Barcelona English Language and Literature Studies* [s.l.]: Universitat de Barcelona, 1989. – Vol. 2. – P. 73-79.

286. Wechsler S. *Resultatives under the ‘event-argument homomorphism’ model of telicity* // *The syntax of aspect* / Ed. by N. Erteschik-Shir, T. Rapoport. – London: Oxford University Press, 2005. – P. 255-273.

287. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. – Paris: Walter de Gruyter, 1974. –148 p.

288. Wienold G. *Lexical and conceptual structures in expressions for movement and space: with reference to Japanese, Korean, Thai, and Indonesian as*

compared to English and German // Lexical knowledge in the organization of language / Ed. by U. Egli, P.E. Pause, C. Schwarze, A. von Stechow, G. Wienold. – NY: John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 301-340.

289. Zlatev J., Yangklang P. A third way to travel: The place of Thai in motion-event typology // Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives / Ed. by S. Strömquist, L. Verhoeven. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – 2. – P. 159-190.

290. Zwarts J. Vectors across Spatial Domains: From Place to Size, Orientation, Shape, and Parts // Representing Direction in Language and Space / Ed. by E. van der Zee, J. Slack. – London/N.Y.: Oxford University Press, 2003. – P. 39-68.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: Русский ассоциативный словарь. В 6-ти кн. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры – ИРЯ РАН, 1994. – Кн.1: Прямой словарь: от стимула к реакции. – 224 с.

2. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: Русский ассоциативный словарь. В 6-ти кн. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры – ИРЯ РАН, 1994. – Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу. – 358 с.

3. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: Русский ассоциативный словарь. В 6-ти кн. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры – ИРЯ РАН, 1996. – Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции. – 212 с.

4. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: Русский ассоциативный словарь. В 6-ти кн. / под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры – ИРЯ РАН, 1996. – Кн. 4: Обратный словарь: от реакции к стимулу. – 324 с.

5. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: Русский ассоциативный словарь. В 6-ти кн. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры – ИРЯ РАН, 1998. – Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. – 204 с.

6. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: Русский ассоциативный словарь. В 6-ти кн. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры – ИРЯ РАН, 1998. – Кн. 6: Обратный словарь: от реакции к стимулу. – 324 с.

7. БЭС – Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин, Р.С. Гинзбург и др. – 4-е изд., испр., с доп. – М.: Русский язык,

1987. – Т. 1: А – М. – 1037 с.

8. БЭС – Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин, Р.С. Гинзбург и др. – 4-е изд., испр., с доп. – М.: Русский язык, 1988. – Т. 2: N – Z. – 1072 с.

9. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

10. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Издательство Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.

11. ПСЛТ – Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

12. Berlitz Vietnamese Concise Dictionary: Vietnamese – English, English – Vietnamese. – Springfield, NJ: Berlitz Publishing, 2007. – 671 p.

13. Collins Cobuild Advanced Dictionary of American English. – Glasgow: Harper Collins Publisher Ltd., 2006. – 1680 p.

14. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/directionality>

15. Larousse Vietnamese Phrasebook (Larousse Phrasebook). – Paris: Larousse Bilingual/ French, 2007. – 192 p.

16. The Newbury House Dictionary of American English. – Boston: Heinle and Heinle Publishers, 1999. – 1031 p.

17. The Psychonomic Society's Norms, Stimuli, and Data archive [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psychonomic.org/archive>

18. Somali Grammar / Dhismana Af Sooma [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hooyo.web.free>

19. The University of South Florida Free Association Norms (USF-FAN) / Nelson D.L., McEvoy C.L. & Schreiber T.A. – 2004. – Appendix A [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://w3.usf.edu/FreeAssociation/Appendix.htm/>

20. Vietnamese-English Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-vietnamese>

21. Your Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Словарные дефиниции слов *space/khoảng/пространство*

Словарная дефиниция	Перевод на русский язык	Источник информации
<p>1) the area beyond earth in which planet, stars, moons, etc., exists;</p> <p>2) a blank or empty area;</p> <p>3) a place used for something, an available place.</p> <p>4) time away from others, used to think, plan, live life one's own way, etc.</p>	<p>1) область за пределами земного шара, в которой существуют планеты, звезды, луны и т.д.;</p> <p>2) пустая или незаполненная площадь/область;</p> <p>3) место, используемое для чего-либо, доступное место.</p> <p>4) свое свободное время, используемое для того, чтобы думать, строить планы, жить своей жизнью по-своему.</p>	<p>The Newbury House Dictionary of American English [1999: 830]</p>
<p>1) You use «space» to refer to an area that is empty or available. The area can be any size. For example, you can refer to a large area outside as a large open space or to a small area between two objects as a small space.</p> <p>2) A particular kind of space is the area that is available for a particular activity or putting a particular kind of thing in.</p> <p>3) If a place gives a feeling of space, it gives an impression of being large and open.</p> <p>4) If you give someone space to think about something or to develop as a person, you allow them the time</p>	<p>1) Вы употребляете слово «пространство» в отношении территории, которая не занята и может быть использована. Территория может быть любого размера. Например, вы можете иметь в виду большую открытую территорию снаружи (большое открытое пространство) или небольшой участок между двумя объектами (небольшое пространство).</p> <p>2) Определенный вид пространства - это область, которая доступна для определенного вида деятельности или размещения в нем предмета определенного вида.</p> <p>3) Если место создает ощущение пространства, то оно воспринимается как нечто большое и открытое.</p> <p>4) Если вы кому-то даете пространство (возможность) подумать о чем-то или развиваться</p>	<p>Collins Cobuild Advanced Dictionary of American English [2006: 1254]</p>

and freedom to do this.	как личности, то вы даете им время и свободу это сделать.	
5) Space is the area beyond the earth's atmosphere, where the stars and planets are.	5) Пространство – это область за пределами земной атмосферы, где находятся звезды и планеты.	
6) Space is the whole area within everything exists.	6) Пространство – безграничная область, в которой находится все сущее.	
7) A space of time is a period of time.	7) Пространство времени – это период времени.	

Словарная дефиниция	Перевод на русский язык	Источник информации
<p>khoảng trống, khoảng cách/ a gap, an empty or uncovered place</p> <p>khoảng, chỗ /room; space; the absence of objects; the area available for use</p> <p>không gian vũ trụ/ (often outer space) the region outside the Earth's atmosphere, in which all stars and other planets, etc. are situated</p> <p>khoảng cách chừa lại giữa những vật/ the amount of distance left between objects, words, etc. when they are set or laid out</p>	<p>Пространство – разрыв; пустое или свободное место.</p> <p>Пространство – место; отсутствие объектов; территория, пригодная для использования.</p> <p>Пространство – (зачастую космос) область за пределами атмосферы Земли, в которой расположены все звезды и другие планеты и т.д.</p> <p>Пространство – расстояние между объектами, словами и т.д., когда они установлены или размещены.</p>	<p>Vietnamese - English Cambridge Dictionary [http] Larousse</p> <p>Vietnamese Phrasebook [2007: 139]</p>
<p>khoảng không gian, khoảng không /outer space</p> <p>khoảng cách/ distance, interval</p> <p>khoảng cách giữa các hàng/ space between the rows</p> <p>khoảng, chỗ/space</p> <p>choán mất nhiều chỗ / take too much space</p> <p>bàn được đặt cách nhau một mét/ tables are spaced one metre apart</p> <p>những vùng rộng mênh mông/ the wide open space</p> <p>trang vũ trụ/ space station</p>	<p>Пространство – внешнее пространство.</p> <p>Пространство – расстояние, интервал.</p> <p>Пространство – расстояние между рядами.</p> <p>Пространство – место.</p> <p>Пространство – занимать слишком много места (пространства).</p> <p>Столы расположены на расстоянии одного метра друг от друга.</p> <p>Огромное пространство, широкий простор.</p> <p>Космическая станция.</p>	<p>Berlitz Vietnamese Concise Dictionary: Vietnamese – English, English – Vietnamese [2007: 147 – 148, 150 – 151, 285]</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Словарные дефиниции слов *movement/động/движение*

Словарная дефиниция	Перевод на русский язык	Источник информации
<p>1) going from one place to another, motion;</p> <p>2) the ability to move;</p> <p>3) a political or social cause;</p> <p>4) (in music) a major division of symphony or sonata.</p>	<p>1) перемещение из одного места в другое, движение;</p> <p>2) способность передвигаться;</p> <p>3) политическое или социальное движение;</p> <p>4) (в музыке) основное разделение симфонии или сонаты.</p>	<p>The Newbury House Dictionary of American English [1999: 559]</p>
<p>1) A movement is a group of people who share the same beliefs, ideas, or aims.</p> <p>2) Movement involves changing position or going from one place to another;</p> <p>3) Movement is a gradual development or change of an attitude, option;</p> <p>4) Your movements are everything that you do or plan to do during a period of time.</p>	<p>1) Движение – это группа людей, которые разделяют одинаковые убеждения, идеи или цели.</p> <p>2) Движение подразумевает изменение расположения или переход из одного места в другое;</p> <p>3) Движение является постепенным развитием или изменением отношения, точки зрения;</p> <p>4) Ваше движение является всем, что вы делаете или планируете сделать за какой-то период времени.</p>	<p>Collins Cobuild Advanced Dictionary of American English [2006: 856]</p>

Словарная дефиниция	Перевод на русский язык	Источник информации
<p>sự chuyển động/(an act of) changing position or going from one point to another</p> <p>hoạt động/ activity</p> <p>cử động/ the art of moving gracefully</p>	<p>Движение – (акт) изменения положения или перехода из одной точки в другую.</p> <p>Движение – деятельность.</p> <p>Движение – искусство двигаться</p>	<p>Vietnamese - English Cambridge Dictionary [http] Larousse</p>

<p>or expressively</p> <p>phong trào, cuộc vận động/ an organization or association</p> <p>kim đồng hồ/ the moving parts of a watch, clock, etc.</p> <p>(âm nhạc) phần/ a section of a large-scale piece of music</p> <p>xu hướng chung/ a general tendency towards a habit, point of view, etc.</p>	<p>грациозно или выразительно. Движение – организация или ассоциация.</p> <p>Движение – движущиеся части часов и т.д.</p> <p>Движение – раздел большого музыкального произведения (например, симфонии)</p> <p>Движение – обобщенная склонность к привычке, точке зрения и т. д.</p>	<p>Vietnamese Phrasebook [2007: 99]</p>
<p>cử động / movement</p> <p>vỡ kịch thiếu hẳn sự hoạt động/ to play lacks movement</p> <p>một động tác duyên dáng/ a graceful movement</p> <p>bất động/ to lie without movement</p> <p>bộ phận hoạt động của đồng hồ/ the movement of a clock</p> <p>hoạt động/ activity</p> <p>theo dõi hoạt động của ai/ to watch someone's movements</p> <p>(âm nhạc) phần/ movement</p> <p>phần thứ nhất của bản giao hưởng/ the first movement of a symphony</p> <p>phong trào/ the national liberation movement</p> <p>phong trào giải phóng dân tộc/ the national liberation movement</p>	<p>Движение</p> <p>Недостаточно движения в игре.</p> <p>Изящные движения.</p> <p>Лежать без движения.</p> <p>Движение часов.</p> <p>Движение – деятельность.</p> <p>Смотреть на чьи-то движения</p> <p>Движение</p> <p>Первое движение симфонии</p> <p>Национальное движение</p> <p>Движение – национально-освободительное движение</p>	<p>Berlitz Vietnamese Concise Dictionary: Vietnamese – English, English – Vietnamese [2007: 79 –80, 107 – 108, 227]</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Словарные дефиниции слов *direction/hướng/направление*

Словарная дефиниция	Перевод на русский язык	Источник информации
<p>1) A direction is the general line that someone or something is moving or pointing in.</p> <p>2) A direction is the general way in which something develops or progresses;</p> <p>3) Directions are instructions that tell you what to do, how to do something, or how to get somewhere.</p>	<p>1) Направление – это общая линия, по которой кто-то или что-то движется или на которую указывает.</p> <p>2) Направление – общий способ (путь), в котором что-то развивается или прогрессирует.</p> <p>3) Направления – это инструкции, которые объясняют вам, что делать, как делать что-то, или как добраться куда-нибудь.</p>	Collins Cobuild Advanced Dictionary of American English [2006: 360]
<p>1) A route, line of movement geographically;</p> <p>2) leadership, guidance toward goals;</p> <p>3) artistic management and control;</p> <p>4) an approach, a line of thought, or action;</p> <p>5) a) instructions (how to do something), guidance; b) instructions (how to go somewhere);</p> <p>6) sense of direction: the ability to sense where one is and which way to go.</p>	<p>1) Маршрут, линия движения географически;</p> <p>2) руководство, руководство к цели;</p> <p>3) художественное руководство и контроль;</p> <p>4) подход, направление мысли, или действие;</p> <p>5) а) инструкции (как сделать что-то), указания; б) инструкции (как доехать или дойти куда-то);</p> <p>6) чувство направления: способность понимать, где находишься и куда идти.</p>	The Newbury House Dictionary of American English [1999: 224]

Словарная дефиниция	Перевод на русский язык	Источник информации
<p>hướng/ the place or point to which one moves, looks, etc. hướng dẫn/ guidance chỉ dẫn/ (in plural) instructions (e.g. on how to get somewhere, use something, etc.)</p> <p>lời hướng dẫn/ the act of aiming or turning (something or someone) towards a certain point</p>	<p>Направление – место или точка, к которой кто-то движется, вид и т.д. Направление – руководство. Направления – (во мн. ч.) инструкции (например, о том, как добраться куда-нибудь, пользоваться чем-то и т.д.). Направление – акт (совет) с целью или поворот (чего-то или кого-то) по направлению к определенной точке.</p>	<p>Vietnamese - English Cambridge Dictionary [http] Larousse Vietnamese Phrasebook [2007: 45]</p>
<p>chỉ dẫn/ directions, instructions lời hướng dẫn cách dùng/ directions for use mặt/direction sự cải tiến về nhiều mặt/ improvement in many directions nắm quyền điều khiển một công việc/ to assume the direction of an affair phương hướng/ direction to the place về hướng/ in the direction of</p> <p>ra chỉ thị/ to give directions</p>	<p>Направления, инструкции. Направления – (во мн. ч.) указания по применению. Направление. Улучшение во многих направлениях. Брать на себя руководство делом. Направление к месту. В направлении, по направлению к. Давать указания.</p>	<p>Berlitz Vietnamese Concise Dictionary: Vietnamese – English, English – Vietnamese [2007: 57, 139 – 140, 229]</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Ассоциативные реакции на слова-стимулы *space*, *movement* и *direction* по данным «Словаря свободных ассоциативных норм университета Южной Флориды» («The University of South Florida Free Association Norms»)

Ассоциативные реакции на слово-стимул <i>space</i>	Число реакций	Ассоциативные реакции на слово-стимул <i>movement</i>	Число реакций	Ассоциативные реакции на слово-стимул <i>direction</i>	Число реакций
Star	197	Motion	142	North	140
Shuttle	197	Action	142	Up	140
Outer	197	Still	142	Way	140
Ship	197	Run	142	Arrow	140
Universe	197	Walk	142	Left	140
Empty	197	Fast	142	Right	140
Room	197	Dance	142	Lost	140
Frontier	197	Activity	142	South	140
Planet	197	Crawl	142	Compass	140
Rocket	197	Earthquake	142	East	140
Time	197	Freedom	142	Instruction	140
Astronaut	197	Frozen	142	Map	140
Moon	197	Shake	142	Stop	140
Air	197	Slow	142	West	140
Area	197	Stop	142	Point	140
Blank	197	Wave	142	Straight	140
NASA	197			Where	140
Open	197			Follow	140
Cadet	197			Forward	140
Black	197			Go	140
Earth	197			Heading	140

Mountain	197			Order	140
Nothing	197			Path	140
Place	197			Wrong	140
Vacuum	197				
Число различных реакций	25		16		24
Всего реакций	4925		2272		3360

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Ассоциативные реакции на слова-стимулы *пространство, движение и направление* по данным «Ассоциативного тезауруса современного русского языка: Русского ассоциативного словаря»

I. Ассоциативные реакции на слово-стимул *пространство*

Ассоциативные реакции на слово-стимул <i>пространство</i>	Число реакций	Источник информации	Ассоциативные реакции на слово-стимул <i>пространство</i>	Число реакций	Источник информации
Перемещать	9	АТСРЯ, кн. 2 [1994: 253]	Вакуум	7	АТСРЯ, кн. 6 [1998:225]
Площадь	6		Аудитория	1	
Воздух	2		Бездна	1	
Небо	2		Бесконечность	1	
Бесформенный	1		Влево	1	
Быть	1		Восток	1	
Видеть	1		Долина	1	
Воздух	1		Евразия	1	
Квадрат	1		Замкнутый	1	
Километр	1		Измерение	1	
Море	1		Материя	1	
Наука	1		Нигде	1	
Оно	1		Обширный	1	
Поле	1		Расстояние	1	
Потом	1		Ширина	1	
Проводить	1		Пространства - бесконечность	1	

Рабочий	1		Пространства измерение	- 1	
Редко	1				
Светлый	1				
Сторона	1				
Странный	1				
Существовать	1				
Улица	1				
Число различных реакций	23			17	
Всего реакций	38			23	

II. Ассоциативные реакции на слово-стимул *движение*

Ассоциативные реакции на слово- стимул <i>движение</i>	Число реакций	Источник информации	Ассоциативные реакции на слово- стимул <i>движение</i>	Число реакций	Источник информации
Шаг	7	АТСРЯ, кн. 2 [1994: 67]	Инерция	12	АТСРЯ, кн. 6 [1998: 63]
Передвигать	3		Нацизм	3	
Процесс	3		Быстрота	2	
Ход	3		Затормозить	2	
Бегать	2		Относительность	2	
Велосипед	2		Развитие	2	
Жест	2		Торможение	2	
Живое	2		20 век	1	
Идти	2		Бодрость	1	
Машина	2		Влево	1	
Метро	2		Двигатель	1	
Становится	2		Запрещать	1	
Танцевать	2		Куда-нибудь	1	

Транспорт	2		Машинка	1	
Буран	1		Машины	1	
Ветер	1		Механический	1	
Водить	1		Мускулы	1	
Говорить	1		Нацизм	1	
Изменить	1		Освободить	1	
Километр	1		Оттолкнуть	1	
Кино	1		Пешеход	1	
Колесо	1		Положение	1	
Метель	1		Поражение	1	
Мучение	1		Присесть	1	
Начну	1		Прорыв	1	
Нога	1		Расизм	1	
Остановиться	1		Справа	1	
Отцами	1		Толчок	1	
Передать	1		Тормозить	1	
Перемещать	1		Ускорение	1	
Плыть	1		Шовинизм	1	
Поднять	1		Энергия	1	
Подняться	1		Движение назад - регресс	1	
Подойти	1		Движение политическое - нацизм	1	
Ползти	1				
Помнить	1				
Приводить	1				
Прилететь	1				
Решить	1				

Сесть	1				
Слушать	1				
Улица	1				
Ходить	1				
Энергичный	1				
Движение воздуха - ветер	1				
Движение вперед - наукам	1				
Движение рукой - жест	1				
Движение частиц - атомное	1				
Движению - начаться	1				
Движения - процесс	2				
Движения - сигнал	1				
Движения - служба	1				
Движения - танцевать	1				
Число различных реакций	53			34	
Всего реакций	67			52	

III. Ассоциативные реакции на слово-стимул *направление*

Ассоциативные реакции на слово- стимул <i>направление</i>	Число реакций	Источник информации	Ассоциативные реакции на слово- стимул <i>направление</i>	Число реакций	Источник информации
Измерять	4	АТСРЯ, кн. 2 [1994: 173]	Шовинизм	7	АТСРЯ, кн. 6 [1998: 160]
Сторона	3		Восток	2	
Важнейший	1		Реализм	2	
Возродить	1		Слева	2	

Идти	1		Авангардист	1	
Измените	1		Бум	1	
Основной	1		Влево	1	
Следовать	1		Жанр	1	
Течение	1		Сзади	1	
Направление в музыке - металл	1		Стрелка	1	
Направлять- вести	1		Усилие	1	
Направлять- помогать	1		Направление в живописи - авангардист	1	
			Направление в искусстве - реализм	1	
			Направление в литературе - реализм	1	
			Направление в живописи - реализм	1	
Число различных реакций	12			18	
Всего реакций	18			24	